

Том 11. № 4
2014

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

ISSN 1813-8918

Учредитель

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Главный редактор

В.А. Петровский (НИУ ВШЭ)

Редакционная коллегия

Дж. Берри (Университет Куинс, Канада)

Г.М. Бреслав (Балтийский университет психологии и менеджмента, Латвия)

Е.Л. Григоренко (МГУ им. М.В. Ломоносова и Центр ребенка Йельского университета, США)

В.А. Ключарев (НИУ ВШЭ)

Д.А. Леонтьев (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)

М. Лич (Рочестерский университет, США)

Д.В. Люсин (НИУ ВШЭ и ИП РАН)

Е.Н. Осин (НИУ ВШЭ)

А.Н. Поддьяков (НИУ ВШЭ)

Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.) (ИП РАН)

А.В. Хархурин (Американский университет Шарджи, ОАЭ)

В.Д. Шадрikov (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)

С.Р. Яголкинский (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)

Экспертный совет

К.А. Абульханова-Славская (НИУ ВШЭ и ИП РАН)

Н.А. Алмаев (ИП РАН)

В.А. Барабанчиков (ИП РАН и МГППУ)

Т.Ю. Базаров (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)

А.К. Болотова (НИУ ВШЭ)

А.Н. Гусев (МГУ им. М.В. Ломоносова)

А.Л. Журавлев (ИП РАН)

А.В. Карпов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)

Е.А. Климов (МГУ им. М.В. Ломоносова)

А. Лэнгле (НИУ ВШЭ)

А.Б. Орлов (НИУ ВШЭ)

В.Ф. Петренко (МГУ им. М.В. Ломоносова)

В.М. Розин (ИФ РАН)

И.Н. Семенов (НИУ ВШЭ)

Е.А. Сергиенко (ИП РАН)

Е.Б. Старовойтенко (НИУ ВШЭ)

Т.Н. Ушакова (ИП РАН)

А.М. Черноризов (МГУ им. М.В. Ломоносова)

А.Г. Шмелев (МГУ им. М.В. Ломоносова)

П. Шмидт (НИУ ВШЭ и Гиссенский университет, Германия)

«Психология. Журнал Высшей школы экономики» издается с 2004 г. Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и поддерживается факультетом психологии НИУ ВШЭ.

Миссия журнала – это

- повышение статуса психологии как фундаментальной и практико-ориентированной науки;
- формирование новых предметов и программ развития психологии как междисциплинарной сферы исследований;
- интеграция основных достижений российской и мировой психологической мысли;
- формирование новых дискурсов и направлений исследований;
- предоставление площадки для обмена идеями, результатами исследований, а также дискуссий по основным проблемам современной психологии.

В журнале публикуются научные статьи по следующим основным темам:

- достижения и стратегии развития когнитивной, социальной и организационной психологии, психологии личности, персонологии, нейронаук;
- методология, история и теория психологии;
- методы и методики исследования в психологии;
- междисциплинарные исследования;
- дискуссии по актуальным проблемам фундаментальных и прикладных исследований в области психологии и смежных наук.

Целевая аудитория журнала включает профессиональных психологов, работников образования, представителей органов государственного управления, бизнеса, экспертных сообществ, студентов, а также всех тех, кто интересуется проблемами и достижениями психологической науки.

Журнал выходит 1 раз в квартал и распространяется в России и за рубежом.

Выпускающий редактор *Ю.В. Брисева*

Редакторы *О.В. Шапошникова*, *О.В. Петровская*

Корректурa *Н.С. Самбуй*

Переводы на английский *А.С. Науменко*,

К.А. Чистопольская

Компьютерная верстка *Е.А. Валуевой*

Адрес редакции:

109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 46Б

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Сайт: <http://psy-journal.hse.ru/>

Перепечатка материалов только по согласованию с редакцией.

© НИУ ВШЭ, 2014 г.

Том 11. № 4
2014

ПСИХОЛОГИЯ
Журнал Высшей школы экономики

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка главного редактора

«Шадриков для меня...» К 75-летию Владимира Дмитриевича Шадрикова5

Специальная тема выпуска: Принятие неопределенности, эмоциональный интеллект и интуиция в регуляции мыслительной деятельности и креативности

Т.В. Корнилова. Вступительное слово15

Т.В. Корнилова. Толерантность к неопределенности и эмоциональный интеллект при принятии решений в условиях подсказки19

Е.В. Краснов, М.А. Чумакова. Предикторы личностного выбора на материале методики эмоционального предвосхищения37

Т.В. Корнилова, И.А. Чигринова. Личностные ценности, моральное развитие и эмоциональный интеллект в регуляции выбора в ситуации межличностного взаимодействия *(на английском языке)*56

Е.М. Павлова. Имплицитные теории и самооценка креативности в структуре самосознания личности75

Статьи

С.М. Бардина. Возможность интерпретации бредовых высказываний как проблема «философии психиатрии»95

Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: От объяснительной модели к дифференциальной диагностике110

Е.Б. Станковская. Сказать себе «да»: экзистенциально-аналитическое понимание автономии *(на английском языке)*136

Короткие сообщения

А.А. Турковский, Б.И. Беспалов, А.В. Вартанов, А.А. Кисельников. Оценка аппаратурной погрешности в хронометрическом психологическом эксперименте с использованием современного оборудования146

П.А. Ямщикова, М.Б. Кувалдина. Исследование условия слепоты по невниманию методом вызванных потенциалов *(на английском языке)*158

Vol. 11. No 4
2014

PSYCHOLOGY

Journal of the Higher School of Economics

Publisher

National Research University
«Higher School of Economics»

ISSN 1813-8918

Editor-in-Chief

Vadim Petrovsky, HSE, Russian Federation

Editorial board

John Berry, Queen's University, Canada
Gershons Breslavs, Baltic Psychology and Management
University College, Latvia

Elena Grigorenko, Lomonosov MSU, Russian Federa-
tion, and Yale Child Study Center, USA

Vasily Klucharev, HSE, Russian Federation

Anatoliy Kharkhurin, American University of Sharjah, UAE

Dmitry Leontiev, HSE and Lomonosov MSU, Russian
Federation

Martin Lynch, University of Rochester, USA

Dmitry Lyusin, HSE and Institute of Psychology of
RAS, Russian Federation

Evgeny Osin, HSE, Russian Federation

Alexander Poddiaikov, HSE, Russian Federation

Vladimir Shadrikov, Deputy Editor-in-Chief, HSE,
Russian Federation

Dmitry Ushakov, Deputy Editor-in-Chief, Institute of
Psychology of RAS, Russian Federation

Sergey Yagolkovskiy, Deputy Editor-in-Chief, HSE,
Russian Federation

Editorial council

Ksenia Abul Khanova-Slavskaja, HSE and Institute of
Psychology of RAS, Russian Federation

Nikolai Almaev, Institute of Psychology of RAS,
Russian Federation

Vladimir Barabanshikov, Institute of Psychology of
RAS and Moscow University of Psychology and Edu-
cation, Russian Federation

Takhir Bazarov, HSE and Lomonosov MSU, Russia

Alla Bolotova, HSE, Russian Federation

Alexander Chemoriso, Lomonosov MSU, Russian Federation

Alexey Gusev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Anatoly Karpov, Demidov Yaroslavl State University,
Russian Federation

Evgeny Klimov, Lomonosov MSU, Russian Federation

Alfried Längle, HSE, Russian Federation

Alexander Orlov, HSE, Russian Federation

Victor Petrenko, Lomonosov MSU, Russian Federation

Vadim Rozin, Institute of Philosophy of RAS, Russian
Federation

Igor Semenov, HSE, Russian Federation

Elena Sergienko, Institute of Psychology of RAS,
Russian Federation

Alexander Shmelev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Peter Schmidt, HSE, Russian Federation, and Giessen
University, Germany

Elena Starovoytenko, HSE, Russian Federation

Tatiana Ushakova, Institute of Psychology of RAS,
Russian Federation

Anatoly Zhuravlev, Institute of Psychology of RAS,
Russian Federation

«Psychology. Journal of the Higher School of Economics» was established by the National Research University «Higher School of Economics» (HSE) in 2004 and is administered by the Faculty of Psychology of HSE.

Our mission is to promote psychology both as a fundamental and applied science within and outside Russia. We provide a platform for development of new research topics and agenda for psychological science, integrating Russian and international achievements in the field, and opening a space for psychological discussions of current issues that concern individuals and society as a whole.

Principal themes of the journal include:

- methodology, history, and theory of psychology
- new tools for psychological assessment;
- interdisciplinary studies connecting psychology with economics, sociology, cultural anthropology, and other sciences;
- new achievements and trends in various fields of psychology;
- models and methods for practice in organizations and individual work;
- bridging the gap between science and practice, psychological problems associated with innovations;
- discussions on pressing issues in fundamental and applied research within psychology and related sciences.

Primary audience of the journal includes researchers and practitioners specializing in psychology, sociology, cultural studies, education, neuroscience, and management, as well as teachers and students of higher education institutions. The journal publishes 4 issues per year. It is distributed around Russia and worldwide.

Managing editor *Yu.V. Briseva*

Copy editing *O.V. Shaposhnikova, O.V. Petrovskaya, N.S. Sambu*

Translation into English *A.S. Naumenko,*

K.A. Chistopolskaya

Page settings *E.A. Valueva*

Editorial office's address:

Volgogradsky pr., 46B, 109316, Moscow, Russia.

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Website: <http://psy-journal.hse.ru/>

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

© HSE, 2014 r.

Vol. 11. No 4
2014

PSYCHOLOGY
Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

Editor's Note

«Shadrikov for me...» For Anniversary of V.D. Shadrikov (*in Russian*)5

Special Theme of the Issue. Tolerance for Uncertainty, Emotional Intelligence and Intuition in the Regulation of Thinking and Creativity

T.V. Kornilova. Editorial (*in Russian*)15

T.V. Kornilova. Tolerance for Uncertainty and Emotional Intelligence and the Use of Hints in Decision-Making (*in Russian*)19

E.V. Krasnov, M.A. Chumakova. Predictors of Personal Choice Using Emotional Anticipation Method (*in Russian*)37

T.V. Kornilova, I.A. Chigrinova. Personal Values, Moral Development, and Emotional Intelligence in the Regulation of Choice in Situations that Involve Interpersonal Interactions56

E.M. Pavlova. Implicit Theories and Self-Evaluation of Creativity in the Structure of Personal Self-Conception (*in Russian*)75

Articles

S.M. Bardina. Possibility of Delirious Statement Interpretation as an Issue for “Philosophy of Psychiatry” (*in Russian*)95

D.A. Leontiev, E.N. Osin. “Good” and “Bad” Reflection: From an Explanatory Model to Differential Assessment (*in Russian*)110

E.B. Stankovskaya. To Say “Yes” to Oneself: Existential-Analytical Perspective on Autonomy136

Work in progress

A.A. Turkovsky, B.I. Bespalov, A.V. Vartanov, A.A. Kiselnikov. Evaluation of the Instrumental Error in a Chronometric Psychological Experiment Using Modern Equipment (*in Russian*)146

P.A. Iamshchinina, M.B. Kuvaldina. An ERP Study of Inattentive Blindness Condition158

Колонка главного редактора

«ШАДРИКОВ ДЛЯ МЕНЯ...»

К 75-летию Владимира Дмитриевича Шадрикова

Формально Владимир Дмитриевич Шадриков старше нас всех, его сотрудников по департаменту психологии НИУ ВШЭ. Похоже, сейчас, в юбилейные дни, мы должны вспомнить об этом. Однако напоминание о возрасте не столь уж и важная вещь. Ведь старшинство Владимира Дмитриевича его многочисленные ученики, коллеги, сотрудники ощущают совершенно независимо от двух цифр, образующих сегодня хорошее сочетание (магическое число семь плюс школьная пятерка по жизни). Возраст юбиляра, официально зафиксированный в психологических энциклопедиях и словарях, министерских документах и ВАКовских архивах, юбилейных статьях прошлых времен и будущих статьях такого рода, — отнюдь не главное в ощущении его старшинства. Ведь мудрость старшего, по сути, не имеет возраста, а лишь подтверждается им.

Владимир Дмитриевич — мудрый человек. Его присутствие в нашей жизни переживается как уверенность: проблемы решаемы, жизнь продолжается, трудные времена — это временно.

Для многих из нас Владимир Дмитриевич — человек **науки**. Для кого-то из нас — **человек в науке**. А кто-то мог бы сказать о нем, что в науке В.Д. Шадриков стремится разглядеть **человеческое содержание**, проецируя в нее все свои собственные врожденные и приобретенные способности: мощь природы, энтузиазм деятеля, духовные черты личности. Сильный, пронизательный, отзывчивый, блестяще мыслящий человек.

Редакция «Психологии» попросила сотрудников факультета закончить предложение **«Шадриков для меня...»**. Вот что обнаружилось в нашем редакционном портфеле.

Удивительный человек, удивительной мудрости, удивительной щедрости дарить доброе, понимающее и терпеливое сердце и душу свою всем, с кем разделяешь радость бытия и познания мира, — таков для меня Владимир Дмитриевич Шадриков!

Знакомы мы с Владимиром Дмитриевичем совсем с давних времен, с моих первых аспирантских научных школ, что в те времена проходили в стенах

Ярославского Ростова — Великого монастыря, который стал предтечей нашей творческой дружбы на многие лета. И где бы я ни служила за эти долгие годы, всегда, как провидение, коллегой и наставником моим оказывался Владимир Дмитриевич. Наверное, это судьба, за что я ей премного благодарна.

Верно говорится, что окружающая природа дивных мест, лесов и излучин рек порождает таких же дивных, родившихся на ее лоне, людей. Такие люди всю жизнь несут в себе доброе, дивное, мудрое, что дала им природа родного края. Таков и наш Владимир Дмитриевич, удивительный человек своего края, своей страны, который впитал культуру от античной истории и религии до этики и культуры бытия.

Широчайший размах его научных устремлений и организаторского потенциала не поддается полному обозрению и достойной оценке. Владимир Дмитриевич обладает необычайной харизматичностью, умением ставить и решать сверхзадачи, огромным талантом в общении с коллегами, прекрасным чувством такта, юмора, терпимости и толерантности, чему многим из нас надо поучиться.

Среди научных достижений школы В.Д. Шадрикова выделяются и проблемы образования, и отмеченная премией Президента концепция проблемы одаренности и способностей, проблемы деятельности и интеллектуальных операций, и, конечно, его последние работы «Ментальное развитие человека» и «Мысль и познание».

И в каждой научной работе В.Д. Шадрикова находим симбиотическое единство естественно-научной и гуманитарной парадигмы, замечательные переливы науки и практики, что, конечно, определяет деятельностное начало всех его замыслов. Одни только темы научных диссертаций его учеников от психологии потребительского поведения, диагностики личностных способностей до восприятия рекламных сообщений свидетельствуют о смелости его позиций, открытости ко всякого рода инновациям, что скорее соотносится с дерзостными порывами молодости. А молодым и отчаянным борцом с несправедливостью он остается навсегда.

Владимир Дмитриевич, несомненно, ученый-созидатель. Подтверждение этому — не только созданный им и наполненный высококвалифицированным составом ученых факультет, но и первая научная лаборатория на факультете, на базе которой создан действенный научный центр по изучению способностей.

Естественная, доброжелательная, всегда вежливая и тактичная манера общения делает его доступным и внимательным как к студентам, аспирантам, так и к сотрудникам факультета. И каждый из нас всегда получает добрые напутствия, надежду и понимание. Таков наш Владимир Дмитриевич, который учит нас таланту жить в согласии с самим собою и с окружающими. Бесконечное спасибо Вам и признательность за Ваш талант ЧЕЛОВЕЧНОСТИ.

*Заведующая кафедрой общей и экспериментальной психологии, профессор
департамента психологии, ординарный профессор НИУ ВШЭ, декан факультета психологии (2002–2010)*

А.К. Болотова

Благодарна Владимиру Дмитриевичу Шадрикову за внимательное и уважительное, с неподдельным интересом чтение моих научных работ: это возвышает автора, особенно молодого, в собственных глазах и придает ему уверенности в будущем.

*Доцент кафедры общей и экспериментальной психологии
департамента психологии
Н.А. Варако*

Невозможно разделить факультет психологии ВШЭ и Владимира Дмитриевича, человека, сделавшего так много для его создания. Владимир Дмитриевич — эпоха российской и советской психологии, эпоха становления психологии как самостоятельной дисциплины, он сформировался как ученый во времена создания новых исследовательских подходов, фундаментальных психологических теорий и первых российских факультетов психологии. Самое главное для каждой научной дисциплины — баланс между традициями и рождением новых научных парадигм. Для меня Владимир Дмитриевич, в первую очередь, смелый мыслитель, решающий сложнейшие фундаментальные и прикладные научные задачи, чувствующий пульс современной науки и обладающий колоссальной интуицией при поддержке новых многообещающих направлений психологии. Имея возможность общаться с таким крупным организатором российской науки, я не перестаю восхищаться его уникальными качествами.

*Руководитель департамента психологии,
профессор
В.А. Ключарев*

Владимира Дмитриевича Шадрикова я знаю ну о-о-чень давно...

Со времен моей далекой юности, т.е. уже 45 лет (страшно сказать!).

Главное определение его сути — то, что было свойственно ему всегда и по сей день, — молодость, интерес ко всему новому и веселая хитринка простого русского мужика.

В этом его неизменное обаяние, это открывает ему сердца людей, вызывая на доверительное общение...

Помню, когда я училась еще на первых курсах Ярославского психфака, Владимир Дмитриевич заходил к нам на лекции и, видя на лицах угрюмость «замученного учебной студента», задорно говорил нам: «А ну-ка, что, старички и старушки, приуныли? Как говорит моя бабушка, зачиревеете скоро совсем... Давайте на природу, деревья сажать (или снег разгрести)» (зависело от времени года на дворе). Помню один такой субботник на ярославской стрелке, где Которосль впадает в Волгу, разбивали парк, и мы, студенты, активно

участвовали в посадке деревьев. Было весело, азартно, Владимир Дмитриевич с лопатой ходил между нами и подбадривал всех шуткой и добрым словом.

При этом он был достаточно строгим преподавателем, помню, на Новый год мы готовили студенческий капустник, сочиняли репризы и песенки, и в одной из них были такие слова: «И вот под Новый год, в фонариках и шариках, все Шадриков да Шадриков зачет сдавать зовет...»

Побаивались... А ведь он совсем молодой был тогда, еще и 30 лет не было...

Неправда, что молодость со временем уходит. Это – устойчивая черта личности, вечная детскость, свойственная мудрым и талантливым людям, людям с чистой душой.

*Профессор департамента психологии,
ординарный профессор НИУ ВШЭ
Н.М. Лебедева*

Владимир Дмитриевич Шадриков – для меня вдохновляющий пример ученого, всецело преданного науке. Общение с Владимиром Дмитриевичем на протяжении многих лет всегда давало повод к удивлению: его работоспособность и продуктивность, интуиция и скорость мышления, научная проницательность и эрудиция поразительны. Сила его таланта ученого и организатора науки раскрывается в постановке и решении масштабных научных задач, в диапазоне и широте интеллектуальных интересов, в прорыве в новые области науки, в научной смелости связать и сопоставить, казалось бы, несовместимое, к примеру, сущностные качества человека, выделенные по тексту Библии, и нейрофизиологические механизмы порождения мысли. Следить за Владимиром Дмитриевичем во время научной дискуссии – всегда удовольствие от сопричастности к процессу осмысления и интерпретации сложных психологических проблем, моментального схватывания сути и нерва предмета дискуссии «здесь и сейчас».

Для меня особенно интересен акцент на развитии, трансформации, динамике и формировании, в целом на процессуальности любого феномена, который находится в фокусе исследовательских интересов Владимира Дмитриевича. При этом особенно интригующим стал его поворот от исследования деятельности, способностей, мыслительных операций человека и т.д. к самому человеку, его внутреннему миру, тайнам его души.

И этой интеллектуальной силе и таланту под стать душевный и личностный талант с ярко выраженными способностями действовать и решать важные не только профессиональные, но и жизненные задачи; со способностями к резистенции и к ответственному выбору в трудных и неопределенных ситуациях, к позитивному жизненному настрою и юмору; способностью быть внимательным к запросам и душевным движениям другого, способностью выйти из своего Я навстречу другому Я; способностью к передаче достижений, смыслов, содержаний своего развития другому человеку.

Мы все – его ученики и коллеги – знаем, как Владимир Дмитриевич умеет, благодаря этим своим способностям, выстраивать интеллектуальный контекст жизни факультета и в то же время создавать отношения доверия, уважения и открытости, поддерживающие чувство самооценности и дающие возможность более уверенно чувствовать себя в мире науки, в мире образования и в мире человеческих проблем.

*Профессор кафедры общей и экспериментальной психологии
департамента психологии
О.Н. Молчанова*

Мне посчастливилось познакомиться с Владимиром Дмитриевичем в 2002 г. Тогда он был представлен нам, первому набору факультета психологии, в качестве его научного руководителя. Помню, как с самого начала обучения я с большим удовольствием рассказывала и обсуждала со своими однокурсниками теорию деятельности и теорию способностей Владимира Дмитриевича и его большой вклад в психологию. С 2008 г., подключившись к работе факультета уже в качестве преподавателя, всегда отмечала его невероятный профессионализм, твердость в принятии решений, умение в любой ситуации провести любое заседание на высочайшем уровне и, конечно же, разрядить любую сложную ситуацию с присущим ему чувством юмора.

*Старший преподаватель кафедры общей и экспериментальной
психологии департамента психологии,
заместитель руководителя департамента психологии
М.Р. Хачатурова*

Владимир Дмитриевич Шадриков представляется мне олицетворением русской природы, ее чрезвычайной широты и неизбывного стремления «объять необъятное». Если посмотреть на проблематику публикаций В.Д. Шадрикова, то невозможно не обнаружить ее широчайший содержательный диапазон, включающий в себя образование и индивидуальность, способности и внутренний мир, интеллектуальные операции и одаренность, индивида и субъекта. Если же вчитаться в его публикации (особенно монографического жанра), то этот диапазон (от предельно психологического – мысли, поступка, любви, души до предельно биологического – таламуса, пейсмейкера, релизора, мозга) непременно обнаружит себя. Парадоксальным образом в мышлении В.Д. Шадрикова как ученого уживаются гуманитарная и естественно-научная парадигмы. Но если бы только в мышлении! Будучи не только ученым, но и организатором науки, В.Д. Шадриков создал и выпестовал в Вышке уникальный психологический факультет (теперь департамент), деканом (руководителем) которого является кандидат биологических наук. Воистину «широка русская натура»! Это качество В.Д. Шадрикова как человека науки можно

назвать замечательным. Если же говорить о В.Д. Шадрикове как о человеке в науке, то нельзя не отметить еще одно качество, которое (уверен, не только для меня) является дорогим. Это качество – человечность. Как представитель человекоцентрированного подхода к науке и жизни, я ценю это качество Владимира Дмитриевича превыше всего.

*Профессор кафедры психологии личности
департамента психологии
А.Б. Орлов*

Сила В.Д.Шадрикова как теоретика мне открылась, когда я внимательно прочитал его книгу «Ментальное развитие человека». Я знаком и с другими книгами Владимира Дмитриевича, но та была в моей жизни первая! Хорошо помню свое впечатление от прочитанного. Меня удивили не только содержание, но и форма. Какая редкая вещь – основательный, уважительный, взвешенный, с прицелом на развертку собственной теории анализ концепций других авторов – Теплова, Леонтьева, Выготского!

Я отметил для себя дерзость автора, ниспровергающего постулаты (с которыми я вырос!). Ему доподлинно удастся, как говорил А.Р. Лурия, «превращать постулаты в проблемы». В отличие от классиков В.Д. Шадриков защищает в книге идею врожденности способностей, резко расширяя при этом их круг (к примеру, кто, кроме него, говоря о «духовности», трактует ее как способность?). «Дерзость» критика здесь касается сути; но форма оппонирования предельно корректная: уважительное, бережное, вровень с предметом высокое понимание того, что подвергается критике. Вот чему нужно учиться и учиться! Читая, я думал: чем объяснить такое сочетание строгости и деликатности? Все очень просто: Шадрикову всегда есть, что сказать – свое, уникальное! Поэтому-то и чужое ему не чуждо, не вызывает столь характерного для иных завистливого отторжения.

Он преподавал мне два урока, связанные с именами двух выдающихся, но не слишком жалующих друг друга теоретиков: А.Н. Леонтьева (мой учитель) и С.Л. Рубинштейна. Вот эти уроки: 1) теория Леонтьева (что бы сейчас ни говорили!) – жива (а не просто абстрактная схема, скупо оснащенная эмпирическими аргументами, как думают некоторые); и я теперь лучше смогу ответить критикам (В.Д. Шадриков продемонстрировал порождающий характер деятельности в отношении способностей; мне кажется, это капитальный вклад в психологию деятельности); 2) кроме того, Владимир Дмитриевич убедил меня в том, что принцип «психофизического единства», провозглашенный С.Л. Рубинштейном, – не просто ловкий маневр, позволяющий обвести вокруг пальца психофизическую проблему (так думал я прежде), но важный методологический ход: дозволение принять в состав психологии в качестве ее независимого партнера «непсихологическую» реальность – телесный субстрат, а не только предметную деятельность, общение, культургенез. Мозг способен откалывать такие штуки (взять хотя бы депрессию), что мало не

покажется. Урок, преподанный Шадриковым: не превращайся в следопыта, который во всем ищет скрытый мотив или знак или «речь Другого!» Бывают ведь «просто сны», так-то, господа психологи детективного жанра! Мы мыслим, следовательно, мозг существует; не устыдимся, коллеги, радетели «чистоты» психологии, принять эту нехитрую мысль!

Кстати, о мысли. В.Д. Шадриков недавно предложил очень интересную концепцию «мысли»; обязательно прочитайте! — тоже, надо сказать, урок мышления!

Уроки... Урок за уроком... И в книгах, и в решении деловых вопросов, и на экзаменах, и на защитах, и в застолье. Может быть, в этом сказывается учительское прошлое Владимира Дмитриевича? Думаю, многие коллеги согласятся со мной: каждая встреча с этим замечательным человеком — блистательным руководителем, талантливым организатором, истинным педагогом, остро мыслящим ученым, подлинной Личностью — образцовый открытый урок.

*Профессор кафедры психологии личности департамента психологии,
ординарный профессор НИУ ВШЭ
В.А. Петровский*

Непосредственно общаясь с Владимиром Дмитриевичем, понимаешь, что он не только блестящий ученый со своим глубоким видением фундаментальных проблем психологии, но и человек, активно создающий благодаря своему организаторскому таланту и доброжелательному отношению к людям возможности для их развития — профессионального и личностного. Одно из определений мудрости (в отличие от просто высокого интеллекта) — направленность на добро при понимании сложности жизни и способность генерировать решения, реализующие эту направленность. Для меня эта способность Владимира Дмитриевича — одна из самых важных его отличительных черт.

*Профессор департамента психологии,
ординарный профессор НИУ ВШЭ
А.Н. Поддьяков*

Для меня как психоаналитика и одновременно исследователя психотерапевтического аспекта психоанализа важнейшее значение имеет понятие профессиональной идентичности. Пожалуй, в психоанализе это ключевое и самое сложное понятие. Теория Владимира Дмитриевича Шадрикова о постепенном выкристаллизовывании специальных способностей из общих как раз и служит ключом к раскрытию как самого понятия профессиональной идентичности, так и сложного процесса ее формирования. Так, например, идея В.Д. Шадрикова о том, что «феномен “специальных” способностей как отличных от общих является фантомом», способна оказать серьезную поддержку начинающим специалистам-психотерапевтам, не уверенным в своих силах и способностях. Любая

деятельность, в том числе и психотерапевтическая, по мысли Шадрикова, осваивается на фундаменте общих способностей, которые развиваются и совершенствуются в процессе овладения этой деятельностью. В этом смысле процесс обретения профессиональной идентичности с соответствующими ей профессиональными компетенциями — это процесс постепенного развития способностей, характеризующийся тонким приспособлением свойств личности к требованиям деятельности.

*Заведующий кафедрой психоанализа и бизнес-консультирования,
профессор департамента психологии
А.В. Россохин*

Уникальный профессиональный путь Владимира Дмитриевича Шадрикова отмечен плодотворным периодом, который имеет большую значимость для многих психологов-исследователей. Это создание и организация деятельности факультета психологии НИУ ВШЭ, ведущими ценностями которого являются наука и образование, ориентированные на развитие личности. Научный авторитет Владимира Дмитриевича обусловлен его высокими вкладами в психологию деятельности, психологию способностей и психологию мышления, а также опытом интеграции авторских идей в целостную теорию «мира жизни человека». Компетентностью и глубиной обладают его взгляды на современную психологию личности и консультативную психологию. Он занимает поддерживающую позицию в отношении к психологическим новациям, разрабатываемым на факультете. Я и мои коллеги особенно благодарны ему за тонкое понимание «персонологического поворота» в психологии, предполагающего единство герменевтики, фундаментальной теории, практики, рефлексии и диалогичности исследователя при изучении личности. Идея этого подхода блестяще реализуется в профессиональной жизни Владимира Дмитриевича как ученого, учителя, общественного деятеля, знатока культуры и разнообразно раскрывающей себя индивидуальности.

*Заведующая кафедрой психологии личности,
профессор департамента психологии
Е.Б. Старовойтенко*

Методологический подход Владимира Дмитриевича к исследованию внутреннего мира человека очень ценен для понимания естественных механизмов психики. Тематика научных интересов Владимира Дмитриевича очень широка, во всех работах автор придерживается системного подхода и рассматривает психику как единую систему во всем разнообразии ее проявлений. Это позволяет глубоко проникать в сущность сложнейших проблем психологии: соотношения мысли, слова и образа, роли сознания и бессознательного,

взаимодействия внешних и внутренних факторов в когнитивных процессах и др. Именно такой продуктивный системный подход необходим и в психофизиологии. Владимир Дмитриевич убежден, что мозг является материальной основой для формирования внутреннего мира, он «позволяет сознанию влиять на все психические функции организма». Этот взгляд помогает освободиться от влияния бихевиоризма, понять реальную роль психофизиологических явлений в работе внутреннего мира человека.

*Доцент кафедры психофизиологии департамента психологии,
заведующий лабораторией когнитивной психофизиологии
департамента психологии
Б.В. Чернышев*

*Старший научный сотрудник лаборатории когнитивной психофизиологии
департамента психологии
Д.М. Рамендик*

Создание уникального международного научного центра Нейроэкономики и когнитивных исследований было бы невозможно без поддержки Владимира Дмитриевича Шадрикова. Благодаря ему мы смогли добиться синтеза традиций великой российской психологической школы с достижениями современной мировой экспериментальной психологии.

*Директор центра передовых исследований НИУ ВШЭ
А.Н. Шестакова*

Все годы своей работы на факультете психологии НИУ ВШЭ я не переставал удивляться способности Владимира Дмитриевича сочетать в себе самые разнообразные человеческие таланты.

Первый — это тотальная вовлеченность в научную работу. Его перу принадлежат многочисленные журнальные статьи, теоретико-методологические монографии, фундаментальные учебники, охватывающие фактически все области современной психологии.

Второй — это высокая требовательность. Педагогическая требовательность к студентам. Профессиональная требовательность к сотрудникам. Академическая требовательность к коллегам.

Третий — это острая проницательность в понимании механизмов политических процессов, причем на всех уровнях — от международных отношений до взаимоотношений в трудовом коллективе.

Четвертый — это гибкость в принятии управленческих решений. Стоит только вспомнить бурные заседания ученого совета факультета, итоги которых неизменно формулировал Владимир Дмитриевич как его председатель.

Пятый — это живой интерес к внутреннему миру окружающих людей и стремление в каждом из них увидеть и раскрыть его собственные таланты.

*Заведующий кафедрой организационной психологии
департамента психологии,
и.о. декана факультета психологии (2010–2013)
В.А. Штроо*

В научной деятельности профессионально важным качеством является умение четко выделить проблему и корректно поставить задачу по ее решению. Это имеет огромное значение не только в контексте разработки уже сформировавшихся направлений психологической науки, но и в поиске новых путей развития знаний о психическом мире человека. Именно это качество — умение «зреть в корень» — отличает Владимира Дмитриевича Шадрикова и как ученого, и как организатора и руководителя, и как человека. Многие из его коллег не раз были свидетелями того, как он буквально несколькими вопросами и уточнениями мог «дойти» до сути проблемы и обозначить путь ее решения. Такой путь мог быть в зависимости от ситуации и неординарным, и компромиссным, и мудрым. Желаю Владимиру Дмитриевичу здоровья, счастья и радости, а также дальнейших творческих свершений. Хочется, чтобы он долгие годы радовал нас, его коллег, общением, делился опытом и мудростью, проявлял свой научный и организационный талант.

*Доцент департамента психологии, зам. гл. редактора журнала «Психология.
Журнал Высшей школы экономики»
С.Р. Яголковский*

Многие коллеги, сотрудники департамента психологии (факультета психологии, неизменным руководителем которого был и остается Владимир Дмитриевич более 10 лет), живо откликнулись на предложение редакции журнала дописать фразу «Шадриков для меня...». Но метод незаконченных предложений, популярный в психологии, только в нескольких случаях дал отчетливый результат. Многие коллеги начали отвечать, но не успели закончить. Возможно, потому что поставить точку в предложении «Шадриков для меня...» очень трудно...

*Специальная тема выпуска:
Принятие неопределенности, эмоциональный
интеллект и интуиция в регуляции
мыслительной деятельности и
креативности*

Приглашенный редактор — Т.В. Корнилова

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Классическая проблема единства интеллекта и аффекта (Л.С. Выготский) по-новому переосмысливается в развивающейся в последнее десятилетие области — *психологии неопределенности*. Темы, разрабатывавшиеся достаточно автономно, — академического интеллекта, эмоционального интеллекта, личностных свойств толерантности—интолерантности неопределенности, готовности к риску, рациональности, нравственного самосознания личности и т.д. — оказались неразрывно связанными при изучении личностной регуляции выбора человека. Дело в том, что общей отличительной чертой психологической регуляции выбора, или принятия решений, является необхо-

димось преодоления неопределенности, причем не только заданной ситуационными характеристиками, но и той субъективной *неопределенности*, которая связана со свойствами самого человека (системами его знаний, личностных ценностей, индивидуально-психологических характеристик).

В зарубежных психологических исследованиях понятия *принятия решений* и *выбора* функционируют в виде двух основных терминов¹ — decision making и choice. Причем в одной и той же книге в название может быть вынесен один термин, а преимущественно используемым является другой (Hastie, Dawes, 2010). В экспериментальных работах

¹ Я оставляю вне рассмотрения немецкий Entscheidungen и английский Decising — варианты, переводимые на русский как «решения» и отличающие контекст выбора решения по отношению к контексту решения проблем (problem solving).

важный аспект — понимание ситуации выбора как *закрытой* задачи в противовес *открытым* проблемам (более известным в психологии мышления). Ситуации неопределенности требуют от человека их разрешения собственными усилиями, причем со стороны как мыслительной деятельности, так и личностного вклада. Построение образа ситуации и доопределение целей и альтернатив, прогнозирование и оценка последствий, собственно выбор (из заданных или конструируемых самим человеком альтернатив) — все эти этапы и процессы, опосредствующие принятие решений, предполагают опору субъекта на весь свой интеллектуально-личностный потенциал, в котором познавательный и личностный аспекты могут выделяться лишь условно. Человек прогнозирует не только развитие ситуации вследствие выбора им той или иной альтернативы, но и *личностную цену* принимаемого решения, включая оценку, «кем я становлюсь в результате такого моего выбора». Личность не только *осмысливает*, но и *переживает* ситуацию выбора. Даже если известны альтернативы и заданы критерии выбора, неизвестным остается, какое решение примет конкретный человек, какой критерий окажется ведущим в иерархии возможных субъективных обоснований выбора.

В психологии сложились познавательный (когнитивный) и поведенческий, мотивационный и экзистенциальный подходы к пониманию выбора как принятия решения. И каждый внес свой вклад в раскрытие регулятивной роли тех или иных процессов — от мыслительных до личностного самоопределения. В рам-

ках нашей исследовательской группы была поставлена цель возвращения к идее целостной регуляции выбора. Была сформулирована модель *множественной многоуровневой регуляции* решений человека в условиях неопределенности и обоснована гипотеза об открытости *динамических регулятивных систем* (ДРС) выбора, что предполагает динамическую иерархизацию процессов, опосредствующих выбор, и возможность выхода на ведущий уровень любого процесса (как когнитивной, так и личностной регуляции).

В подборке статей, предлагаемых вниманию читателей, объединяющим выступил определенный аспект рассмотрения указанного единства — связи личностного отношения человека к неопределенности и эмоционального интеллекта с предпочтениями выбора. Кроме общности психодиагностических методик, методическая парадигма включила использование материала вербальных задач и возможности взятия подсказки.

В одном случае возможные подсказки могли рассматриваться как использование надындивидуальных знаний. Испытуемый мог их получать в условиях компьютеризованной процедуры выборов в вербальных задачах, предполагающих и не предполагающих использование специальных знаний. Этот аспект представлен в статье Т.В. Корниловой. Кроме расширения поля информированности процедура включала изменение позиции при принятии решений «за себя» и за «другого» (других людей). Как показало исследование, этот экспериментальный фактор существенно влиял на обнаруживаемые связи толерантности—

интолерантности к неопределенности, эмоционального интеллекта и временем размышлений в ситуации выбора.

В другом исследовании, представленном в статье Е.В. Краснова и М.А. Чумаковой, подсказка выглядела как рисуночная развертка эмоционального контекста развития ситуации. В этой работе был реализован новый подход к процедуре анализа использования подсказок, акцентирующий регулятивный аспект учета эмоционального контекста в личностном выборе, ведущем или не ведущем к разрешению заданной ситуации неопределенности. Во-первых, в Методике эмоциональной подсказки (МЭП) сочетается анализ свободных личностных выборов испытуемых и ориентировки на эмоциональный контекст ситуации после того, как он раскрывается в рисунке, демонстрирующем ее развитие (после намеченной альтернативы). Во-вторых, рисунки-подсказки снимают проблему идентификации эмоций — они выражены однозначно; т.е. акцент делается на выявлении этапа принятия решения, когда после получения подсказки именно учет эмоциональной информации включается либо не включается в регуляцию принятия решений. В-третьих, в схеме исследования диагностируемые личностные свойства толерантности—интолерантности к неопределенности и эмоционального интеллекта рассматриваются в связях с характеристиками выборов человека в заданных вербально ситуациях, которые при указании предполагаемой альтернативы раскрываются рисуночным развитием событий. Здесь впервые результаты влияния подсказки анализируются на основе

построения интегративных показателей выборов. Такое усложнение исследовательских процедур оказывается оправданным, поскольку личностные свойства и выборы в ситуациях прямо связаны только одной шкалой по тесту MSCEIT; но интегративные показатели принятия решений позволяют оценить как эффективность эмоциональных подсказок, так и экологическую валидность самих задач в МЭП.

В работе Т.В. Корниловой и И.А. Чигриновой, также выполненной на материале вербальных задач, рассмотрены связи толерантности—интолерантности к неопределенности и эмоционального интеллекта с уровнями нравственного самосознания личности. На основании специально сконструированных задач, в половине которых предполагалось использование эмоционального интеллекта, а в половине — макиавеллистическое использование другого человека (ради достижения собственных целей) или отказ от манипуляции, выявлены предикторы личностных выборов. Показано, что уровни нравственного развития личности являются более значимыми предикторами в ситуациях межличностного взаимодействия.

Ранее нами была продемонстрирована роль свойств толерантности и интолерантности к неопределенности в качестве предикторов креативности (Корнилова, 2010б); выявлены связи самооенок интеллекта как опирающихся на имплицитные теории интеллекта и презентующих диалогичность самосознания личности (Корнилова, Новикова, 2011). В статье Е.М. Павловой продолжено рассмотрение связей толерантности

к неопределенности с креативностью и самооценками, измеряемыми как методикой прямой самооценки, так и опросником, нацеленным на выявление имплицитных теорий креативности. Предиктором шкал, оценивающих разные аспекты имплицитных теорий креативности (в новом опроснике КИТ — имплицитные теории креативности), выступила толерантность к неопределенности. Доверие интуиции оказалось связанным как с этим личностным свойством, так и с имплицитными теориями креативности.

Статьи представляют картину множественной и многоуровневой личностной регуляции выборов и продуктивных (креативных) решений человека, специфичную для разных выборок и условий, но в целом демонстрирующую связующее звено *отношения к неопределенности* в функционировании единого *интеллектуально-личностного потенциала* человека, разумно и личностно опосредствующего свои решения.

Т.В. Корнилова

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ПОДСКАЗКИ

Т.В. КОРНИЛОВА

Корнилова Татьяна Васильевна — профессор кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор психологических наук.

Сфера научных интересов: мышление, интеллект, личность, методология психологии, экспериментальная психология, измерение.

Контакты: tvkornilova@mail.ru; <http://www.cognitivepsy.ru>

Резюме

В исследовании поставлена проблема личностной регуляции принятия решений, которая конкретизирована применительно к условиям возможного взятия подсказки. В специально созданной компьютеризированной процедуре «поддержки принятия решения» испытуемый делал выборы «за себя» и «за других». На студенческой выборке ($n = 85$) установлены неоднозначные связи личностных свойств человека и актуальности принятия решений, личностная регуляция которых выражалась в том, что брали подсказку лица со значимо более высокими индексами шкале «Толерантность к неопределенности» (ТН) и низкими — по шкалам «Интолерантность к неопределенности» (ИТН) и «Рефлексивность». У них же были снижены показатели эмоционального интеллекта по шкале «Понимание эмоций». Расширение информированности за счет взятия подсказки означало в заданной ситуации приложение больших усилий по преодолению субъективной неопределенности и одновременно расширение поля учитываемых последствий. Эмоциональный интеллект оказался связанным с актуальностью решений противоречивым образом: при большей величине индекса межличностного интеллекта «Понимание эмоций другого человека» наблюдалась меньшая глубина взятия подсказок, и брали подсказки лица со сниженными показателями по этой шкале; при этом увеличение времени обдумывания значимо связано с повышением индексов внутриличностного интеллекта «Восприятие эмоций» и «Управление эмоциями». «Интолерантность к неопределенности» как стремление к ясности (ИТН) и как неприятие неопределенности в межличностных отношениях (МИТН) не связана с эмоциональным интеллектом; но при этом снижение «Межличностной интолерантности к неопределенности», как и снижение показателя «Понимание эмоций другого

человека», действует в одну сторону — удлинения времени решений «за себя», т.е. соответствует более длительным размышлениям в более значимой ситуации личного выбора.

Ключевые слова: принятие решений, личностный выбор, подсказка, эмоциональный интеллект, рефлексивность, рациональность, толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности, риск, самоэффективность.

В психологической регуляции принятия *интеллектуальных* решений, т.е. таких, в которых на ведущие уровни выходит именно мышление (Корнилова, 1997), не все личностные факторы могут рассматриваться в качестве предикторов осуществляемых человеком выборов. Принятие решений как выбор в условиях *неопределенности* предполагает в качестве ключевых именно те процессы личностной саморегуляции, которые отражают интегративные латентные переменные, группирующие вокруг себя неслучайно связанные измеряемые личностные переменные (Корнилова и др., 2010). Хотя понятие *латентных переменных* в психологии конкретизируется по-разному (Bollen, 2002), оно в целом соответствует предположению о возможности рассмотрения их как *интегративных образований*, представляющих глубинные структурные связи между эмпирически представленными психологическими переменными. Выборы, согласно нашей концепции, регулируются динамическими иерархиями процессов — *динамическими регулятивными системами* (ДРС), включающими как когнитивные, так и личностные компоненты, интегрирование которых происходит каждый раз заново «здесь и сейчас» и актуалгенез которых репрезентирует единство функционирования интеллектуально-лич-

ностного потенциала человека. Мы обосновали концепцию *множественной многоуровневой регуляции решений* и ложность дихотомии рационального и личностного выбора, исходя из идеи единства интеллекта и аффекта (Л.С. Выготский) и развивая ее применительно к выборам человека в условиях неопределенности.

Согласно этой концепции, ДРС образуются как функциональные единицы, одновременно включающие компоненты, условно относимые к шкалам измерений *интеллекта*, свойств *личности* и *новообразований* (как показателей *усилий*, приложенных субъектом для преодоления ситуации неопределенности) (Корнилова, 2013а). При этом учитывалось, что уже утвердившиеся в психологии интерпретационные гипотезы о структурирующей функции мотива (школа О.К. Тихомирова) и включенности личностной регуляции в становление интеллектуальных стратегий, оказавшиеся продуктивными при анализе *решения проблем* (как *открытых задач*, с поиском неизвестного искомого), не могут быть прямо перенесены на понимание принятия решений в так называемых *закрытых* задачах, предполагающих выбор из альтернатив. Для ситуаций выбора они в гораздо меньшей степени верифицируемы из-за свернутости стоящих за

ним процессов. Хотя и есть работы на эту тему (Каменев, Корнилова, 2002; Корнилова и др., 2006; Чумакова, 2010), общая сложность заключается в том, что при принятии решений (decision making) свернутыми оказываются именно показатели мышления, т.е. закрытые задачи не дают возможности эксплицитировать показатели развития интеллектуальных стратегий человека.

Квазиэкспериментальные сравнения показателей принятия решений в группах, различающихся по уровню личностных переменных, стали одним из путей решения вопросов о влиянии личностных свойств на выбор человека (Степаносова, Корнилова, 2006; и др.). Структурное моделирование дало возможность конкретизировать и выразить количественно силу связей между латентными и измеряемыми личностными и интеллектуальными переменными (Корнилова и др., 2010; Корнилова, Новикова, 2011; Kornilova, Kornilov, 2014; и др.). Однако именно динамический контекст взаимосвязи переменных интеллектуально-личностного потенциала с показателями мышления не отражается в структурных моделях. И значит, актуальным остается обращение к арсеналу средств классической психологии мышления, включая приемы экспериментальной развертки процессуального развития, или актуалгенеза решений.

Одним из таких приемов выступает заданная методически возможность человека взять *подсказку*. Недавно вышедший обзор по видам подсказки и ее регулятивной роли в решении простых и сложных когни-

тивных задач продемонстрировал тренд в сторону изучения эффектов прайминга, включения новых аспектов, в частности, эмоциональной подсказки (Валуева и др., 2013; Краснов, 2014). Согласно позиции авторов обзора (Лаптева, Валуева, 2011), подсказкой является такое событие, которое повышает вероятность решения и/или делает его более быстрым. Ставшие классикой психологические работы (С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Я.А. Пономарева) в большей степени фокусировались на психологических условиях принятия подсказки (в зависимости от этапа собственных размышлений человека, решающего задачу). В школе О.К. Тихомирова влияние подсказки было рассмотрено при изучении диалога человека с компьютером. Было показано, что «Внутренние средства и ориентиры для принятия решений изменяются по характеру эмпирических обобщений результатов компьютерного анализа и собственной познавательной активности. Эти новые обобщения свойств элементов ситуации в качестве промежуточных внутренних ориентиров позволяют субъекту выдвигать нового типа гипотезы и предвосхищения» (Корнилова, Тихомиров, 1990, с. 66). А это означает, что на принятие решения оказывают влияние не только объективные данные, генерируемые компьютером и расширяющие информационное пространство задачи, но и субъективное восприятие этих данных человеком в условиях выбора (лучшего решения, лучшей альтернативы).

Обращение к материалу *вербальных задач*, моделирующих принятие решений, в лабораторных условиях

позволяет воспроизводить общую логику «поддержки принятия решений» при работе человека с экспертными системами или базами данных, позволяющими опираться не только на самостоятельное рассуждение, но и на накопленные системы надындивидуальных знаний.

Понимание *толерантности к неопределенности* апеллирует как к субъективной неуверенности, так и к принятию человеком нового, неизвестного, противоречивого, неясного. В разных подходах оно представлено терминами *tolerance for uncertainty* и *tolerance for ambiguity*. *Толерантность и интолерантность к неопределенности* отражают разное отношение человека к условиям неопределенности. Первое — это позитивное отношение к неопределенности (как вызову со стороны условий, задающему новые возможности проявления себя), умение действовать и принимать решения при неполноте ориентировки в ситуации, принимать неясное и иное. Второе — негативное отношение, которое включает неустойчивость к неопределенности, восприятие условий неопределенности как угрозы, стремление все прояснить. Если *субъективная неопределенность* и *толерантность* к ней рассматривались как условие внутренней регуляции познавательных стратегий, то выделение конструкта *интолерантности к неопределенности* оказалось более тесно связанным с анализом личностных свойств. Раскрытию этого понятия посвящены специальные работы ряда зарубежных и отечественных авторов (Э. Френкель-Брунsvик, Г. Олпорт, А. Фернхем, Е.Т. Соколова, Т.В. Корнилова и

др.). Эти два понятия уже не предстают в качестве двух полюсов одного свойства, что предполагалось С. Баднером (Чумакова, Корнилова, 2014), а рассматриваются в качестве сравнительно независимых характеристик (Grenier et al., 2005).

Мы рассмотрели экспериментальную процедуру возможного взятия подсказки при принятии решений в условиях неопределенности в заданном этими понятиями аспекте: как позволяющую не только выявлять изменение *субъективной неопределенности* ситуации, но и дифференцировать парциальные связи с личностными переменными, включенными в регуляцию выбора человеком той или иной из заданных альтернатив. Совмещение анализа характеристик использования подсказки с показателями продуктивности решений и связанными с различными показателями решений личностными свойствами видится тем подходом, который наиболее оптимально реализуется именно в компьютеризованных формах проведения опытов. В них именно аспект изменения информированности наиболее связан с активностью человека, делающего запросы и выборы, а содержание подсказки (как «чужих» знаний) деперсонифицируется. В таком случае это уже может рассматриваться не как подсказка со стороны экспериментатора, а скорее как объективированные варианты решений, приписываемые предположительно более информированному коллективному субъекту (хотя здесь есть достаточный простор для управления образом ситуации со стороны инструкций и субъективных персонификаций источников данных).

В поиске факторов личностной регуляции решений психологами в основном был реализован путь поиска отдельных свойств — факторов мотивации, саморегуляции, нравственного самосознания личности и т.д., связанных с характеристиками решений. Другим путем выступает направленность на поиск *целостных интегративных образований*, переменные в которых имманентно связаны с диапазоном прилагаемых человеком усилий в преодолении ситуации неопределенности. Мы в качестве таковых выделяли латентные переменные Принятие неопределенности и риска, Эмоциональный интеллект, Ригидная рациональность¹ и т.д. (Корнилова и др., 2010; Павлова, Корнилова, 2012; Корнилова, 2013б; и др.). Соответственно в выборе анализируемых личностных свойств мы опирались на результаты такого подхода, позволившего выделить в качестве свойств, предположительно представляющих в ДРС следующие составляющие метафорического вектора личностной регуляции принятия решений: «Толерантность к неопределенности» и «Готовность к риску», «Интолерантность к неопределенности» и «Ригидность», «Рациональность» и «Рефлексивность», «Самоэффективность» и эмоциональный интеллект (ЭИ) — «Внутриличностный ЭИ» и «Межличностный ЭИ».

Целью представляемого исследования стала проверка гипотез о свя-

зях этих свойств, диагностируемых с помощью личностных опросников, 1) с предпочтением брать или нет подсказку; 2) со взятием подсказки в предположении о выборе «за себя» и «за других»; 3) с характеристиками взятия подсказок и обдумыванием решения.

При этом мы предполагали, что шкалы эмоционального интеллекта и манифестирующие принятие—непринятие неопределенности будут связаны с теми показателями выборов (взятие подсказки, ее глубина и время обдумывания решения), которые свидетельствуют о *снижении субъективной неопределенности прилагаемыми усилиями*. Укажем только три основные гипотезы (из множества возможных для измеренных личностных переменных).

Гипотеза 1. Лица с более высокими индексами «Толерантности к неопределенности» не будут брать подсказки, в большей степени полагаясь на себя и стремясь к большей информированности.

Гипотеза 2. Лица с более высокими показателями «Рациональности» и «Рефлексивности» будут стремиться к сбору информации и брать подсказку, снижая тем самым уровень неопределенности в ситуации выбора.

Гипотеза 3. Лица с более высокими показателями «Межличностного эмоционального интеллекта» будут стремиться к большей информированности и брать подсказку в решениях за

¹ Прописная буква здесь — дань принятому в структурном моделировании обозначению, отличающему статус латентных переменных от аналогичных по названию измеряемых переменных, названия которых пишутся с маленькой буквы. Согласно требованиям журнала, мы названия шкал также пишем с заглавной буквы, но берем их в кавычки.

другого человека; в решениях же «за себя» они будут больше обдумывать основания выбора.

Методика исследования

Участники исследования. В исследовании приняли участие 85 человек в возрасте от 18 до 37 лет ($M = 19.9$, $Med = 19$, $SD = 2.3$), из них – 50 женщин и 35 мужчин; все студенты психологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Материал и процедура выбора. Нами была разработана методика «Вербальные задачи», в условиях которой человек получал возможность использовать подсказку при принятии решений в закрытых вербальных задачах; автоматизирована М. Зыбиным². Материал *вербальных задач* предполагал, что принимающий решение человек не является специалистом в той профессиональной области, которая задана в ситуации.

Для прохождения методики испытуемые заходили на специальный сайт с персонального компьютера. Методическая процедура включала предъявление восьми вербальных задач с тремя альтернативами выбора. Половину задач испытуемый решал с инструкцией «Как бы я поступил сам», а другую половину задач с инструкцией «Как бы поступили другие» (здесь испытуемый должен был принять решение в соответствии с тем, как поступило бы большинство в данной ситуации, по его мнению). Этот эксперименталь-

ный фактор давал различие по выборкам «за себя» и «за других».

В каждой задаче давалась возможность взять подсказку разной глубины – от 1-й до 3-й; но реально содержание подсказки не менялось, о чем испытуемый не знал. Инструкцией задавалось понимание, что более глубокая подсказка даст менее очевидные результаты анализа ситуации. В инструкции к методике было сказано, что за верные решения испытуемому начисляются баллы, а за использование подсказки – снимаются.

После принятия решений испытуемому предлагалось оценить проявленные при выборе личностные свойства по шкале от 1 до 9 для двух блоков задач. Этот аспект исследования в данной статье не рассматривается и отражен в специальной публикации (Корнилова, Веденеева, 2014).

Переменные. В методике вербальных задач фиксировались следующие переменные выборов: время выполнения методики (трансформированное с использованием логарифмической функции для обеспечения нормальности данных), взятие подсказки (количество), средняя глубина взятых подсказок, количество смен ответов (процедурно ответ можно было сменить в конце решения каждой задачи и без взятия подсказки).

Применялись следующие нормативные опросники.

1. Новый опросник толерантности к неопределенности – НТН (Корнилова, 2010а), построенный как результат апробации суммарного

² Реализована в дипломных работах М. Зыбина и Н. Веденеевой под руководством Т.В. Корниловой.

опросника А. Фернхема (Furnham, 1994). Он позволяет количественно оценивать шкалы «Толерантность к неопределенности» (ТН), «Интолерантность к неопределенности» (ИТН) и «Межличностная интолерантность к неопределенности» (МИТН) — как принятие неопределенности в межличностных отношениях. На сегодняшний день это наиболее надежный опросник измерения ТН и ИТН на русскоязычных выборках (Чумакова, Корнилова, 2014).

2. Опросник Личностные шкалы принятия решений — ЛФР-21 (Корнилова, 2003). Выделяет переменные «Рациональность» как личностную направленность на сбор информации и «Готовность к риску» как умение принимать решения в условиях неопределенности.

3. Опросник рефлексивности (Карпов, 2003) включает предположение о «Рефлексивности» как личностной способности, измеряемой одной шкалой (из 27 пунктов, поэтому далее называется Р-27).

4. Опросник эмоционального интеллекта ЭмИн (Люсин, 2009).

Он включает субшкалы «Понимание чужих эмоций» (МП) и «Управление чужими эмоциями» (МУ), «Понимание своих эмоций» (ВП), «Управление своими эмоциями» (ВУ), контроля экспрессии (ВЭ), суммируемые в общие шкалы «Внутриличностный эмоциональный интеллект» (ВЭИ) и «Межличностный эмоциональный интеллект» (МЭИ).

5. Опросник общей самооффективности (ОСЭ) Шварцера—Йерусалема—Ромека (Шварцер и др., 1996), который измеряет шкалу «Самооффективность».

Результаты

1. Различия характеристик принятия решений в группах взявших и не взявших подсказку

При сравнении использовался двусторонний критерий Стьюдента для независимых выборок.

Группа испытуемых, которые брали подсказку, выполняла задачи в целом медленнее, чем группа испытуемых, не взявших подсказку: $t(77) = -2.41$, $p = 0.02$. Но это прямо связано с дополнительным временем, затрачиваемым на взятие подсказки в ситуации «запрос—ответ» с компьютером. Поэтому более интересными являются данные сравнения с поправкой на это дополнительное время.

Группа испытуемых, которые брали подсказку, характеризуются более высокой «Толерантностью к неопределенности», чем группа испытуемых, не взявших подсказку, — $t(82) = -2.64$, $p = 0.01$, при этом у них более низкие баллы по «Интолерантности к неопределенности» ($t(82) = 1.82$, $p = 0.07$) и по «Рефлексивности» ($t(76) = 2.18$, $p = 0.03$).

Отметим также, что для нашей выборки «Толерантность» и «Интолерантность к неопределенности» были связаны значимо отрицательно ($\rho = -0.27$ при $p < 0.01$), хотя при апробации опросника ИТН они выступили независимыми факторами. При этом «Толерантность к неопределенности» положительно связана с «Готовностью к риску» ($\rho = 0.23$ при $p < 0.01$), а «Интолерантность к неопределенности» — с «Рациональностью» ($\rho = 0.23$ при $p < 0.01$). Шкала «МИТН» с другими шкалами опросника ИТН не была связана, но

отрицательно связана с «Готовностью к риску» ($\rho = -0.43$ при $p < 0.01$) и «Самоэффективностью» ($\rho = -0.25$ при $p < 0.01$).

У использовавших подсказки наблюдались более низкие баллы по «Пониманию эмоций других людей» (шкала «МП» по ЭМИн) – $t(62) = 2.50$, $p = 0.015$ – и общему показателю «Понимание эмоций» (шкала «ПЭ») – $t(62) = 2.03$, $p = 0.046$.

«ТН», «ИТН» и «МИТН», с одной стороны, и шкалы эмоционального интеллекта, с другой, при этом не были связаны.

2. Сравнение групп, взявших подсказку при выборе «за себя», с не взявшими такую подсказку

Испытуемые, которые брали подсказку «за себя», также выполняли задачи в целом медленнее, чем группа испытуемых, не бравших такую подсказку – $t(76) = -3.75$, $p < 0.001$ (хотя часть из них могли брать подсказку при решениях «за других»). При этом разница в затраченном времени между этими двумя группами была получена как для выполнения заданий «за себя» – $t(76) = -4.17$, $p < 0.001$, так и для выполнения заданий «за других» – $t(77) = -3.53$, $p < 0.001$.

Испытуемые, взявшие подсказку при решениях «за себя», показали более низкие (чем в группе не взявших подсказку «за себя») показатели по «Рациональности» ($t(81) = 2.59$, $p = 0.01$) и «Рефлексивности» ($t(76) = 2.65$, $p = 0.01$), но более высокие – по «ТН», ($t(82) = -2.13$, $p = 0.036$). У взявших подсказку «за себя» также более

низкие показатели по шкале «МП» (межличностного эмоционального интеллекта) – $t(62) = 2.34$, $p = 0.02$.

3. Сравнение групп, взявших подсказку при выборе «за других», с группой не взявших такую подсказку

В отличие от группы испытуемых, которые брали подсказки «за себя», группа испытуемых, которые брали подсказку «за других», выполняла медленнее решения «за других» ($t(77) = -3.22$, $p = 0.002$), но не «за себя» ($t(76) = -0.49$, $p = 0.63$). Те, кто выполняли решение «за себя» и взяли подсказки за другого человека, принимали решение медленнее (соответственно за себя быстрее); а те, кто брали подсказку при решениях «за других», медленнее решали только за других, но не за себя.

Группа бравших подсказки при решениях «за других» также показала более высокие, чем у группы не бравших подсказки «за других», показатели по «ТН» – $t(82) = -2.46$, $p = 0.016$.

4. Корреляции личностных переменных со временем и глубиной взятия подсказок

Поскольку взятие подсказки было положительно связано с увеличением времени выполнения задания, для определения связей между временем и личностными переменными был использован анализ частных корреляций при контроле фактора взятия подсказки³.

³ Соответствует корреляционному анализу, где для каждой из переменных было построено регрессионное уравнение, предсказывающее эту переменную с помощью переменных взятия

Этот анализ показал, что при контроле фактора взятия подсказки «Межличностная интолерантность к неопределенности» отрицательно связана с временем ($r = -0.28$) и шкалой межличностного эмоционального интеллекта «МП» ($r = -0.29$). Таким образом, более долго обдумывавшие решения «за себя» испытуемые характеризуются тем, что они более толерантны к неопределенности в сфере межличностных отношений и при этом хуже понимают эмоции других людей (таблица 1).

Мы также установили ряд других связей временных показателей принятия решений с эмоциональным интеллектом. Так, общее время выполнения задания было положительно связано с «Восприятием своих эмоций» и «Управлением своими эмоциями» (ВЭ и ВУ); т.е. при включении этих факторов внутриличностного эмоционального интеллекта в процессуальную регуляцию выбора человек думает дольше.

Корреляционный анализ связей показателей *средней глубины* взятых

Таблица 1

Матрица частных корреляций между временными показателями выполнения задач и личностными переменными

	Время ПР за себя	Время ПР за других	Время общее
Рефлексивность (Р-27)	0.133	-0.082	0.056
Готовность к риску (ЛФР-21)	-0.062	-0.007	-0.145
Рациональность (ЛФР-21)	-0.028	-0.128	0.045
ТН (НТН)	0.041	0.068	0.038
ИНТ (НТН)	0.100	-0.122	0.000
МИНТ (НТН)	-0.280*	-0.080	-0.177
МП (ЭмИн)	-0.289*	-0.180	-0.190
МУ (ЭмИн)	-0.055	-0.188	-0.034
ВП (ЭмИн)	-0.085	-0.100	-0.028
ВУ (ЭмИн)	0.252	0.161	0.329*
ВЭ (ЭмИн)	0.242	0.157	0.306*
МЭИ (ЭмИн)	-0.208	-0.217	-0.131
ВЭИ (ЭмИн)	0.150	0.075	0.248
ПЭ (ЭмИн)	-0.222	-0.175	-0.136
УЭ (ЭмИн)	0.188	0.043	0.257

* $p < 0.05$

подсказки. Корреляционный анализ проводился на «остатках» (residuals), полученных с помощью регрессионных уравнений, т.е. сопоставлялись «свободные» от связей с фактором подсказки переменные.

подсказок «за себя», «за других» и в целом (суммарно) с личностными переменными выявил только одну значимую связь — отрицательную связь глубины взятия подсказки «за других» и «Понимание эмоций другого человека»: $r = -0.39, p < 0.05$.

Количество смен ответов после взятия подсказки было положительно связано с «ТН» ($r = 0.29, p < 0.05$), т.е. более толерантные к неопределенности испытуемые чаще после получения подсказки меняли решение (с предварительного на окончательное).

Обсуждение результатов

1. Фактор смены условий — принятие решения «за себя» и «за других» — проявил свое влияние на время решения: более длительное время выбора у взявших подсказки «за других» наблюдалось и при решениях за других, но не за себя. При этом взявшие подсказки при решениях «за себя» характеризовались более длительными решениями во всех задачах. Это позволяет говорить о взаимодействии факторов взятия подсказки и решений по блокам задач (4 «за себя» и 4 «за других»): дольше думает при принятии решений «за других» тот, кто и берет в этих задачах подсказку («за других»). При взятии же подсказок только «за себя» обдумывание решений в целом более длительное.

Если же подсказки испытуемыми не были запрошены, то и решения их были более быстрыми, что позволяет видеть в эффекте взятия подсказки не только переход на более высокий уровень информированности, но и реализацию субъектом больших

затрат (усилий) на принятие решений.

2. Анализ связей количественных показателей принятия решений с личностными переменными позволяет уточнить их возможные вклады в регуляцию решений.

Большая свобода в смене ответа (с предварительного на окончательный, что позволяла осуществить компьютеризованная процедура принятия решений) и большая длительность обдумывания решений у толерантных испытуемых, включая толерантность к неопределенности в сфере межличностных отношений, свидетельствуют о сочетании у них изначальной готовности к неопределенности (если ответ до конца процедуры не рассматривается как окончательный) и при этом больших усилий, затрачиваемых на выбор решения.

Основной же полученный факт, что более толерантные к неопределенности испытуемые стремились к большей информированности — брали подсказки, — выглядит неожиданным и противоречит исходным предположениям (соответствующая гипотеза 1 нами отвергается). И это дополняется тем фактом, что фактор взятия подсказки «за себя» или «других» здесь не играл роли: при любом типе подсказки показатель «Толерантности к неопределенности» был выше у берущего подсказку. Более низкие показатели по «Рефлексивности» и «Рациональности» у этих же лиц, берущих подсказку (правда, только в случае решений «за себя»), также противоречат гипотезе, что эти два свойства способствуют большей направленности на сбор информации и на

большее обдумывание своих решений в ситуации выбора. Тем самым мы отвергаем и гипотезу 2 о положительной связи ориентированности на сбор информации за счет подсказок с указанными личностными переменными.

В данном случае возможна такая трактовка: более рефлексивные и рациональные по личностным опросникам люди в ситуации принятия решений, возможно, более полагаются на себя и не испытывают необходимости в расширении информированности о ситуации. Они как бы не видят необходимости перехода на меньший уровень неопределенности за счет получения сведений в подсказке, т.е. они либо недостаточно оценивают неопределенность ситуации выбора, либо не чувствительны к изменениям субъективной неопределенности при большей информированности. Другой вариант объяснения: они действительно ведут себя рационально, не беря подсказки, поскольку выполняют инструкцию и не теряют очки за результат принятия решений.

В противовес этому свойственная субъекту «Толерантность к неопределенности» на первый взгляд не должна способствовать взятию подсказки, поскольку получаемая в ней информация как бы сужает рамки субъективной неопределенности (за счет большей информированности). Но на самом деле взятие подсказки раздвигает рамки известного о ситуации; человек переходит — за счет применения «чужих» знаний — к более широким контекстам понимания заданной проблемы (в ситуации задачи). При этом в большей степени актуализируется познавательная мо-

тивация, о чем свидетельствует нежелание выполнять инструкцию, предполагающую потерю очков при взятии подсказки. Соответственно при взятии подсказки решение становится более обоснованным с точки зрения расширения системы ориентиров и изменения субъективного образа заданной ситуации, к чему менее толерантные испытуемые (по шкале «Толерантность к неопределенности») не стремятся, оставаясь в рамках суженного поля информации (без взятия подсказки). Таким образом, наша методическая процедура позволила выявить более глубокие качественные связи характеристик выбора и личностных свойств, отражающих отношение к неопределенности, получению новых знаний о ситуации и рефлексивности своих стратегий.

3. Интересным для нас результатом оказался тот, что «Интолерантность к неопределенности» в данном исследовании не была связана с показателями принятия решений, т.е. для заданных методических условий и на данной студенческой выборке не следует предполагать ее включенность в динамические системы их регуляции при выборе в заданных нашей методической процедурой условиях. При изучении *креативности* на разном материале продуктивных решений мы получили иной результат, свидетельствующий о том, что если «Толерантность к неопределенности» и не помогает *продуктивным решениям*, то «Интолерантность к неопределенности» мешает: корреляции отрицательны, как и коэффициент регрессии (Корнилова, 2010б). На материале же *вербальных выборов* (в наших

задачах) оказалось, что, напротив, именно «Толерантность к неопределенности» оказывается связанной с характеристиками решений, отражающими усилия субъекта в преодолении ситуации неопределенности.

Включается в связи с характеристиками выбора также показатель «Межличностная интолерантности к неопределенности», который выделен в качестве отдельного фактора именно на русскоязычной выборке (Корнилова, 2010а). В то же время коррелирующие с «Интолерантностью к неопределенности» свойства «Рациональность» и «Рефлексивность» выступили в значимых связях с показателями решений (различаясь у берущих и не берущих подсказку), не связанными, как мы показали, с «Интолерантностью к неопределенности». Это может свидетельствовать о разных путях представленности взаимосвязанных переменных в процессуальной регуляции выбора, хотя и неожиданно направленных (отрицательная связь с прилагаемыми для решения усилиями).

4. Связи показателей *эмоционального интеллекта* с характеристиками решений продемонстрировали противоречивую его роль (с точки зрения включенности в регуляцию выбора *внутриличностного* и *межличностного* интеллекта). Мы не формулировали направленных гипотез относительно всех шкал эмоционального интеллекта: в гипотезе 3 речь идет о межличностном интеллекте, поскольку именно он в первую очередь связан с латентной переменной Принятия неопределенности и риска, как показали предыдущие исследования (Корнилова, Новотоц-

кая-Власова, 2009). Принятие идеи единства интеллекта и аффекта направляло нас в сторону предположений об их положительных связях с прилагаемыми для решений усилиями. Эта общая гипотеза 3 получила косвенное опровержение: понимание эмоций других людей и в целом понимание эмоций были снижены именно у взявших подсказку, а среди них — у выбравших более глубокий ее уровень.

Взятие подсказки можно трактовать не как снижение когнитивных усилий, а как стремление к большей информированности (и с этой точки зрения это может предполагать большие усилия субъекта), т.е. в этом аспекте мы наблюдали как раз большие усилия у тех, у кого снижены показатели *межличностного эмоционального интеллекта*. Это характеристики лиц, больше полагающихся на когнитивные, чем эмоциональные составляющие контекстов в ситуациях выбора. Отрицательная корреляция шкалы «Понимание эмоций другого человека» с глубиной взятых подсказок также свидетельствует о большей готовности получать с их помощью более глубокие, хотя и более трудные для понимания ориентиры теми, кто менее ориентирован на *эмоциональные* контексты межличностных отношений. Однако большая глубина подсказки предполагает и большую степень неопределенности с точки зрения ее использования в решении — в силу ее большей закрытости; таким образом, можно сказать, что эти же лица — со снижением показателей межличностного эмоционального интеллекта — оказываются в большей степени готовыми к неопределенности. Более

быстрые ответы (у взявших подсказку в выборах «за себя») у лиц со снижением индексов по шкалам Опросника ЭМИн также могут свидетельствовать о большей роли когнитивной составляющей прилагаемых усилий (более быстром построении образа ситуации). Но здесь у нас нет возможности какого-либо контроля этого предположения, и интерпретация эффекта остается открытой.

Такие факторы *внутриличностного эмоционального интеллекта* как «Восприятие эмоций» и «Управление эмоциями» были связаны с удлинением времени решения (общее время во всех ситуациях выбора), что также свидетельствует о прилагаемых для решения усилиях.

Итак, однозначных выводов о роли эмоционального интеллекта в регуляции выбора, предполагающего мышление как ведущий уровень в обосновании своих решений, мы пока сделать не можем. Учитывая, что показатели шкал эмоционального интеллекта не связаны с «ТН» или «ИТН» и лица, выбирающие подсказку, характеризуются по этим шкалам противоположной направленностью высоты индексов, можно говорить о разных (но не обязательно реципрокных) путях процессуального включения этих личностных свойств в динамические регулятивные иерархии.

5. Завершим обсуждение указанием на то, что не выступила в связях с показателями решений шкала общей самооффективности, которая отражает соотношение самим человеком высоты его целей и эффективности целедостижения (Бандура, 2000). Здесь мы, видимо, сталкиваемся с

особенностью закрытых задач, где именно эти процессы осознанного представления целей и усилий для их достижения свернуты. Хотя использование подсказки можно трактовать в контексте прилагаемых для решения усилий (что перекликается с позицией Д. Канемана относительно роли усилия при принятии решений (Канеман, 2014)), но, видимо, эти усилия достаточно удалены от репрезентаций самому человеку его процессов целеобразования.

Выводы

1. В ситуации выбора, предполагавшего возможность взятия подсказки в компьютеризованном эксперименте, фактор решения «за себя» и «за других» влиял на степень обдумывания решений во взаимодействии с фактором взятия подсказки — бралась она для выбора за себя или за других (более длительные решения во всех задачах при выборе подсказки в решениях «за себя»).

2. «Толерантность к неопределенности» сопутствовала взятию подсказки, в то время как «Интолерантность к неопределенности» и «Рефлексивность» у берущих подсказку были снижены. Личностное свойство, отражающее готовность к принятию неопределенности, также отличало тех, кто изменял свой выбор (от предварительного к окончательному). В целом эти факты свидетельствуют о том, что снижение субъективной неопределенности выбора более толерантными к неопределенности лицами осуществляется за счет расширения поля возможных ориентиров (при взятии подсказки),

но сопровождается меньшим стремлением к рефлексии своих стратегий.

3. Сниженные показатели *межличностного эмоционального интеллекта*, в частности понимания своих эмоций (и понимания эмоций других людей), характеризуют лиц, взявших подсказки. Таким образом, более высокий эмоциональный интеллект как бы замещает для испытуемого определенный диапазон информированности, который без взятия подсказки остается незадействованным (в актуалгенезе выбора).

4. Повышение индексов *внутриличностного эмоционального интеллекта* (в шкалах восприятия эмоций и управления ими) сопутствует более длительному обдумыванию выбора, но они не различаются у

людей, взявших и не взявших подсказки.

5. Не коррелирующие между собой личностные свойства *толерантности и интолерантности к неопределенности и эмоционального интеллекта* дают разнообразные и противоречащие исходным гипотезам связи с показателями выбора в условиях возможного взятия подсказки. Это требует пересмотра представлений о прилагаемых когнитивных усилиях при расширении информированности (увеличение субъективной неопределенности при расширении информированности с точки зрения толерантных к неопределенности испытуемых) и уточнения путей влияния эмоционального интеллекта на актуалгенез личностного выбора.

Литература

- Бандура, А. (2000). *Теория социального научения*. СПб.: Евразия.
- Валуева, Е. А., Мосинян, А. Е., Лаптева, Е. М. (2013). Эмоциональная подсказка и успешность решения задач. *Экспериментальная психология*, 6(3), 5–15.
- Каменев, И. И., Корнилова, Т. В. (2002). Принятие интеллектуальных решений в условиях неопределенности. *Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология*, 2, 24–31.
- Канеман, Д. (2014). *Думай медленно... решай быстро*. М.: АСТ.
- Карпов, А. В. (2003). Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики. *Психологический журнал*, 24(5), 44–56.
- Корнилова, Т. В. (1997). О функциональной регуляции принятия интеллектуальных решений. *Психологический журнал*, 18(5), 73–84.
- Корнилова, Т. В. (2003). *Психология риска и принятия решений*. М.: Аспект Пресс.
- Корнилова, Т. В. (2010а). Новый опросник толерантности—интолерантности к неопределенности. *Психологический журнал*, 31(1), 74–86.
- Корнилова, Т. В. (2010б). Толерантность к неопределенности и интеллект как предпосылки креативности. *Вопросы психологии*, 5, 3–12.
- Корнилова, Т. В. (2013а). Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов. *Психологический журнал*, 34(3), 89–100.
- Корнилова, Т. В. (2013б). Ригидность, толерантность к неопределенности и креативность в системе интеллектуально-личностного потенциала человека. *Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология*, 4, 36–47.

- Корнилова, Т. В., Веденева, Н. В. (2014). Самоэффективность и ретроспективные самооценки, проявляемые при личностном выборе для себя и предполагаемые при выборе за другого человека. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*, 2, 6–17.
- Корнилова, Т. В., Новикова, М. А. (2011). Самооценка интеллекта в структуре интеллектуально-личностного потенциала человека. *Психологический журнал*, 32(2), 25–35.
- Корнилова, Т. В., Новотоцкая-Власова, Е. В. (2009). Соотношение нравственного самосознания личности, эмоционального интеллекта и принятия неопределенности. *Вопросы психологии*, 6, 61–70.
- Корнилова, Т. В., Степаносова, О. В., Григоренко, Е. Л. (2006). Интуиция и рациональность в уровне регуляции принятия решений. *Вопросы психологии*, 2, 126–137.
- Корнилова, Т. В., Тихомиров, О. К. (1990). *Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером*. М.: Изд-во Московского университета.
- Корнилова, Т. В., Чумакова, М. А., Корнилов, С. А., Новикова, М. А. (2010). *Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека*. М.: Смысл.
- Краснов, Е. В. (2014). Методика множественного выбора на материале эмоционального предвосхищения в вербальных задачах (на выборке военных преподавателей). *Психологические исследования*, 7(35), 7. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 09.07.2014).
- Лаптева, Е. М., Валугева, Е. А. (2011). Феномен подсказки при решении задач: взгляд со стороны психологии творчества. Часть 1. Прайминг-эффекты. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 8(4), 134–146.
- Люсин, Д. В. (2009). Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные. В кн. Д. В. Люсин, Д. В. Ушаков (ред.), *Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям* (с. 264–278). М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Павлова, Е. М., Корнилова, Т. В. (2012). Креативность и толерантность к неопределенности как предикторы актуализации эмоционального интеллекта в личностном выборе. *Психологический журнал*, 33(5), 39–49.
- Степаносова, О. В., Корнилова, Т. В. (2006). Мотивация и интуиция в регуляции вербальных прогнозов при принятии решений. *Психологический журнал*, 27(2), 60–68.
- Чумакова, М. А. (2010). *Личностные предпосылки рационального выбора в условиях неопределенности* (Автореферат кандидатской диссертации (Психология), МГУ имени М.В. Ломоносова). М.
- Чумакова, М. А., Корнилова, Т. В. (2014). Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера. *Экспериментальная психология*, 7(1), 92–110.
- Шварцер, Р., Ерусалем, М., Ромек, В. (1996). Русская версия шкалы общей самооэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема. *Иностранная психология*, 7, 71–77.
- Bollen, K. (2002). Latent variables in psychology and the social sciences. *Annual Review of Psychology*, 53, 605–634.
- Grenier, S., Barrette, A. M., & Ladouceur, R. (2005). Intolerance of uncertainty and intolerance of ambiguity: similarities and differences. *Personality and Individual Differences*, 39, 593–600.
- Furnham, A. (1994). A content, correlation and factor analytic study of four tolerance of ambiguity questionnaires. *Personality and Individual Differences*, 16(3), 403–410.
- Kornilova, T. V., & Kornilov, S. A. (2014). Acceptance of uncertainty, rigidity, self-competence, and the moderating role of intelligence: a Structural Equation Model. *Шестая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов* (с. 698–699). Калининград.

Tolerance for Uncertainty and Emotional Intelligence and the Use of Hints in Decision-Making

Tatiana V. Kornilova

Professor at the Chair of General Psychology, Lomonosov Moscow State University,
Department of Psychology, Moscow

E-mail: tvkornilova@mail.ru; website: <http://www.cognitivepsy.ru>

Address: 1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

Abstract

The study raises the question of personal regulation of decision-making as manifested in the use of hints in the decision-making process. In a specially designed computerized "decision support procedure" the subjects had to make choices "for themselves" and "for others". Ambiguous results were obtained on the student sample (N = 85): subjects with significantly higher scores in "Tolerance for uncertainty" and low scores in "Intolerance for uncertainty" and "Reflexivity" used the hints. They also had lowered scores in emotional intelligence on the "Understanding of emotions" scale. Receiving additional information by taking a hint in this case meant more effort to overcome subjective uncertainty and at the same time extension of the considered decision consequences. Emotional intelligence turned out to be linked to the decision making process in an ambiguous way: the higher the index of the interpersonal intelligence ("Understanding of the emotions of others") was the fewer hints the subjects used; the subjects with lowered scores on this scale used the hints; at the same time increase in time spent on the task was positively correlated with the indices of intrapersonal emotional intelligence ("Emotional perception" and "Emotional management"). "Intolerance for uncertainty" as a desire for clarity and intolerance for ambiguity in interpersonal relationships were not related to the emotional intelligence; at the same time, decrease in «Interpersonal intolerance for uncertainty», as well as decrease in "Understanding of emotions of others" both increased the time on decisions "for themselves", i.e. lead to lengthy reflections in a more meaningful situation of personal choice.

Keywords: decision making, personal choice, hint, emotional intelligence, reflexivity, tolerance for uncertainty, intolerance for uncertainty, readiness for risk, rationality, self-efficacy.

References

- Bandura, A. (2000). *Teoriya sotsial'nogo naucheniya* [A social cognitive theory]. Saint Petersburg: Evraziya. (Transl. of: Bandura, A. (1986). Social foundations of thought and action: A social cognitive theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall).
- Bollen, K. (2002). Latent variables in psychology and the social sciences. *Annual Review of Psychology*, 53, 605–634.
- Chumakova, M. A. (2010). *Lichnostnye predposylki ratsional'nogo vybora v usloviyakh neopredelennosti* [Personal prerequisites of rational choice under the uncertainty] (Extended abstract of PhD dissertation (Psychology), Moscow State University). Moscow.
- Furnham, A. (1994). A content, correlation and factor analytic study of four tolerance of ambiguity questionnaires. *Personality and Individual Differences*, 16(3), 403–410.

- Grenier, S., Barrette, A.-M., Ladouceur, R. (2005). Intolerance of uncertainty and intolerance of ambiguity: similarities and differences. *Personality and Individual Differences*, 39, 593–600.
- Kahneman, D. (2014). *Dumai medlenno... reshai bystro* [Thinking, fast and slow]. Moscow: AST. (Transl. of: Kahneman, D. (2011). Thinking, fast and slow. New York: Farrar, Straus and Giroux).
- Kamenev, I. I., & Kornilova, T. V. (2002). Prinyatie intellektual'nykh reshenii v usloviyakh neopredelennosti [Making rational decisions under the uncertainty]. *The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*, 2, 24–31.
- Karpov, A. V. (2003). Reflectiveness as a mental quality and the method to diagnose it. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 24(5), 44–56.
- Kornilova, T. V. (1997). On the functional regulation of intellectual decision-making. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 18(5), 73–84.
- Kornilova, T. V. (2003). *Psikhologiya riska i prinyatiya reshenii* [Psychology of risk and decision-making]. Moscow: Aspekt Press.
- Kornilova, T. V. (2010a). Tolerance-intolerance of ambiguity new questionnaire. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 31(6), 74–86.
- Kornilova, T. V. (2010b). Tolerance to vagueness and intellect as prerequisites of creativity. *Voprosy Psikhologii*, 5, 3–12.
- Kornilova, T. V. (2013b). Rigidity, tolerance for uncertainty and creativity in the system of intellectual and personality potential. *The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*, 4, 36–47.
- Kornilova, T. V. (2013a). Psikhologiya neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnoi regulyatsii reshenii i vyborov [Psychology of uncertainty: unity of intellectual and personal regulation of decisions and choices]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 34(3), 89–100.
- Kornilova T.V., & Chumakova M.A. (2014). Tolerance and intolerance of ambiguity in the modification of Budner's questionnaire. *Experimental Psychology (Russia)*, 7(1), 92–110.
- Kornilova, T. V., & Kornilov, S. A. (2014). Acceptance of uncertainty, rigidity, self-competence, and the moderating role of intelligence: a Structural Equation Model. *The Sixth International Conference on Cognitive Science: Book of abstracts* (pp. 698–699). Kaliningrad.
- Kornilova, T. V., & Novikova, M. A. (2011). Self-estimate of men's intellectual-personal potential structure. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 32(2), 25–35.
- Kornilova, T. V., & Novototskaya-Vlasova, E. V. (2009). Correlation of levels of moral self-consciousness, emotional intellect and acceptance of uncertainty. *Voprosy Psikhologii*, 6, 61–70.
- Kornilova, T. V., & Tikhomirov, O. K. (1990). *Prinyatie intellektual'nykh reshenii v dialoge s komp'yuterom* [Making intellectual decisions in human-computer interaction]. Moscow: Moscow University Press.
- Kornilova, T. V., & Vedeneva, N. V. (2014). Self-efficacy and retrospective self-esteem in situations of choice: choosing for self and others. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological science*, 2, 6–17.
- Kornilova, T. V., Chumakova, M. A., Kornilov, S. A., & Novikova, M. A. (2010). *Psikhologiya neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnogo potentsiala cheloveka* [Psychology of uncertainty: unity of intellectual and personal potential]. Moscow: Smysl.
- Kornilova, T. V., Stepanosova, O. V., & Grigorenko, E. L. (2006). Intuition and rationality in the level organization of verbal forecasts in decision-making. *Voprosy Psikhologii*, 2, 126–137.
- Krasnov, E. V. (2014). Emotional anticipation in verbal tasks: a multiple choice method (in a sample of military instructors). *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 7(35), 7. Retrieved from <http://psy-study.ru/index.php/eng/2014v7n35e/1007-krasnov35e.html>.

- Lapteva, E., & Valueva, E. (2011). The phenomenon of hint in problem solving: a creativity psychology point of view. Part 1. Priming effects. *Psychology, Journal of the Higher School of Economics*, 8(4), 134–146.
- Lyusin, D. V. (2009). Oprosnik na emotsional'nyi intellekt EmIn: novye psikhometricheskie dannye [Emotional intelligence questionnaire EmIn: new psychometric data]. In D. V. Lyusin, & D. V. Ushakov, (Eds.), *Sotsial'nyi i emotsional'nyi intellekt: ot protsessov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: from processes to measurement] (pp. 264–278). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Pavlova, E. M., & Kornilova, T. V. (2012). Creativity and tolerance to uncertainty as predictors for emotional intelligence actualization in personal choice. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 33(5), 39–49.
- Schwarzer, R., Jerusalem, M., & Romek, V. (1996). Russkaya versiya shkaly obshchei samoeffektivnosti R. Shvartsera i M. Erusalema [Russian version of the General Self-Efficacy scale by R. Schwarzer and M. Jerusalem]. *Inostrannaya psikhologiya*, 7, 71–77.
- Stepanosova, O. V., & Kornilova, T. V. (2006). Motivation and intuition in verbal predictions regulation in decision making. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 27(2), 60–68.
- Valueva, E. A., Mosinyan, A. E., & Lapteva, E. M. (2013). Emotional hint and effective problem solving. *Experimental Psychology (Russia)*, 6(3), 5–15.

ПРЕДИКТОРЫ ЛИЧНОСТНОГО ВЫБОРА НА МАТЕРИАЛЕ МЕТОДИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДВОСХИЩЕНИЯ

Е.В. КРАСНОВ, М.А. ЧУМАКОВА

Краснов Евгений Валерьевич — соискатель факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Контакты: evkrasnov@gmail.com

Чумакова Мария Алексеевна — доцент кафедры индивидуальной и групповой психотерапии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук.

Контакты: chumakova.mariya@gmail.com

Резюме

Настоящая статья посвящена изучению регуляторной роли эмоционального интеллекта в принятии решений человеком в реальных жизненных ситуациях, раскрытию функционирования интеллектуально-личностного потенциала человека на материале методики эмоционального предвосхищения (МЭП). На выборке военных преподавателей ($N = 79$) при участии экспертов-психологов с применением техник качественного анализа данных разработана типология содержательных характеристик выборов. При этом нами диагностировалась селективная выборка лиц, реально включенных в служебную деятельность и на практике знающих последствия использования и неиспользования эмоциональной информации в рамках служебной деятельности. По результатам статистической обработки данных рассмотрены характеристики эмоционального интеллекта (ЭИ) и толерантности к неопределенности в системе предикторов личностного выбора. Применительно к материалу задач МЭП нашла свое подтверждение гипотеза о возможном рассогласовании данных,

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 13-36-01254 «Эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности в функциональной регуляции продуктивных решений».

получаемых объективированными тестами и опросниками ЭИ. Получены результаты, показывающие различие в соотношении диспозиционального и ситуационного контекстов включения ЭИ в регуляцию выбора. Для каждой задачи мы получили данные о неслучайном выборе из предлагаемых альтернатив наиболее близкой для собственного решения, что позволяет нам считать сконструированные альтернативы достаточно экологически валидными. Выявлено, что применение подсказки-иллюстрации приводило к увеличению в окончательном ответе количества выборов, направленных на разрешение неопределенности с учетом эмоционального контекста ситуации. Эмоциональный интеллект выступает при этом предпосылкой эффективного использования иллюстрации-подсказки. Процедуру МЭП можно рассматривать в качестве косвенной диагностической методики оценки отдельных аспектов эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: личностный выбор, методика эмоционального предвосхищения, эмоциональный интеллект, вербальные задачи, ситуация неопределенности, толерантность к неопределенности, подсказка, межличностное взаимодействие.

Настоящая статья освещает ход начатого ранее исследования (Краснов, 2013) и посвящена изучению регуляторной роли эмоционального интеллекта в принятии решений человеком в реальных жизненных ситуациях, раскрытию функционирования интеллектуально-личностного потенциала на материале МЭП.

В актах психологической регуляции решений и действий человек опирается на весь свой интеллектуально-личностный потенциал (Корнилова и др., 2010). Теоретическая интерпретация его функционирования базируется на основе предположений о таких выделяемых единицах, как динамические регулятивные системы (ДРС). В актуалгенезе выбора в условиях неопределенности ДРС включают в себя те или иные иерархии процессуально представленных интеллектуальных и личностных компонентов, опосредствующих динамику выбора (Корнилова, 2013). Конкретизация стоящей за этим психологической реальности реализуется при построении моделей влияния не только

измеренных переменных, но и интегративных латентных переменных как предикторов характеристик выборов (Корнилова и др., 2010; Корнилова, Чигринова, 2012). Среди них особое место занимает эмоциональный интеллект (Корнилова, Новотоцкая-Власова, 2009; Павлова, Корнилова, 2012).

Целью нашего исследования явились описание разработанной типологии содержательных характеристик выборов на материале собственных вариантов ответов испытуемых по предъявленным ситуациям (вербальные задачи) в методике эмоционального предвосхищения (МЭП) и рассмотрение характеристик эмоционального интеллекта (ЭИ) и толерантности к неопределенности (ТН) в системе предикторов личностного выбора.

В качестве дополнительной задачи мы рассматривали изучение роли подсказки-иллюстрации при принятии решений на материале МЭП на большей выборке, чем это было описано ранее (Краснов, 2013).

Основной *гипотезой* выступило предположение, что шкалы ЭИ и

толерантности к неопределенности будут выступать в качестве предикторов использования эмоциональной информации в зависимости от контекста ситуаций в МЭП, моделирующей условия принятия решений и возникающие у человека затруднения в рамках служебной деятельности.

Мы предполагали не выявление стабильности (инвариантности) выборов в разных ситуациях, как ожидалось бы в случае ситуационных тестов, а установление зависимости предпочтений в личностных выборах от содержания моделируемой в задаче нормативной ситуации, возникающей в рамках служебной деятельности. Таким образом, ориентировка на эмоциональный контекст ситуации¹ соотносилась с выбираемыми и отвергаемыми решениями при учете того, что неопределенность личностного выбора была регламентирована рамками служебных отношений (для людей «в погонах»).

При выборе методик диагностики ЭИ мы учитывали информацию о возможном рассогласовании данных, получаемых объективированными тестами и опросниками самоотчета (Сергиенко, Ветрова, 2010). Мы решили использовать методики обоих типов, поскольку применительно к нашему материалу соотношение диспозиционального и ситуационного контекстов включения ЭИ в регуляцию выбора не прояснено.

Использованный в МЭП прием развертки последствий эмоционального контекста развития ситуаций

задавал возможность лучшего его осознания испытуемым, но прямо не направлял выбор решения. При этом нами диагностировалась селективная выборка лиц, реально включенных в служебную деятельность и на практике знающих последствия как использования, так и неиспользования эмоциональной информации в рамках служебной деятельности.

Частными для нас выступили гипотезы о связи предпочтения выбора с показателями ЭИ и НТН, об отсутствии согласованности между показателями ЭИ, измеренными объективированными тестами и методиками самоотчета, а также о значимом отличии ответов испытуемых после предъявления подсказки от их первоначального выбора (влияние подсказки).

Методы

Испытуемые. В исследовании приняли участие 79 военных преподавателей в возрасте от 22 до 68 лет ($M = 39.36$; $SD = 8.31$; 71 мужчина и 8 женщин).

Схема и методики исследования. Схема исследования включала в себя индивидуальное предъявление испытуемым следующих методик.

1. *Методика эмоционального предвосхищения* (Краснов, 2014). На первом этапе выполнения методики испытуемому было предложено сформулировать собственные варианты действий в заданных шести ситуациях. Именно этот материал

¹ Имеются в виду эмоции самого «героя», в позицию которого, согласно инструкции, ставится испытуемый, и эмоции других участников, отраженные в иллюстрациях, демонстрирующих изменение ситуации (ее развитие после определенной альтернативы).

использовался для составления типологии содержательных характеристик выбора.

Второй этап процедуры МЭП предполагает работу испытуемого со сконструированными нами альтернативами. Испытуемым предлагалось оценивать сконструированные альтернативы с точки зрения приемлемости и выбрать наиболее соответствующую их собственному ответу (Там же). Затем в зависимости от того, какая альтернатива была выбрана как наиболее близкая к собственному ответу, испытуемому предлагалась иллюстративная *подсказка*, содержащая информацию о возможном развитии событий и неявно ориентирующая испытуемого обратить внимание на эмоциональные компоненты ситуации. После знакомства с подсказкой испытуемым предлагалось сделать окончательный выбор поведения в ситуации (свой первоначальный ответ или одна из предложенных в процедуре альтернатив).

Альтернативы, предлагаемые для оценки и выбора, конструировались как презентующие возможные ориентировки в решении, представленные в таблице 1.

2. *Опросник эмоционального интеллекта «ЭмИн»* (Люсин, 2006). Данный опросник позволяет диагно-

стировать межличностный ЭИ (МЭИ) — понимание эмоций других людей и управление ими — и внутриличностный ЭИ (ВЭИ) — понимание собственных эмоций и управление ими. Опросник ЭмИн дает баллы по трем субшкалам, измеряющим различные аспекты МЭИ, и по трем субшкалам, измеряющим различные аспекты ВЭИ.

3. *Новый опросник толерантности к неопределенности* (НТН) (Корнилова, 2010). Три шкалы позволяют оценить *толерантность к неопределенности* (ТН) — генерализованное свойство, отражающее готовность к решениям, действиям и общению при неполноте ориентиров и неясности, а также готовность к принятию новизны и неопределенности; *интолерантность к неопределенности* (ИТН) — стремление к ясности, следованию правилам и нормам; *межличностную интолерантность к неопределенности* (МИТН) — стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях.

4. *Методика MSCEIT V2.0* Мэйера—Сэловея—Карузо в адаптации Е.А. Сергиенко (Сергиенко, Ветрова, 2010). Данный объективированный тест позволяет оценить следующие компоненты ЭИ в соответствии с моделью Мэйера—Сэловея—Карузо: идентификацию эмоций,

Таблица 1

Типы альтернатив в процедуре МЭП

		Учет эмоциональной информации	
		Есть	Нет
Разрешение неопределенности	Есть	«Интегративное» решение	Разрешение неопределенности
	Нет	Ориентировка на эмоции	«Пустое» решение

использование эмоций в решении проблем, понимание и анализ эмоций и сознательное управление эмоциями, — а также построить общий балл выраженности ЭИ.

Схема обработки данных включала:

– разработку типологии содержательных характеристик выбора;

– определение связи ЭИ с предпочтением выбора;

– оценку влияния подсказок-иллюстраций, ориентирующих на эмоциональный контекст развития вербально заданной ситуации, на окончательный выбор в ситуации межличностного взаимодействия;

– сопоставление данных психодиагностических методик с результатами МЭП;

– анализ согласованности данных методик ЭИИ и MSCEIT;

– оценку экологической валидности сконструированных в МЭП альтернатив;

– определение личностных предпосылок эффективного использования подсказок-иллюстраций для выбора в ситуации взаимодействия.

При разработке типологии содержательных характеристик выбора проводился анализ качественных данных с применением техники конденсации смысла и феноменологического описания (Бусыгина, 2013). В составлении типологии принимали участие трое экспертов-психологов, имеющих опыт работы в области профессионального психологического отбора кадров более 8 лет.

Статистический анализ данных проводился с применением программы статистической обработки информации SPSS V.20 и включал однофакторный дисперсионный анализ, t-тест сравнения средних для

независимых и связанных выборок, тест биномиального распределения и корреляционный анализ.

Результаты

1. Анализ свободных ответов по Методике эмоциональной подсказки и личностных свойств испытуемых, сделавших разные выборы

Экспертами был проведен анализ качественных данных собственных ответов испытуемых с выявлением обобщенных характеристик выборов по всем шести предложенным ситуациям.

Для первой ситуации несправедливой критики «героя» со стороны начальника во время совещания были получены следующие содержательные характеристики выбора (здесь и далее в скобках представлено количество собственных ответов испытуемых, отнесенных экспертами к обозначенной содержательной характеристике выбора):

1) прояснить ситуацию после совещания наедине с начальником (27);

2) выполнить поставленные задачи без всяких обсуждений (20);

3) выяснить ситуацию на совещании (32).

Дисперсионный анализ позволил установить значимые различия между группами испытуемых, чьи ответы попали в выделенные категории, по шкалам контроля выражения своих эмоций (ВЗ), внутриличностного ЭИ и интолерантности к неопределенности (ИТН) ($F = 3.527, 3.306$ и 3.751 соответственно, все на уровне $p < 0.05$). Post hoc анализ выявил значимые различия по шкалам

ЭИ между испытуемыми, чьи варианты решений вошли в ответы «Выполнить поставленные задачи без всяких обсуждений» и «Прояснить ситуацию после совещания наедине с начальником»; по шкале ИТН — «Выполнить поставленные задачи без всяких обсуждений» и «Выяснить ситуацию на совещании» (все на уровне $p < 0.05$).

При этом, как показывает рисунок 1, испытуемые, чьи варианты решений вошли в категорию «Выполнить поставленные задачи без всяких обсуждений», продемонстрировали более высокие показатели

контроля экспрессии и внутриличностного ЭИ и более низкие показатели ИТН.

Для второй ситуации — желания «героя» попросить отгул у начальника, который, как стало известно ему от коллег, пребывает в очень плохом настроении, были получены следующие содержательные категории выбора:

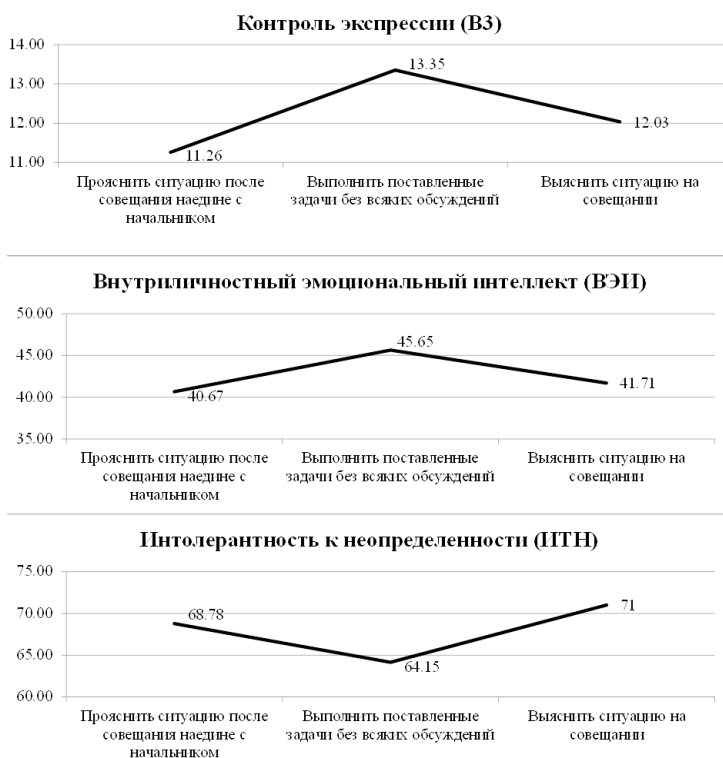
1) самостоятельно перенести выходной (5);

2) незамедлительно решить вопрос с начальником (29);

3) подождать благоприятного момента для решения вопроса (27);

Рисунок 1

Средние значения по шкалам ВЗ, ВЭИ и ИТН для групп испытуемых, давших разные категориальные ответы в первой ситуации методики МЭП

4) прояснить складывающуюся обстановку и принять решение (18).

Дисперсионный анализ позволил установить значимые различия между выборами по шкалам управления чужими эмоциями (МЗ) и межличностной интолерантности к неопределенности — МИТН ($F = 3.374$ и $F = 4.490$ соответственно, все $p < 0.05$). Post hoc анализ выявил значимые различия по шкале МЗ между испытуемыми, чьи варианты решений вошли в категории «Незамедлительно решить вопрос с начальником», «Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение» и «Подождать благоприятного момента для решения вопроса»; по шкале МИТН — «Незамедлительно решить вопрос с начальником», «Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение», «Самостоятельно перенести выходной» и «Подождать

благоприятного момента для решения вопроса» (все на уровне $p < 0.05$).

Как показывает рисунок 2, испытуемые, чьи варианты решений вошли в категорию «Незамедлительно решить вопрос с начальником», продемонстрировали более высокие показатели управления чужими эмоциями — шкала МЗ (по ЭМИн). Испытуемые, чьи варианты решений вошли в ответ «Самостоятельно перенести выходной», обладали более высокой интолерантностью в межличностных отношениях — МИТН (по НТН).

Для третьей ситуации — просьбы коллеги помочь в решении срочной задачи в момент занятости «героя» важными делами — были получены следующие содержательные категории выбора:

1) оказать помощь коллеге с приостановкой выполнения собственной задачи (29);

Рисунок 2

Средние значения по шкалам МЗ и МИТН для групп испытуемых, давших разные категориальные ответы во второй ситуации методики МЭП

2) оказать помощь коллеге после решения собственной задачи (18);

3) отказать в помощи коллеге (9);

4) прояснить складывающуюся обстановку и принять решение (23);

Дисперсионный анализ позволил установить значимые различия между выборами по шкале Использование эмоций в решении проблем методики MSCEIT ($F = 3.265, p < 0.05$). Post hoc анализ выявил значимые различия по этой шкале между испытуемыми, чьи варианты решений вошли в ответы «Оказать помощь коллеге после решения собственной задачи», «Отказать в помощи коллеге» и «Оказать помощь коллеге с приостановкой выполнения собственной задачи» ($p < 0.05$). Ответ «Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение» был получен от наибольшего количества испытуемых в сравнении с такими же ответами в других рассматриваемых ситуациях.

Как показывает рисунок 3, испытуемые, чьи варианты решений вошли в категории «Оказать помощь коллеге после решения собственной задачи» и «Отказать в помощи коллеге», продемонстрировали более

высокий показатель Использования эмоций в решении проблем объективированного теста ЭИ.

Для четвертой ситуации, связанной с распространением негативной информации о «герое» в коллективе одним из сотрудников, были получены следующие содержательные категории выбора:

1) ничего не предпринимать (16);

2) выяснить отношения с коллегой (47);

3) прояснить складывающуюся обстановку и принять решение (8);

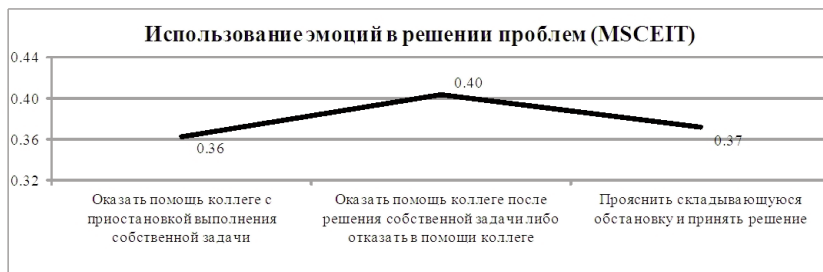
4) принять косвенные меры (прекратить, ограничить общение, проявить осторожность в отношении с ним, изолировать от лишней информации и т.п.) (8).

Большинство испытуемых (47 человек) выбрали вариант ответа «Выяснить отношения с коллегой». Эту группу мы сравнили с остальными ответами как нетипичными. При применении t-теста на равенство средних для независимых выборок не было получено статистически значимых различий по личностным переменным.

При сравнении объединенной группы испытуемых, чьи варианты

Рисунок 3

Средние значения по шкале «Использование эмоций в решении проблем» для групп испытуемых, давших разные категориальные ответы в третьей ситуации методики МЭП

решений вошли в категории «Ничего не предпринимать» и «Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение» (всего 24 чел.), и объединенной группы испытуемых с ответами «Выяснить отношения с коллегой» и «Принять косвенные меры» (55 чел.) с применением t-теста получены статистически значимые различия по шкалам внутриличностного интеллекта – В2, В3 и ВЭИ (все на уровне $p < 0.05$).

Как показывает рисунок 4, испытуемые, чьи варианты решений вошли в категории «Ничего не пред-

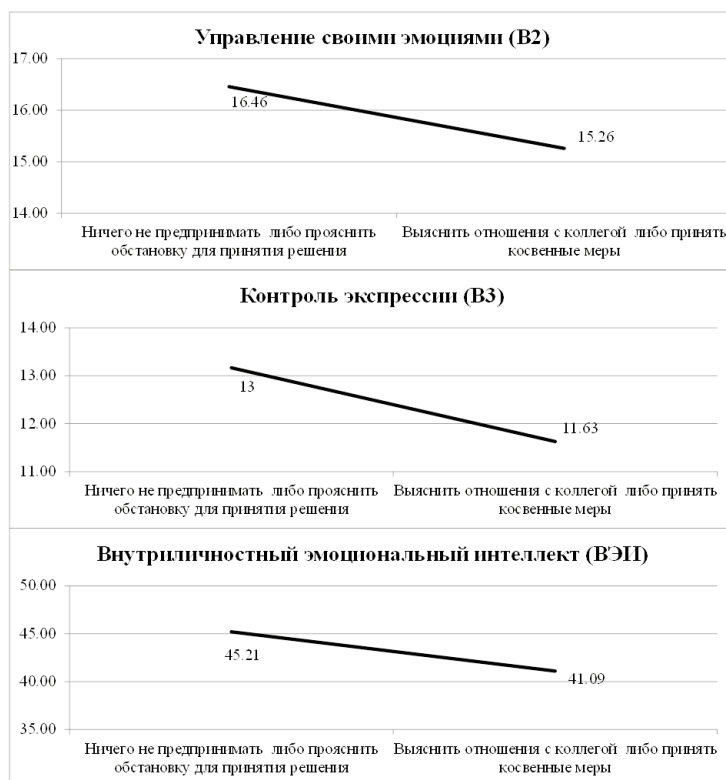
принимать» и «Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение», продемонстрировали более высокие показатели внутриличностного эмоционального интеллекта, управления своими эмоциями и контроля собственной экспрессии эмоций.

Для пятой ситуации случайного закрытия «героем» электронного документа без сохранения сделанных изменений были получены следующие содержательные категории выбора:

1) сразу начать работать над восстановлением документа (41);

Рисунок 4

Средние значения по шкалам В2, В3 и ВЭИ для групп испытуемых, давших разные категориальные ответы в четвертой ситуации методики МЭП

2) продолжить работу после небольшого перерыва (17);

3) прояснить складывающуюся обстановку и принять решение (15);

4) приостановить работу над документом (6).

Ответы большинства испытуемых (41 человек) вошли в категорию «Сразу начать работать над восстановлением документа». Эту группу мы сравнили с остальными ответами как нетипичными. При применении t-теста для независимых выборок не было получено статистически значимых различий по личностным переменным.

Для шестой ситуации приглашения «героя», пребывающего в грустном настроении, друзьями на день рождения были получены следующие содержательные категории выбора:

1) пойти на день рождения, скрывая свое состояние от окружающих (36);

2) пойти на день рождения, не скрывая свое состояние (24);

3) не идти на день рождения (11);

4) прояснить складывающуюся обстановку и принять решение (8).

Дисперсионный анализ позволил установить значимые различия между группами лиц с разными выборами по толерантности к неопределенности ($F = 3.218, p < 0.05$): между испытуемыми, чьи варианты решений вошли в категории «Пойти на день рождения, скрывая свое состояние от окружающих» и «Не идти на день рождения либо прояснить обстановку для принятия решения» (на уровне $p < 0.05$).

Как показывает рисунок 5, испытуемые, чьи варианты решений вошли в категории «Не идти на день рождения» и «Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение», продемонстрировали более высокую ТН.

2. Оценка экологической валидности сконструированных альтернатив в процедуре МЭП

Для оценки экологической валидности сконструированных альтернатив был использован тест биномиального распределения. В каждой задаче для каждой выделенной категории

Рисунок 5

Средние значения по шкале ТН для групп испытуемых, давших разные категориальные ответы в шестой ситуации методики МЭП

первого самостоятельного ответа испытуемого проверялась гипотеза о неслучайном выборе наиболее близкой альтернативы из предложенных во второй части МЭП. В таблице 2 представлены результаты данного теста (указаны уровни значимости

для теста биномиального распределения: значение меньше 0.10 рассматривалось нами как принятие гипотезы H_1 о наличии сдвига в биномиальном распределении).

Как видно из таблицы 2, мы получили для каждой задачи данные о

Таблица 2

P-значения теста биномиального распределения для разных типов альтернатив в задачах процедуры МЭП

Задача	Категория собственного ответа	Ориентировка на эмоции	Разрешение неопределенности	«Интегративное» решение	«Пустое» решение
1	1	0.0540	0.0001	0.0010	0.0001
	2	1.0000		0.2630	0.0030
	3	0.1120	0.0001		0.0220
2	1		0.3750		0.3750
	2	0.0260	0.0001	0.0001	0.0260
	3	0.0001	0.0020		0.0540
	4	0.0010	0.0010	0.0001	0.0080
3	1	1.0000	0.0030		0.0260
	2	0.0310	0.0080		0.4810
	3	0.0390			0.0390
	4	0.0001	0.2100		0.6780
4	1	0.0010	0.2100	0.0770	
	2	0.0001	0.0090	0.0001	0.0001
	3		0.7270	0.7270	
	4	0.2890	1.0000	0.2890	
5	1	0.0001		0.0290	0.0010
	2	0.6290		0.3320	0.0490
	3	0.0010		0.3020	0.1180
	4	1.0000		0.6880	0.2190
6	1	0.0001	0.0001	0.6170	0.8680
	2		0.0001	0.0230	0.0640
	3	1.0000	0.2270	0.0650	0.0120
	4			0.2890	0.2890

неслучайном выборе из предлагаемых альтернатив наиболее близкой для собственного решения, что позволяет нам считать сконструированные альтернативы достаточно экологически валидными.

3. Предпосылки эффективного использование подсказок-иллюстраций

Для оценки влияния подсказки и выявления предпосылок ее эффективного использования мы сконструировали интегральные показатели оценки выборов на втором этапе процедуры МЭП. Для каждого испытуемого было построено 8 интегративных показателей (по четыре решения для двух выборов — оценка сходства с первоначальным ответом и окончательным) как количество каждого типа решения во всех шести предложенных задачах.

Чтобы оценить влияние предложенных подсказок, был проведен t-тест

связанных выборок для следующих пар переменных:

– количество выборов ориентировки на эмоции в предварительном выборе — количество выборов ориентировки на эмоции в окончательном выборе;

– количество выборов разрешения неопределенности в предварительном выборе — количество выборов разрешения неопределенности в окончательном выборе;

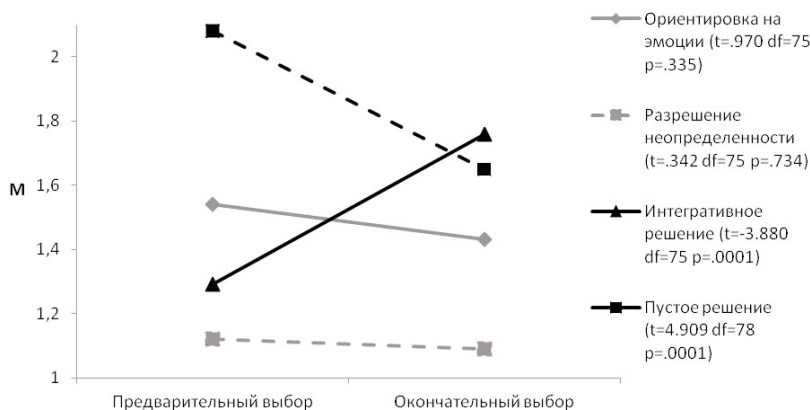
– количество выборов «интегративного» решения в предварительном выборе — количество выборов «интегративного» решения в окончательном выборе;

– количество выборов «пустого» решения в предварительном выборе — количество выборов «пустого» решения в окончательном выборе.

Результаты анализа представлены на рисунке 6 (по оси Y отложены средние значения суммарной частоты выбора каждой из альтернатив). Как показано на рисунке 6, эффект сдвига

Рисунок 6

Средние значения суммарных показателей выбора каждого типа альтернатив в предварительном и окончательном решении в процедуре МЭП (указаны статистики t-теста для связанных выборок)

наблюдается для «интегративного» решения и «пустого» решения: в окончательном выборе после предъявления подсказок становится достоверно больше решений, сочетающих в себе ориентировку на эмоциональную информацию и разрешение неопределенности, и достоверно меньше решений, не включающих в себя ни один из интересующих нас компонентов. Таким образом, можно предполагать позитивное влияние подсказок в процедуре МЭП на окончательный выбор в предлагаемых ситуациях.

Для выявления личностных факторов, способствующих эффективному использованию подсказок, были построены еще 4 интегративных показателя: изменение решения как разница между количеством выборов соответствующего типа альтернативы в окончательном и предварительном выборе (по одному для каждого типа решения). Был проведен корреляционный анализ связей данных показателей с измеренными свойствами (ЭИ и ТН). Результаты представлены в таблице 3.

Как видно из таблицы 3, только один из измеренных личностных показателей оказался значимо связан со сдвигом в решении от предварительного к окончательному выбору: с большей вероятностью увеличивается количество решений, содержащих одновременно ориентировку на эмоциональную информацию и разрешение неопределенности, у испытуемых с более высоким показателем использования эмоций в решении проблем (по MSCEIT).

Обсуждение результатов

Для обобщения полученных результатов по первой части проце-

дуры МЭП мы свели выявленные категории ответов и связанные с ними различия в измеренных показателях в общую таблицу 4. В ячейках таблицы указаны шкалы из каждой использованной диагностической методики, по которым были установлены значимые различия между группами испытуемых, давших разные категории ответов.

В таблице 4 представлены выделенные категории ответов для каждой ситуации. Следует отметить следующие общие закономерности.

1. Свойства, связанные с принятием неопределенности (ТН, ИТН и МИТН), не связаны с типом ответа в ситуациях взаимодействия с коллегами в контексте служебной деятельности (ситуации 3 и 4). В ситуации взаимодействия с начальством (ситуации 1 и 2) с выбором решения связаны разные аспекты непринятия неопределенности (ИТН и МИТН), а в ситуации эмоциональной саморегуляции (ситуация 6) — толерантность к неопределенности.

2. Компоненты ЭИ, оцененные при помощи опросника самоотчета ЭИИ, связаны с решениями, предполагающими немедленное разрешение неопределенности, во всех ситуациях, для которых установлены значимые различия:

– для ситуации 1 решение о выполнении распоряжений без обсуждения;

– для ситуации 2 решение о немедленном прояснении ситуации с начальником;

– для ситуации 4 решения прояснить отношения с коллегой или прояснить общую ситуацию.

3. Компоненты ЭИ, оцененные при помощи объективированного

Таблица 3

Коэффициент корреляции r Пирсона между измеренными свойствами ЭИ, ТН и изменением предпочтений каждого из типов альтернатив в процедуре МЭП

	Сдвиг в выборе в сторону ориентировки на эмоции	Сдвиг в выборе в сторону разрешения неопределенности	Сдвиг в выборе в сторону интегративного решения	Сдвиг в выборе в сторону пустого решения
1	0.191	-0.082	-0.046	-0.035
2	0.079	-0.070	0.109	-0.163
3	0.000	-0.126	0.067	0.051
4	-0.022	-0.086	0.145	-0.111
5	0.074	0.069	-0.107	-0.031
6	0.037	-0.040	0.065	-0.162
7	0.107	-0.116	0.048	-0.045
8	0.028	-0.034	0.059	-0.124
9	-0.098	0.033	0.069	0.133
10	0.034	0.058	0.099	-0.126
11	0.100	0.040	-0.095	-0.016
12	0.004	0.035	0.156	-0.196
13	-0.235	0.032	0.302*	-0.041
14	-0.128	0.162	0.262	-0.255
15	-0.116	0.197	0.010	-0.003
16	-0.133	0.125	0.256	-0.197

Примечание: жирным шрифтом отмечены корреляции, значимые на уровне $p < 0.05$;

1 – Интуитивное понимание чужих эмоций – М1; 2 – Понимание чужих эмоций через экспрессию – М2; 3 – Управление чужими эмоциями – М3; 4 – Осознание своих эмоций – В1; 5 – Управление своими эмоциями – В2; 6 – Контроль экспрессии – В3; 7 – Межличностный ЭИ; 8 – Внутрличностный ЭИ; 9 – Толерантность к неопределенности – ТН; 10 – Интолерантность к неопределенности – ИТН; 11 – Межличностная интолерантность к неопределенности – МИТН; 12 – Идентификация эмоций (MSCEIT1); 13 – Использование эмоций в решении проблем (MSCEIT2); 14 – Понимание и анализ эмоций (MSCEIT3); 15 – Сознательное управление эмоциями (MSCEIT4); 16 – Общий балл (MSCEIT).

теста MSCEIT, связаны с предпочтением определенной категории ответа только в одной ситуации взаимодействия в контексте служебной дея-

тельности: более высокий уровень использования эмоций для решения проблем был у испытуемых, решавших в ситуации запроса на помощь

Таблица 4

Обобщенные данные о личностных предпосылках выбора в ситуации взаимодействия в рамках служебной деятельности

Категории ответов	ЭИИ	МСЕИТ	ИТН
Ситуация 1			
Прояснить ситуацию после совещания наедине с начальником			
Выполнить поставленные задачи без всяких обсуждений	ВЭИ, ВЗ		ИТН
Выяснить ситуацию на совещании			
Ситуация 2			
Самостоятельно перенести выходной			МИТН
Незамедлительно решить вопрос с начальником	МЗ		
Подождать благоприятного момента для решения вопроса			
Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение			
Ситуация 3			
Оказать помощь коллеге с приостановкой выполнения собственной задачи			
Оказать помощь коллеге после решения собственной задачи		Использование эмоций	
Отказать в помощи коллеге		Использование эмоций	
Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение			
Ситуация 4			
Ничего не предпринимать			
Выяснить отношения с коллегой	ВЭИ, В2, В3		
Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение	ВЭИ, В2, В3		
Принять косвенные меры			
Ситуация 5			
Сразу начать работать над восстановлением документа			
Продолжить работу после небольшого перерыва			
Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение			
Приостановить работу над документом			
Ситуация 6			
Пойти на день рождения, скрывая свое состояние от окружающих			
Пойти на день рождения, не скрывая свое состояние			
Не идти на день рождения			ТН
Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение			ТН

от коллеги в первую очередь соблюсти свои интересы и выполнить свое задание в установленный срок.

Таким образом, при личном выборе в ситуациях, предполагающих учет нормативов служебной деятельности, наблюдается рассогласование данных, получаемых объективированным тестом ЭИ и опросником самоотчета. Индивидуальные различия между лицами, выбравшими разные альтернативы в МЭП, по тесту MSCEIT были выявлены для ситуации, связанной в первую очередь с выполнением служебных обязанностей, тогда как индивидуальные различия по тесту ЭИ — для ситуаций, связанных с непосредственным межличностным взаимодействием.

В рамках проведенного исследования было установлено, что использование подсказок-иллюстраций в целом по всем предлагаемым в процедуре МЭП ситуациям приводит к увеличению количества выборов, сочетающих в себе ориентировку на эмоциональный контекст ситуации и разрешение имеющейся в ситуации неопределенности. При этом количество ответов, использующих только один из обозначенных компонентов, не изменяется. Таким образом, можно утверждать, что подсказки-иллюстрации в процедуре МЭП выполняют предполагаемую функцию актуализации эмоционального контекста ситуации и позволяют испытуемому действовать при более полной ориентировке.

Ключевой предпосылкой успешного использования подсказки оказался такой компонент ЭИ, как Использование эмоций для решения проблем (тест MSCEIT). Было уста-

новлено, что у военных преподавателей с более высокими показателями по данной шкале в большей степени в окончательном ответе наблюдается увеличение количества выборов, разрешающих неопределенность с учетом эмоционального контекста ситуации. Исходя из этого результата, можно утверждать, что эффективность использования подсказки опосредствуется общим умением идентифицировать и применять в своей деятельности эмоциональную информацию.

Обобщая полученные результаты, можно рассматривать процедуру МЭП в качестве косвенной диагностической методики оценки отдельных аспектов регулятивной функции эмоционального интеллекта:

1) выбор первоначального решения, связанного в ситуации взаимодействия в контексте служебной деятельности с незамедлительным разрешением неопределенности, указывает на более высокий уровень межличностного и внутриличностного эмоционального интеллекта;

2) эффективное использование подсказок (увеличение в окончательном ответе количества выборов, разрешающих неопределенность с учетом эмоционального контекста ситуации) указывает на более высокий уровень способности использовать эмоциональную информацию для разрешения проблем в деятельности.

Отметим, что МЭП содержит ситуации, где личностный выбор учитывает нормативный характер взаимодействия лиц в служебной деятельности. Следующим этапом разработки темы станет сравнение результатов данной селективной выборки с контрольными группами,

сформированными из гражданских лиц, что позволит определить роль специфики выборки военных преподавателей в использовании эмоциональных подсказок.

Выводы

1. Выделены содержательные характеристики личностного выбора в ситуациях на Методики эмоциональной подсказки.

2. Установлены связи между показателями эмоционального интеллекта, толерантности к неопределенности и содержательными характеристиками предпочтений выборов.

3. Применительно к материалу задач МЭП нашла свое подтверждение гипотеза о возможном рассогла-

совании данных, получаемых в результате выполнения объективированных тестов и опросников ЭИ. Есть данные, показывающие различие в соотношении диспозиционного и ситуационного контекстов включения ЭИ в регуляцию выбора.

3. Выявлено, что применение подсказки-иллюстрации приводило к увеличению в окончательном ответе количества выборов, направленных на разрешение неопределенности с учетом эмоционального контекста ситуации.

4. Использование эмоций для решения проблем как компонент эмоционального интеллекта является предпосылкой эффективного использования подсказок-иллюстраций в процедуре МЭП.

Литература

- Бусыгина, Н. П. (2013). *Методология качественных исследований в психологии: Учебное пособие*. М.: ИНФРА-М.
- Корнилова, Т. В. (2010). Новый опросник толерантности–интолерантности к неопределенности. *Психологический журнал*, 31(1), 74–86.
- Корнилова, Т. В. (2013). Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов. *Психологический журнал*, 34(3), 89–100.
- Корнилова, Т. В., Новотоцкая-Власова, Е. В. (2009). Соотношение уровней нравственного самосознания, эмоционального интеллекта и принятия неопределенности. *Вопросы психологии*, 33(6), 61–72.
- Корнилова Т. В., Чигринова, И. А. (2012). Стадии индивидуальной морали и принятие неопределенности в регуляции личностных выборов. *Психологический журнал*, 33(2), 69–87.
- Корнилова, Т. В., Чумакова, М. А., Корнилов, С. А., Новикова, М. А. (2010). *Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека*. М.: Смысл.
- Краснов, Е. В. (2013). Роль подсказки при выборах в вербальных задачах, предполагающих использование эмоциональной информации. В кн. Ю. П. Зинченко, А. Е. Войскунский, Т. В. Корнилова (ред.), *Идеи О.К. Тихомирова и А.В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии (к 80-летию со дня рождения)*. Материалы всероссийской научной конференции (с. 423–425). М.: Изд-во Московского университета.
- Краснов, Е. В. (2014). Методика множественного выбора на материале эмоционального предвосхищения в вербальных задачах (на выборке военных преподавателей). *Психологические исследования*, 7(35), 8. URL: <http://psystudy.ru>

- Люсин, Д. В. (2006). Новая методика измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн. *Психологическая диагностика*, 4, 3–22.
- Павлова, Е. М., Корнилова, Т. В. (2012). Креативность и толерантность к неопределенности как предикторы актуализации эмоционального интеллекта в личностном выборе. *Психологический журнал*, 33(5), 39–49.
- Сергиенко, Е. А., Ветрова, И. И. (2010). *Тест Дж. Мэйера, П. Сэловея, Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT v. 2.0): Руководство*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».

Predictors of Personal Choice Using Emotional Anticipation Method

Evgeniy V. Krasnov

Ph.D student, Department of Psychological Methodology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University*
E-mail: evkrasnov@gmail.com

Maria A. Chumakova

Assistant Professor, Chair of Individual and Group Psychotherapy, Department of Counseling and Clinical psychology, Moscow State University of Psychology and Education**
E-mail: chumakova.mariya@gmail.com; website: <http://www.cognitivepsy.ru>

Address: * 1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

** 29, Sretenka str., Moscow, Russia, 127051

Abstract

This article presents a study of the regulatory role of emotional intelligence in decision-making in real-life situations and of the functioning of intellectual and personal potential using Emotional Anticipation Method (EAM). Expert psychologists used quality analysis techniques to develop a typology of the content characteristics of choices on a sample of military instructors (N = 79). It is important to note that our selective sample included professionals involved in actual professional activity, who are well aware of the consequences of using or ignoring emotional information in their professional activity. Characteristics of emotional intelligence (EI) and tolerance to ambiguity in the system of predictors of personal choice were considered. The hypothesis of discrepancy between the data obtained using objective measurements and EI questionnaires was confirmed. The results show difference between dispositional and situational contexts of inclusion of EI in the regulation of choices. For each task, we obtained proofs that subjects non-randomly selected one of the proposed alternatives and their choice was the closest to their personal solution. This allows us to consider alternatives designed as having high ecological validity. It was found that in the final answer, the use of illustrative tips led to an increase in the number of choices that minimise uncertainty in a given emotional context. Emotional intelligence serves as a prerequisite for effective use of illustrative tips. EAM procedure can be regarded as an indirect diagnostic tool for evaluation of certain aspects of emotional intelligence.

Keywords: personal choice, emotional anticipation method, emotional intelligence, decision making, verbal tasks, uncertainty, ambiguity, tolerance to ambiguity, tip, interpersonal communication.

References

- Busygina, N. P. (2013). *Metodologiya kachestvennykh issledovaniy v psikhologii* [Methodology of qualitative studies in psychology]. Moscow: INFRA-M.
- Kornilova, T. V. (2010). Tolerance-intolerance of ambiguity new questionnaire. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 31(1), 74–86.
- Kornilova, T. V. (2013). Psikhologiya neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnoi regulyatsii reshenii i vyborov [Psychology of uncertainty: unity of intellectual and personal regulation of decisions and choices]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 34(3), 89–100.
- Kornilova, T. V., & Novototskaya-Vlasova, E. V. (2009). Correlation of levels of moral self-consciousness, emotional intellect and acceptance of uncertainty. *Voprosy Psikhologii*, 33(6), 61–71.
- Kornilova, T. V., & Chigrinova, I. A. (2012). Stages of individual morality and acceptance of uncertainty in regulation of personal choices. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 33(2), 69–87.
- Kornilova, T. V., Chumakova, M. A., Kornilov, S. A., & Novikova, M. A. (2010). *Psikhologiya neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnogo potentsiala cheloveka* [Psychology of uncertainty: unity of intellectual and personal potential]. Moscow: Smysl.
- Krasnov, E. V. (2013). Rol' podskazki pri vyborakh v verbal'nykh zadachakh, predpolagayushchikh ispol'zovanie emotsional'noi informatsii [Role of tips in making choice in verbal tasks requiring use of emotional information]. In Yu. P. Zinchenko, A. E. Voiskunsky, & T. V. Kornilova (Eds.), *Idei O.K. Tikhomirova i A.V. Brushlinskogo i fundamental'nye problemy psikhologii (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Ideas of O.K. Tikhomirov and A.V. Brushlinsky and fundamental problems of psychology] (pp. 423–425). Moscow: Moscow University Press.
- Krasnov, E. V. (2014). Emotional anticipation in verbal tasks: a multiple choice method (in a sample of military instructors). *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 7(35), 8. Retrieved from <http://psystudy.ru>
- Lyusin, D. V. (2006). Novaya metodika izmereniya emotsional'nogo intellekta: oprosnik EmIn [New tool for assessment of emotional intelligence: EmIn Questionnaire]. *Psikhologicheskaya Diagnostika*, 4, 3–22.
- Pavlova, E. M., & Kornilova, T. V. (2012). Creativity and tolerance to uncertainty as predictors for emotional intelligence actualization in personal choice. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 33(5), 39–49.
- Sergienko, E. A., & Vetrova, I. I. (2010). *Test Dzh. Meiera, P. Seloveya, D. Karuzo "Emotsional'nyi intellekt" (MSCEIT v 2.0)* [An "Emotional intelligence" test (MSCEIT v 2.0) by J. Mayer, P. Salovey and D. Karuso]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.

PERSONAL VALUES, MORAL DEVELOPMENT, AND EMOTIONAL INTELLIGENCE IN THE REGULATION OF CHOICE IN SITUATIONS THAT INVOLVE INTERPERSONAL INTERACTIONS

T.V. KORNILOVA, I.A. CHIGRINOVA

Kornilova Tatiana V. — Professor at the Chair of General Psychology, Lomonosov Moscow State University, Department of Psychology, Moscow.

Research interests: reasoning, intelligence, personality, methodology of psychology, experimental psychology, measurement.

Contacts: tvkornilova@mail.ru; website: <http://www.cognitivepsy.ru>

Address: 1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

Chigrinova Irina A. — graduate student of the Chair of General Psychology, Lomonosov Moscow State University, Department of Psychology, Moscow.

Research interests: personality, personal values, moral development, experimental psychology.

Contacts: to.chigrinova@gmail.com

Address: 1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

Abstract

The paper summarizes the results of an empirical study of personality regulation of choice and decision-making in a sample of undergraduate students (total $n = 896$). The study examined the interrelationships among different components of emotional intelligence, indices of the stages of moral development and acceptance/rejection of uncertainty, as well as readiness for risk, rationality and Machiavellianism. We used a set of verbal vignettes to obtain indices of decision making. The choice alternatives for the vignettes were designed to represent the outcomes where uncertainty was resolved vs. unresolved. In half of the vignettes, the choice alternatives were also focused on manipulating vs. not manipulating others, and in the other half on using vs. not using

The study was supported by the Russian Foundation for Humanities, project 13-06-00049a (Principal Investigator: T.V. Kornilova).

the emotional information provided by the vignette. We found that indices of moral development differentiated between different choices alternatives not only in situations where decision-making involved manipulating other people but also in situations that involved using emotional information. Surprisingly, indices of the stages of moral development were stronger predictors of choice in situations involving other people than emotional intelligence. We also found that high ("Post-conventional") levels of moral development are sometimes associated with the preference for the Machiavellian choice alternatives, suggesting that the role of values in decision can be conceptualized as dynamic. "Tolerance" and "Intolerance for uncertainty" were also linked to choice variables, suggesting the necessity for including these traits in the comprehensive evaluation of the personality regulation of choice.

Keywords: choice, emotional intelligence, tolerance for uncertainty, tolerance for ambiguity, stages of moral development, self-respect, self-devotion, self-concern, personal values, Machiavellianism, readiness for risk, rationality.

Introduction

We previously examined the concept of the "personal level" of moral development, not only in the narrow sense within the original Kohlberg & Gilligan's (Molchanov, 2005) theoretical framework, but also with respect to its links to a higher-order latent variable of "Orientation towards personal Self and the value of another person" (Kornilova, Chigrinova, 2012). This latent variable was modeled through a set of (indicator or measured) variables: i.e., indices of the post-conventional stage of moral development, self-respect and self-devotion. We also examined other latent variables in a set of measurement models: specifically, the latent variable of Acceptance of uncertainty and risk and the latent variable of Rejection of uncertainty (Intolerance for uncertainty or Intolerance for ambiguity). This paper attempts to integrate the results of two studies, the one mentioned above and another published recently by Kornilova and Pavlova (2012). Both studies were conducted within the same theoretical and methodological frame-

work and capitalized on a comprehensive evaluation of personality traits and on using verbal vignettes to measure characteristics of choice and decision making.

Psychological regulation of choice is tightly linked to acceptance and overcoming of uncertainty through the active development and definition of goals, criteria, personal values, etc. In Russian, as well as English, literature on choice and decision making, choice is frequently referred to as an act that is not completely determined, implying the necessity of studying the development of regulative processes that are engaged online while the choice is being made. Psychological regulative systems that emerge during this process represent the joint intellectual and personality potential of a person as subject of choice and decision making. Thus, the study reported in this paper was deeply rooted in the idea of the unity of intelligence and affect (Vygotsky, 1962/1934) and the theory of Dynamic Regulative Systems (DRS; Kornilova, 2005). The DRS theory posits that the hierarchy of the processes involved in the regulation of a particular

activity is necessarily open (i.e., not rigidly determined) in nature and thus it is not entirely possible to predict which process will become the leading one in a specific act of problem solving or decision making.

In a series of experimental studies conducted in our lab (Chigrinova, 2010; Kornilova & Chigrinova, 2012; Pavlova & Kornilova, 2012), we found that it is not sufficient only to consider the connections between different predictors of choice mentioned above while treating them as dispositional characteristics, because they cannot fully explain the systemic, integral regulation of personal choices that frequently require one to achieve a productive solution under uncertainty. We found that individual differences in the personal regulation of choice are better explained through the inclusion of the concept of DRS that index dynamic hierarchies of regulative processes, including different personality and cognitive traits that work jointly rather than independently.

With respect to the regulation of *moral choice*, the specificity of DRS presumably lies in the hierarchy of processes involved in the comparison of a person's values to the moral rules. Such comparisons are carried out in a particular context that can be described through the identification of requirements and opportunities for development as applied to both the situation itself and to one's personal Self. In a narrow sense, the terminological

combination of words "moral" and "choice" can be operationalized by using moral dilemmas presented as verbal tasks (vignettes) that posit a conflict dictated by the necessity to choose between different personal values that stand behind different choice alternatives. In a broader sense, a personal choice can be called a moral choice if it implicates not only motivational, purposeful and meaningful psychological regulation, but also processes indexed by the measures of the stages of moral development that can be viewed as indexing personal preferences and values¹.

Personal values are arguably the result of personality's self-determination. Any "object", including the ideal one, can be considered as a key element of a value and thus be implicated in meaningful (i.e., focused on the meaning) relationships between a person and the world. The specific content of these values involve value-based attitudes towards other people that can be mapped onto different stages of the development of "personal morality". It is also important to highlight the dynamic nature of this specific content. In every situation of personal choice a person can either follow the "logic" of personal values (that is, follow them without any doubt) or relate them to different "affordances" or opportunities for the situation's development. This ultimately suggests that one is faced with the necessity of making judgments about the applicability of a particular

¹ While moral rules are represented in structures of the social consciousness (and values that comply with them stand out as having a special status of being social, socio-cultural or socio-psychological), the moral regulators of actions, decisions, and choices are represented in the self-consciousness of personality.

set of values to a specific decision-making situation.

Studies of moral choice and decision making focused on using moral dilemmas (J. Haidt, L. Kohlberg, M. Hauser) and were mostly concerned with establishing the set of personality predictors of such choice, viewing them as being the key elements of what has been called the “stages” of moral development. However, in our framework of acceptance of uncertainty as a general mode of the functioning of the intellectual and personality potential, we have developed an alternative account of the psychological regulation of moral choice that is closely tied to the concept of personal values systems as DRS of choice, in which cognitive and personal processes are intertwined (Kornilova, 2013).

Traditionally, studies of moral dilemmas are subdivided into two classes: one that views cognitive aspects of problem solving as leading in the psychological regulation of choice, and the one that is more focused on the role of emotional processes and regulation (Arutyunova, Alexandrov, Znakov, & Hauser, 2013; Crockett, 2013; Greene, Nystrom, Engell, Darley & Cohen, 2004; Kahneman & Tversky, 2003; Kitchener, 2000; Langdon, 2003; Vasiliuk, 1997; Woodward & Allman, 2007). Interestingly, the emotional regulation of decision making is frequently equated with personality regulation, including the effects of motivational characteristics and processes, and those related to meaning. For example, empathy and sympathy are viewed as key emotional components of decision making in the theories of N. Eisenberg and A. Morris; models that postulate the interaction between empathy and moral principles

have also been developed by Hoffman (2000), Rest (1986), etc. An overview of recent hybrid models is presented in Hauser's book (Khauser, 2008), where N. Chomsky's theory of generative grammar is extended to moral development and moral ability is viewed in terms of functioning of abstract rules that regulate moral judgments.

Theoretical positions that are in between these two views are more likely to yield valuable insights into moral choice as they more frequently focus on the individual psychological differences in the regulation of moral choice. A good example of this approach is Gigerenzer's (2008) theory of ecological intelligence. Gigerenzer suggested that one can frequently identify compact reasoning processes behind so-called moral heuristics. Monin, Pizarro and Beer (2007) showed that in ecologically valid real-life situations people are faced with demands placed on their quick emotional response or deep reflection/reasoning. According to Monin and colleagues, when there is a dispute regarding the primacy of senses/emotions vs. mind/cognition, people often talk about different situations. Interestingly, Rest (1986) suggested that moral behavior is characterized, along with moral sensitivity and high stages of moral development, by moral motivation and moral character.

The unity of the development and functioning of morality and intelligence is underscored in Kohlberg's (1976) approach, which developed Piaget's (2006) ideas of the role of decentration in decision making as applied to a wide variety of problems and situations, including moral dilemmas.

Personal values are available to a person not only as knowledge, but also

as components of subjective experience that underscore the role of emotions in indexing the subjective processes [e.g., in Leontiev's theory (1975) emotions represent personal meanings] such as the person's adherence to certain values. So each personal value has both cognitive and emotional components, and these components cannot be distinguished unambiguously in the situation of moral choice, because of the overlap introduced by the processual links between them. This approach to understanding personal values is complex and essentially brings the field back to the need to re-evaluate and further develop the concept of the unity of intellect and affect.

The regulation of choice in moral dilemmas engages not only the orientation towards moral rules and values, but also one's emotional attitude towards other people, as well as towards personal Self. Perception, identification and control of own and others' emotions are the essential components of *emotional intelligence* (EI). There exists a multitude of models of EI (Goleman, 2006; Mayer, DiPaolo, & Salovey, 2008; Zeidner, Matthews, & Roberts, 2008; etc); however, most of them do not focus on (or, for that matter, consider) the relationships between different components of EI and stages of moral development. In our opinion, identifying these relationships is crucial for our understanding of the role of EI in decision making.

More recently, the construct of EI has followed the path of another construct, namely cognitive styles, but instead of bridging the gap between cognition and personality, it bridges the gap between cognition and emotion. On the one hand, EI is related to

intelligence and this allows researchers to consider EI as a cognitive capacity: a distinct subtype of intelligence that can even be linked the g factor (Husin, Santos, Ramos, & Nordin, 2013). Some attempts have been made to find connections between EI and practical and social intelligence: it is now considered that these constructs overlap considerably (Austin & Saklofske, 2000). On the other hand, the patterns of the relationships between EI and personality traits (in particular, the Big Five traits; see Joseph & Newman, 2010, for a recent meta-analysis) and existence of self-report measures of EI (Bracket & Mayer, 2003; Di Fabio & Saklofske, 2014; Schulte, Ree, & Carretta, 2004; etc) suggest that EI can be conceptualized as a (personality) trait that integrates cognitive and personality potentials (Kornilova, Chumakova, Kornilov, & Novikova, 2010; Pavlova & Kornilova, 2013). Corroborating this complex view of EI, other studies showed that EI is related to such traits as self-assessed intelligence (a construct indexing processes at the level of self-consciousness; Furnham, Moutafi, & Chamorro-Premuzic, 2005; Novikova & Kornilova, 2013), tolerance for uncertainty (Kornilova et al., 2010), intuitive style (Kornilova & Kornilov, 2013), and "psychological mindedness" (Novikova & Kornilova, 2014).

The study reported in this paper was rooted in the theoretical framework that posits the existence of multiple sources of the regulation of decision making and examined the relationships between moral development, tolerance for uncertainty, EI, and the regulation of personal choice.

Given the non-deterministic character of decisions, the systems that support the intellectual and moral "orientation"

in the problem situation must also be underdetermined but rather mediated by other processes, most importantly the latent variable of Acceptance of uncertainty. Note that this general principle, which postulates that decision making is inherently under-determined, can be successfully applied to moral choice. However, in this case, since moral decisions frequently include the evaluation of relationships with other people and ethical/moral rules, emotional components and processing (such as EI) must be especially important.

One of the most widely accepted models of EI is the ability model developed by Salovey–Mayer–Caruso. This model ascribes the primacy to cognitive components of EI. Such an approach views emotions as a source of information about relationships between people; correspondingly, EI draws on the general ability to identify emotion(s) in oneself and others, and to use emotional information to guide thinking and action (Roberts, Mett'yus, Zaydner, & Lyusin, 2004; Lyusin, 2006). This approach therefore views EI as the ability to process and use emotional information. However, in interpersonal interactions people are oriented not only by emotions; emotions themselves may appear as a result of evaluation of the extent of the concord between personal values and behavior on one hand, and moral rules on the other.

It is important to mention that the “personal” level of moral development does not presuppose the Machiavellian attitude towards other people, i.e. treating others as a means when achieving some goals. In fact, high levels of Machiavellianism are actually associated with lower EI (Egorova, 2009).

We believe that acceptance and overcoming of the uncertainty can be viewed as central processes in the psychological regulation of choice if, first of all, we accept the idea that in the process of decision making/choice the person not only creates/develops choice alternatives but also evaluates them according to his/her attained levels of the development/functioning of intelligence and personality. Second, based on the idea of multiple dynamically organized hierarchies of intellectual and affective-meaning processes that mediate the *person's choice* (i.e., as opposed to that of some logical device), the processes of overcoming uncertainty play a significant role in the regulation of choice and can be viewed as acts in which attained levels of self-regulation might exceed the demands of present conditions (i.e., the person ultimately creates himself/herself through his or her decisions; Kornilova, 2013).

Uncertainty in situations that involve interpersonal interactions includes uncertainty not only in the processes of establishing an emotional attitude (towards one's Self and towards other people), but also in establishing certain moral-ethical points of reference. Thus, using structural equation modeling, Kornilova and Novototskaya-Vlasova (2009) showed that measured EI indicators could be modeled as a function of *moral self-awareness*. This study found that EI is not an isolated process but plays a complex role in the integrated system consisting of four latent variables. The latent variables of “Acceptance of uncertainty”, “Orientation towards personal values”, “Orientation towards selfish interests and one's own comfort” and “Experience” predicted interpersonal and intrapersonal EI.

The study also found that while interpersonal intelligence was closely related to intrapersonal intelligence (as was expected based on the results of previous studies; Lyusin, 2006, 2009), when these traits are analyzed within the context of higher-order latent variables, they can be conceptualized as subordinate to different stages of moral development. Importantly, our study showed that the problem of moral choice can't be reduced to studying the stages of autonomous morality in either Kohlberg's (with his intellectual interpretation) or Gilligan-Eisenberg's (with their attention to empathy and sense of justice) models, and that variables that tap into a person's readiness to overcome uncertainty must also be taken into account.

Using *verbal vignettes*, we built several structural models of the psychological regulation of choice (Kornilova & Chigrinova, 2012; Pavlova & Kornilova, 2012). Overall, these studies suggested that 1) Acceptance of uncertainty is a necessary component of choice, and 2) while EI acts as a predictor of the use of emotional information in verbal vignettes, the involvement of personality traits in decision making was moderated by whether the participants were creative or non-creative professionals.

The current study tested the following general hypothesis: in situations that can be characterized as involving and requiring personal choice (e.g., probing willingness to manipulate others and/or to use emotional information) the stages of moral development of personality act as predictors of choice together with the traits of Acceptance of uncertainty ("Tolerance for uncertainty", TU) and EI. More specifically, we predicted that:

1) emotional intelligence should be related to the indices of the stages of moral development, i.e., the "personal" level of moral development should be associated with higher EI;

2) "Tolerance for uncertainty" and "Risk readiness" should be positively related to EI;

3) indices of the stages of moral development should significantly predict choice from alternatives in two *types of verbal vignettes* (i.e., the ones that focus on the use of emotional information and the ones that focus on the Machiavellian attitude towards other people);

4) "Machiavellianism" should be positively related to the "Pre-conventional stage" of moral development and negatively related to the "Post-conventional stage" of moral development and self-devotion.

Method

1. Participants

896 undergraduate students (80% female, mean age was 19.8, SD = 2.7) from Moscow State University participated in the study in return for partial course credit.

2. Measures

2.1. Verbal vignettes

We used 8 verbal vignettes, 4 of them focused on the *moral choice* and the other 4 on the use of *emotional information*. Participants were required to choose from several choice alternatives/courses of action that involved 1) agreeing with or refusing to manipulate others to reach one's goals, and 2) using

or not using the information provided by the emotional context to cope with situations that required overcoming uncertainty. More than 20 verbal vignettes were initially designed by a group of students who took the class on the psychology of decision making as part of their class requirement. These tasks were then evaluated by other students who had taken the class in the past, as well as our research team, with respect to their ecological and construct validity.

For the first type of vignettes, although the specific content of the vignettes differed, they shared in common the nature of the two provided alternatives: one involved manipulatively using the person as a means to reach a goal and the other did not. For the second type of vignettes, one of the alternatives involved using the emotional information, and the other one did not. Choice was coded as 1 for the alternatives that were Machiavellian or did not involve utilizing emotional information, and as 0 for the reverse (i.e., in the regression analysis, we used the dichotomous response as a dependent variable that indexed the choice of the “bad” alternatives; see Appendix I). The materials are described in more detail by Pavlova and Kornilova (2013).

2.2. Stages of autonomous morality

The Justice–Care Questionnaire (Molchanov, 2005) provides measures of stages of moral development through the identification of the level of moral judgments according to criteria of normative orientation on the principle of justice (L. Kohlberg) and empathic orientation according to the principle of care (K. Gilligan, N. Eisenberg). The questionnaire

provides quantitative measures of the development of six different stages of moral development: “Pre-conventional”, “Conventional” and “Post-conventional” (according to L. Kohlberg), “Self-concern”, “Self-devotion” and “Self-respect” (according to Gilligan-Aizenberg).

To assess “Machiavellianism”, we used the Mach-scale developed by Znakov (2000).

2.3. Tolerance for uncertainty

Tolerance for uncertainty was measured as readiness to make decisions and act in uncertain situations, openness to new ideas, changing stimuli, and willingness to change thinking strategies. Specifically, we used the New Questionnaire of Tolerance for Uncertainty (NQTU or NTN; Kornilova, 2010; see also Kornilova & Chumakova, 2014). NQTU is a Russian questionnaire that combined four different Measures of tolerance for uncertainty (see Furnham, 1994) and allowed us to obtain three indices: 1) “Tolerance for uncertainty” (TU) as the ability to function in uncertain situations, 2) “Intolerance for uncertainty” (ITU) as a desire to avoid uncertainty in the “world of ideas,” and 3) “Interpersonal intolerance for uncertainty” (interpersonal ITU) as a desire to reach certainty in interpersonal communication and relationships.

2.4. Risk readiness and rationality

We used the Personal Factors of Decisions (LFD-21, or LFR-21) questionnaire to measure “Risk readiness”. The questionnaire is aimed at measuring two factors of *self-regulation*: 1) “Rationality” as readiness to collect

full information for a more complete orientation in the situation and to think thoroughly about one's own decisions; 2) "Risk readiness" as acceptance of uncertainty and readiness to make decisions in uncertain situations. In our previous studies rationality was linked to the *latent variable of Rejection of uncertainty* (or *Intolerance for uncertainty*; Kornilova et al., 2010; Novikova & Kornilova, 2014), while "Risk readiness" was implicated in *Acceptance of uncertainty*.

2.5. Emotional Intelligence

Emotional intelligence was assessed using Lyusin's EmIn Questionnaire (LQ) built around the Salovey–Mayer–Caruso model of EI. LQ is a self-report measure of six facets of EI: "Perception of emotions", "Identification of emotions", and "Control of emotions" in both the interpersonal and intrapersonal domains. LQ also provides two summative scales of "Interpersonal EI" and "Intrapersonal EI".

Results

1. Correlation analysis

As shown in Table 1, measures of the "personal" level of moral development correlated with "Interpersonal EI". Intrapersonal EI was unrelated to the subscales of the Justice-Care Questionnaire. We also found a positive correlation between the scales of "Interpersonal EI" and "Tolerance for uncertainty"; "Intolerance for uncertainty" was positively correlated with one of the scales of intrapersonal intelligence – "Managing/Regulating" one's own emotions. It is intriguing

that interpersonal intolerance for uncertainty was negatively correlated with the scales of interpersonal and intrapersonal EI.

We also found that "Interpersonal EI" was correlated with "Readiness to risk", while "Rationality" was correlated with "Intrapersonal EI"; more precisely, with "Perception of emotions".

The indices of "*Pre-personal*" *autonomous morality* that reflect orientation towards selfish interests ("Pre-conventional stage" morality and "Self-concern") were positively related to "Intolerance for uncertainty" and "Rationality", and "Machiavellianism", while indices that represent integrated *personal values* correlated positively with "Tolerance for uncertainty" and negatively with "Machiavellism" (see Table 2).

2. Predictors of choice in verbal vignettes

The relationships between choice preferences in verbal vignettes (concerning manipulation and using emotional information, see Methods for more information) and personality traits were evaluated using Pearson's Chi-square. The results are presented in Table 3.

We found that choice in "Machiavellian" verbal vignettes was related to a broad spectrum of traits representing *Acceptance/Rejection of uncertainty* and indices of the *stages of moral development*, as well as "Machiavellianism". On the other hand, the choice in the *emotional information usage vignettes* was related to "Interpersonal EI" and also the indices of the *stages of moral development*. Together, these results suggest that

Table 1

The relationships between EI and other traits (Spearman’s correlation coefficient)

Measures	1	2	3	4	5	6	7	8
Interpersonal EI (“old” questionnaire)	0.22* N = 82	0.23* N = 82	0.30** N = 82				0.24** N = 109	
Intrapersonal EI (“old” questionnaire)								
Understanding others’ emotions		0.17** N = 239		0.13* N = 282			0.22** N = 284	
Managing others’ emotions		0.17** N = 239		0.15** N = 282		-0.20** N=282	0.23** N = 284	
Understanding own emotions								
Managing own emotions					0.12* N = 282	-0.15** N = 282		
Expression control								0.15** N = 284
Interpersonal EI (“new” questionnaire)		0.20** N = 239		0.16** N = 282		-0.14* N = 282	0.24** N = 284	
Intrapersonal EI (“new” questionnaire)								0.18** N = 284
Understanding emotions								
Managing emotions						-0.20** N = 282	0.15** N = 284	

Note. 1 – “Post-conventional stage”, 2– “Self-devotion”, 3 – “Self-respect”, 4 – “TU”, 5 – “ITU”, 6 – “Interpersonal ITU”, 7 – “Readiness to take risk”, 8 – “Rationality”.

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

choice in situations that have a strong interpersonal component is substantially related to the stages of moral development.

Significant predictors of choice in verbal vignettes according to the results of binominal regression analysis are shown in Table 4.

We were able to identify significant predictors of choosing “good” alternatives in some but not all verbal vignettes. In “Machiavellian” tasks that focus on the manipulation the main predictors were the indices of the “Post-conventional stage” of moral

development, “Machiavellianism”, and “Risk readiness”. Perhaps surprisingly, in tasks that focus on utilizing emotional information, EI did not act as a significant predictor of choice; however, we found that in these vignettes choice was predicted by variables that represent *interior personal values* and “Interpersonal intolerance for uncertainty”.

Discussion

The pattern of results obtained via the correlational analysis suggested

Table 2

**The relationships between the stages of moral development and other traits
(Spearman's correlation coefficient)**

Measures	1	2	3	4	5	6
Pre-conventional stage	-0.14** N = 706	0.28** N = 706	0.15** N = 706		0.12** N = 707	0.30** N = 230
Conventional stage	-0.12** N = 706	0.23** N = 706	0.24** N = 706	-0.11** N = 707	0.16** N = 707	
Post-conventional stage	0.15** N = 706			0.10** N = 707		-0.17** N=230
Self-concern	-0.09* N = 706	0.22** N = 706	0.12** N = 706		0.09** N = 707	-0.33** N = 230
Self-devotion	0.11** N = 706	0.11** N = 706				-0.28** N = 230
Self-respect	0.14** N = 706	0.11** N = 706				

Note. 1 – “TU”, 2– “ITU”, 3 – “Interpersonal ITU”, 4 – “Readiness to take risk”, 5 – “Rationality”, 6 – “Machiavellianism”.

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

that “Interpersonal EI” was related to variables indexing interior *personal values* (value-based attitude towards personal Self and other people), supporting the first hypothesis of the study. The established links between “Tolerance for uncertainty” and “Interpersonal EI” and also between “Tolerance for uncertainty” and “Intolerance for uncertainty” and *stages of moral development* are in line with results reported in previous studies (Kornilova & Chigrinova, 2012; Kornilova & Novototskaya-Vlasova, 2009). Therefore, we would like to argue that the value-based attitude towards Self and others is intertwined with the ability to emotionally understand others, and this ability might potentially be influenced by an overall empathic attitude towards others, also reflected in the indices of the moral development.

“Tolerance for uncertainty”, as we expected, was significantly related to traits included in the latent variable of Acceptance of uncertainty, “Risk”, and “Interpersonal EI”. Better ability to recognize and understand others’ emotions was associated with “Risk readiness”, while “Rationality” understood as readiness to collect full information for a more complete orientation in the situation and to think thoroughly about one’s own decisions was linked to the understanding of one’s own emotions (as part of “Intrapersonal EI”), supporting the second hypothesis of the study.

The results of the current study augment our understanding of the internal dynamics of the regulation of choice. Most importantly, we found that the stages of moral development, EI and various personality traits do not function independently.

Table 3

Relationships between choice preferences in verbal vignettes and personality traits

	Manipulation				Using emotional information			
	Task 1	Task 2	Task 3	Task 4	Task 1	Task 2	Task 3	Task 4
Interpersonal EI ("old" questionnaire)					$\chi^2 = 3.904$ $p = 0.048$			$\chi^2 = 5.839$ $p = 0.016$
Understanding others' emotions ("old" questionnaire)						$\chi^2 = 5.814$ $p = 0.016$		
TU				$\chi^2 = 6.71$ $p = 0.01$				
ITU		$\chi^2 = 5.62$ $p = 0.02$						
Interpers. ITU								
Readiness to take risk		$\chi^2 = 5.41$ $p = 0.02$		$\chi^2 = 12.27$ $p = 0.0001$				
Rationality		$\chi^2 = 3.39$ $p = 0.04$		$\chi^2 = 5.71$ $p = 0.02$				
Conventional stage					$\chi^2 = 3.946$ $p = 0.047$			
Post-conventional stage		$\chi^2 = 3.77$ $p = 0.05$						
Self-devotion			$\chi^2 = 6.61$ $p = 0.01$					$\chi^2 = 5.197$ $p = 0.023$
Self-respect	$\chi^2 = 8.60$ $p = 0.01$							$\chi^2 = 4.427$ $p = 0.035$
Machiavellianism	$\chi^2 = 3.96$ $p = 0.05$	$\chi^2 = 7.39$ $p = 0.01$	$\chi^2 = 15.17$ $p = 0.0001$	$\chi^2 = 4.58$ $p = 0.04$				

Table 4

Significant predictors of choice in verbal vignettes

	Predictors	B	P	R ²
Task 2 (manipulation)	Post-conventional stage Machiavellism	0.19 0.06	0.05 0.02	0.10
Task 4 (manipulation)	Readiness to take risk	0.14	0.02	0.06
Task 2 (emotional inf.)	Interpersonal ITU Machiavellianism	0.23 -0.10	0.02 0.07	0.35
Task 4 (emotional inf.)	Self-devotion Self-respect	2.19 1.13	0.17 0.11	0.51

The results of the regression analysis revealed the traits that had a leading role in the dynamic regulative systems. We found that, first of all, the indices of the stages of moral development were significant predictors of the choice preference not only in tasks that focus on manipulation, but also in tasks that focus on the use of emotional information. Second, we also showed that interior personal values, that can be considered to be characteristic of post-conventional morality, self-devotion and self-respect, were linked to the ability to act and function under uncertainty.

Although the results of the study generally support the third hypothesis, it should be reformulated because we can argue that the post-conventional stage of moral development positively predicted Machiavellian choice in one of the tasks, which is a fascinating result. Coupled with the absence of significant correlations between the indices of the "Post-conventional stage" of moral development and "Machiavellianism", this suggests that high levels of moral development are not sufficient for (and do not guarantee) refusing to manipulate others. In each specific situation, the person decides which values rise to the leading level of regulation of *choice* and *decision making*, and this idea can be easily mapped onto the concept of *dynamic regulative systems* as applied to the psychological regulation of choice (DRS).

We should also mention that predictors of choice vary across samples and task/vignette contents. Thus, the hypothesis about the regulative role of stages of moral development and EI in choice and decision making should include a substantial situational component.

In this study, "Machiavellianism" was a significant predictor of moral choice; in addition to this trait, "Interpersonal intolerance for uncertainty" and "Readiness to take risk" were also predictive of the Machiavellian choice. Hence, the orientation towards selfish interests is linked to viewing other people as a means to an end and implies the need for clarity, including clarity in interpersonal relationships. Our results do not fully correspond to the results obtained in other studies that examined correlations between "Machiavellianism" and "Risk readiness" (e.g., Egorova, 2009).

Overall, the results of the study reported in this paper suggest that studies of choice and decision making should expand the range of variables that are examined with respect to their predictive power, in particular by including EI and stages of moral development in the set of such variables.

Conclusions

The analysis of the relationships between alternative choices in verbal vignettes and personality traits suggests that the psychological regulation of choice and decision making has a complex, multifaceted architecture. Thus, stages of moral development seem to play a more important role in situations involving interpersonal interactions than "Interpersonal EI".

Machiavellian choice depends on "Machiavellianism" as a trait, as well as on "Risk readiness" and the "Post-conventional stage" of moral development.

Importantly, "Tolerance/Intolerance for uncertainty" predicted alternative choices in verbal vignettes, confirming

our previous claims that “Tolerance/Intolerance for uncertainty” is an essential element of the psychological regulation of choice.

In summary, our study indicated that EI and moral development are both parts of the complex landscape of dynamic interactions between these characteristics and other traits such as

“Tolerance/Intolerance for uncertainty”, “Machiavellianism”, “Risk readiness”, and “Rationality”. Although it is surely possible to augment this list by examining other traits and variables, the current study adds to the literature and deepens our understanding of the factors that play a role in choice and decision making under uncertainty.

References

- Arutyunova, K. R., Alexandrov, Yu. I., Znakov, V. V., & Hauser, M. D. (2013). Moral judgments in Russian culture: Universality and cultural specificity. *Journal of Cognition and Culture*, 13(3–4), 255–285.
- Austin, E. J., & Saklofske, D. H. (2000). Far too many intelligences? On the communalities and differences between social, practical, and emotional intelligences. In R. Bar-On & J. D. A. Parker (Eds.), *Handbook of emotional intelligence: Theory, development, assessment, and application at home, school, and in the workplace* (pp. 107–128). San Francisco: Jossey-Bass.
- Bracket, M. A., & Mayer, J. D. (2003). Convergent, discriminant, and incremental validity of competing measures of emotional intelligence. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 29, 1147–1158.
- Chigrinova, I. A. (2010). The acceptance of uncertainty and machiavellism in the regulation of moral choice. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 5(13). Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/eng/2010n5-13e/392-chigrinova13e.html>
- Crockett, M. J. (2013). Models of morality. *Trends in Cognitive Science*, 17(8), 363–366.
- Di Fabio, A., & Saklofske, D. H. (2014). Promoting individual resources: The challenge of trait emotional intelligence. *Personality and Individual Differences*, 65, 19–23.
- Egorova, M.S. (2009). Makiavellizm v strukture lichnostnykh svoystv [Machiavellianism in the structure of personality traits]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 10. Differentsial'naya Psikhologiya*, 1/2, 65–80.
- Furnham, A. (1994). A content, correlational and factor analytic study of four tolerance of ambiguity questionnaires. *Personality and Individual Differences*, 16, 403–410.
- Furnham, A., Moutafi, J., & Chamorro-Premuzic, T. (2005). Personality and intelligence: Gender, the Big Five, self-estimated and psychometric intelligence. *International Journal of Selection and Assessment*, 13(1), 11–24.
- Gigerenzer, G. (2008). Moral Intuition = Fast and Frugal Heuristics? In W. Sinnott-Armstrong (Ed.), *Moral psychology. Vol. 2: The cognitive science of morality: Intuition and diversity* (pp. 1–26). Cambridge, MA: MIT Press.
- Gilligan, C. (1982). *In a different voice: Psychological theory and women's development*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Goleman, D. (2006). *Emotional intelligence. Why it can matter more than IQ?* New York: Bantam Books.
- Greene, J. D., Nystrom, L. E., Engell, A. D., Darley, J. M., & Cohen, J. D. (2004). The neural bases of cognitive conflict and control in moral judgment. *Neuron*, 44, 389–400.

- Harpur, T. J., Hart, S. D., & Hare, R. D. (2002). Personality of the psychopath. In P. T. Jr. Costa & T. A. Widiger (Eds.), *Personality disorders and the five-factor model of personality* (2nd ed.; pp. 299–324). Washington: APA.
- Hoffman, M. (2000). *Empathy and moral development*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Husin, W. N. I. W., Santos, A., Ramos, H. M., & Nordin, M. S. (2013). The place of emotional intelligence in the “intelligence” taxonomy: Crystallized intelligence or fluid intelligence factor? *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 97, 214–223. doi:10.1016/j.sbspro.2013.10.225
- Joseph, D. L., & Newman, D. A. (2010). Emotional intelligence: An integrative meta-analysis and cascading model. *Journal of Applied Psychology*, 95(1), 54–78.
- Kahneman, D., & Tversky, A. (2003). The rational choice, values and frames. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 24(4), 31–42.
- Khauzer, M. (2008). *Moral' i razum* [Moral and mind]. Moscow: Drofa. (Transl. of: Hauser, M. (2006). *Moral minds: How nature designed our universal sense of right and wrong*. New York: Ecco.
- Kitchener, K. S. (2000). *Foundations of ethical practice in research and teaching in psychology*. Mahwah, NJ: Erlbaum.
- Kohlberg, L. (1976). Moral stages and moralization: The cognitive-developmental approach. In T. Lickona (Ed.), *Moral development and behavior: Theory, research and social issues* (pp. 31–53). New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Kornilova, T. V. (2005). Methodological problems of decision making psychology. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 26(1), 7–17.
- Kornilova, T. V. (2010). Tolerance-intolerance of ambiguity new questionnaire. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 31(1), 74–86.
- Kornilova, T. V. (2013). Psikhologiya neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnoi regulyatsii reshenii i vyborov [The Psychology of Uncertainty: unity of intellectual and personal regulation of decision and choices]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 34(3), 89–100.
- Kornilova, T. V., & Chigrinova, I. A. (2012). Stages of individual morality and acceptance of uncertainty in regulation of personal choices. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 33(2), 69–87.
- Kornilova, T. V., & Chumakova, M. A. (2014). Tolerance and intolerance of ambiguity in the modification of Budner's questionnaire. *Experimental Psychology (Russia)*, 7(1), 58–66.
- Kornilova, T. V., Chumakova, M. A., Kornilov, S. A., & Novikova, M. A. (2010). *Psikhologiya neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnogo potentsiala cheloveka* [The psychology of uncertainty: The unity of the intellectual and personality potential of a man]. Moscow: Smysl.
- Kornilova, T. V., & Kornilov, S. A. (2013). Intuition, intelligence, and personality traits (the results of trying and testing Rational Versus Experiential Inventory by S. Epstein et al.). *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 6(28), 5. Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/eng/2013v6n28e/795-kornilova28e.html>
- Kornilova, T. V., & Novototskaya-Vlasova, E. V. (2009). Correlation of levels of moral self-consciousness, emotional intellect and acceptance of uncertainty. *Voprosy Psikhologii*, 6, 61–70.
- Langdon, R. (2003). Theory of mind and social dysfunction: Psychotic solipsism versus autistic sociality. In B. Repacholi & V. Slaughter (Eds.), *Individual differences in theory of mind: Implications for typical and atypical development* (pp. 241–270). New York: Psychology Press.
- Lyusin, D. V. (2006). Novaya metodika dlya izmereniya emotsional'nogo intellekta: oprosnik EmIn [New Questionary for emotional intelligence assesstment: EmIn Questionary]. *Psikhologicheskaya Diagnostika*, 4, 3–22.

- Lyusin, D. V. (2009). Oprosnik na emotsional'nyi intellekt EmIn: novye psikhometricheskie dannye [Emotional intelligence questionnaire EmIn: new psychometric data]. In D. V. Lyusin & D. V. Ushakov (Eds.), *Sotsial'nyi i emotsional'nyi intellekt: ot protsessov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: from processes to measurement] (pp. 264–278). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Mayer, J. D., DiPaolo, M. T., & Salovey, P. (1990). Perceiving affective content in ambiguous visual stimuli: A component of emotional intelligence. *Journal of Personality Assessment*, *54*, 772–781.
- Molchanov, S. V. (2005). Struktura moral'nogo povedeniya v kontseptsii Dzh. Resta [Structure of morality in J. Rest's theory]. *Psikhologiya i Shkola*, *1*, 111–132.
- Monin, B., Pizarro, D., & Beer, J. (2007). Deciding vs. reacting: Conceptions of moral judgment and the reason-affect debate. *Review of General Psychology*, *11*, 99–111.
- Novikova, M. A., & Kornilova, T. V. (2013). Self-assessed intelligence, psychometric intelligence, personality, and academic achievement: Two structural models. In M. Gowda & A. Khanderia (Eds.), *Educational achievement: Teaching strategies, psychological factors and economic impact* (pp. 197–212). New York: Nova Science Publishers, Inc.
- Novikova, M. A., & Kornilova, T. V. (2014). "Psychological mindedness" in the structure of intellectual and personal potential (adaptation of questionnaire). *Psikhologicheskii Zhurnal*, *25*(1), 63–78.
- Pavlova, E. M., & Kornilova, T. V. (2012). Creativity and tolerance to uncertainty as predictors for emotional intelligence actualization in personal choice. *Psikhologicheskii Zhurnal*, *33*(5), 39–49.
- Pavlova, E. M., & Kornilova, T. V. (2013). Creativity and tolerance for uncertainty predict the engagement of emotional intelligence in personal decision making. In Yu. P. Zinchenko & V. F. Petrenko (Eds.), *Psychology in Russia: State of the Art. Scientific Yearbook*, *6*(4), 34–46.
- Piaget, J. (2006). *Moral'noe suzhdenie u rebenka* [Moral judgment in children]. M.: Akademicheskii Proekt, 2006. (Transl. of: Piaget, J. (1932). *Le jugement moral chez l'enfant*, Bibliothèque philosophie contemporaine. Paris: PUF).
- Rest, J. R. (1986). *Moral development. Advances in research and theory*. New York: Praeger.
- Roberts, R., Mett'yus, Dzh., Zaydner, M., & Lyusin, D. (2004). Emotional intelligence: Theory, measures, and applications. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, *1*(4), 3–26.
- Schulte, M. J., Ree, M. J., & Carretta, T. R. (2004) Emotional intelligence: not much more than g and personality. *Personality and Individual Differences*, *37*, 1059–1068.
- Vasiliuk, F. E. (1997). Psikhotekhnika vybora [Psychotechnique of choice]. In D. A. Leontiev & V. G. Schur, (Eds.), *Psikhologiya s chelovecheskim litsom: gumanisticheskaya perspektiva v postsovet-skoi psikhologii* [Psychology with a human face: humanistic perspective in post-Soviet psychology] (pp. 284–314). Moscow: Smysl.
- Vygotsky, L. S. (1962). *Thought and language*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Woodward, J., & Allman, J. (2007) Moral intuition: its neural substrates and normative significance. *Journal of Physiology (Paris)*, *101*(4–6), 179–202.
- Zeidner, M., Matthews, G., & Roberts, R. D. (2008) The science of emotional intelligence: Current consensus and controversies. *European Psychologist*, *13*(1), 64–78.
- Znakov, V. V. (2000). The machiavellianism: The psychological personal trait and the method of research. *Psikhologicheskii Zhurnal*, *21*(5), 16–22.

Appendix

Example of a decision-making vignette (manipulation vs. non-manipulation)

Your boyfriend/girlfriend cannot go to a party with you and he/she would not let you go alone. Your best friend can lie to them, pretending you are going to study for the seminar together instead of going to the party. Will you use your best friend's help in this situation?

- A) Yes, I will. My boyfriend/girlfriend will not find out about this and I will have had fun.
- B) No, I would not cheat to have fun.
- C) Yes, I will use my best friend's help, but for a different reason (specify)

D) No, I will not use my best friend's help, but for a different reason (specify)

Example of a decision-making vignette (using vs. not using emotional information)

You meet your close friend and notice that they are upset about something. When you ask them about what happened, they do not tell you. Instead, their reply is "everything's fine". When this particular person acts this way, it is very difficult for you to talk to them. What would you do?

A) You wouldn't try to find out the true reason by asking this person directly. Instead, you would ask your mutual friends about what happened and whether you can help.

B) You would understand that they probably need your help, but you wouldn't ask persistently because they do not want to talk.

C) You would forget about it quickly because you have a lot of problems of your own.

D) You would start talking about something else and lead the conversation to a point where your friend could tell you everything.

E) You would find out what's going on by using some other method, such as _____ (specify).

Личностные ценности, моральное развитие и эмоциональный интеллект в регуляции выбора в ситуации межличностного взаимодействия

Корнилова Татьяна Васильевна

Профессор кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор психологических наук.
Сфера научных интересов: мышление, интеллект, личность, методология психологии, экспериментальная психология, измерение.
E-mail: tvkornilova@mail.ru; website: <http://www.cognitivepsy.ru>

Чигринова Ирина Александровна

Аспирант кафедры общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
Сфера научных интересов: личность, личностные ценности, моральное развитие, экспериментальная психология.
E-mail: to.chigrinova@gmail.com

Резюме

В статье представлены результаты исследований, демонстрирующих роль толерантности к неопределенности, эмоционального интеллекта, готовности к риску, рациональности, стадий развития автономной морали и макиавеллизма в регуляции личностных выборов. Студентам (всего выборка составила 896 чел.) предъявлялись 8 вербальных задач с множественными исходами: 4 из них — на моральный выбор и еще 4 — на использование эмоциональной информации. Исходы строились как «разрешающие — не разрешающие» ситуацию неопределенности (во всех восьми ситуациях), предполагающие использование другого человека в своих целях (макиавеллистический выбор или отказ от него — в четырех задачах) и ориентировку или нет на учет эмоционального контекста ситуации (в других четырех задачах). Проверялись гипотезы о регулятивной роли нравственного самосознания (стадий морального развития согласно модели Колберга—Гиллиган) и эмоционального интеллекта в предпочтениях личностного выбора, а также роли ситуационного фактора — содержания проблемы, которую разрешает человек своим выбором. В постановке проблемы обсуждена неправомерность классических противопоставлений разума и эмоций в регуляции морального выбора и обоснована необходимость учета толерантности-интолерантности к неопределенности в динамических регулятивных системах (ДРС) выборов. Было показано, что шкалы нравственного самосознания личности оказываются предикторами не только в задачах на манипулятивный выбор, но и в задачах, предполагающих возможность ориентировки на эмоциональную информацию в ситуации. Оказалось, что высокие показатели «Постконвенциональной стадии», свидетельствующие об уровне собственного личностного развития автономной морали, также могут сопутствовать предпочтению макиавеллистического выбора. Его предикторами выступили также «Макиавеллизм», «Межличностная интолерантность к неопределенности» и «Готовность к риску». Таким образом, высокий уровень нравственного развития не является гарантией отказа от использования другого, сам человек в зависимости от конкретной ситуации решает, какие из его личностных ценностей выйдут на ведущий уровень регуляции выбора. Интериоризованные личностные ценности, выраженные в шкалах «Постконвенциональная стадия» морали, «Самопожертвование» и «Самоуважение», в большей степени

предполагают способность личности продуктивно разрешать ситуации неопределенности. «Толерантность к неопределенности» выступила в значимых связях со шкалами, презентующими латентные переменные как Принятия неопределенности и риска, так и Межличностного эмоционального интеллекта. Установлено, что лучшему узнаванию и пониманию эмоций других людей сопутствует «Готовность к риску», в то время как «Рациональность», понимаемая как стремление к максимально полному сбору информации, в большей степени сопутствует пониманию собственных эмоций (связь со шкалой «Внутриличностный эмоциональный интеллект»).

Ключевые слова: выбор, принятие решений, эмоциональный интеллект, толерантность-интолерантность к неопределенности, стадии автономной морали, самоуважение, самоозабоченность, самопожертвование, личностные ценности, макиавеллизм, готовность к риску, рациональность.

ИМПЛИЦИТНЫЕ ТЕОРИИ И САМООЦЕНКА КРЕАТИВНОСТИ В СТРУКТУРЕ САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Е.М. ПАВЛОВА

Павлова Елизавета Михайловна — аспирант факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кафедра общей психологии.
Контакты: pavlova.lisa@gmail.com

Резюме

В статье описано исследование связи объективированных показателей креативности, ее представленности на уровне самосознания личности (в виде прямых самооценок и имплицитных теорий креативности) в контексте изучения роли отношения к неопределенности. Для диагностики имплицитных теорий креативности создана новая методика — Опросник имплицитных теорий креативности (КИТ) (N = 393). С использованием методов факторного анализа и структурного моделирования показана факторная структура опросника, диагностирующего четыре шкалы: «Оригинальность» (проявление творческого потенциала в привычных условиях), «Интеллектуально-личностный потенциал» (использование составляющих интеллектуально-личностного потенциала), «Новизна» (проявление креативности в неопределенных ситуациях) и «Деятельность» (проявление креативности в деятельности и общении). На критериальной выборке состоявшихся представителей творческих профессий (писателей, композиторов и режиссеров театра и кино, N = 52, все — признанные сообществом творцы), использование которой позволяет дополнительно вводить внешний критерий креативности, проведено исследование механизмов функционирования имплицитных теорий креативности и самооценки креативности в составе интеллектуально-личностного потенциала человека. Показано, что креативность представлена на уровне самосознания в форме самооценок и имплицитных теорий, находящихся в иерархической связи, а процесс самооценивания основывается на объективных показателях креативности, при этом его основаниями выступают имплицитные теории креативности. Состоявшиеся творческие профессионалы демонстрируют связь креативности с личностными свойствами «Толерантность» и «Интолерантность к неопределенности», «Доверие интуиции», «Самооценка креативности» и объективными показателями креативности; при этом профессиональное развитие личности в рамках творческих профессий сопровождается

ся развитием более цельной и интегрированной системы, в которой самооценка выступает интегративным образованием. Полученные результаты рассматриваются как довод в пользу предположения о том, что при оценке своей креативности уровень неопределенности, заданный неоднозначностью критериев и постоянным становлением личности, снижается за счет использования имплицитных теорий креативности как основания такой самооценки.

Ключевые слова: креативность, принятие/непринятие неопределенности, имплицитные теории креативности, самооценка креативности, интуиция, самосознание.

Проблема самосознания личности напрямую связана с необходимостью выделения его составляющих. В русле развития концепции А.Н. Леонтьева В.В. Столин выделял в качестве единицы самосознания конфликтный смысл Я, который отражает столкновение мотивов и деятельности человека и как следствие противоречивое отношение к себе. Отношение к себе, согласно автору, базируется на когнитивной и эмоциональной (коннотативной или аффективной) составляющих, с которыми семантически связаны такие понятия, как самоуважение, самопринятие, самоотношение, эмоциональный компонент самооценки и пр. (Столин, 1983).

Одной из ключевых составляющих Я-концепции человека является его самооценка. Выделяется несколько подходов к сути самооценки человека: она может представляться как генерализованная аффективная оценка Я или как сумма оценок специфических свойств (Молчанова, 2010).

Адекватность самооценки способности как отражения объективного уровня ее развития является дискуссионным вопросом, в том числе и в отношении креативности. Проблема связи самооценки креативности с успешностью творческой деятельно-

сти базируется не только на феноменах функционирования самооценки, но и на неоднозначности критериев оценки соответствующих видов деятельности и недооценке отдельных их видов с точки зрения возможности проявления креативного потенциала личности. Исследования связи между самооценкой креативности и ее объективными показателями не обладают достаточной консистентностью и в отношении процедуры (исследуются различные показатели креативности), и в отношении результатов. С использованием лонгитюдного метода было показано, что самооценка креативности является предиктором уровня невербальной креативности, однако объясняет всего 5,5% дисперсии (Furnham et al., 2005). Использование методик, основанных на самооценке креативности в различных сферах ее возможной реализации, показывает низкую или незначимую связь с объективными показателями креативности (Reiter-Palmon et al., 2012).

Проблема выделения отдельных оснований процесса самооценивания существует для отдельных свойств личности, в частности для креативности. Исследования, чаще всего заключающиеся в факторизации самооценок испытуемых по различным

областям деятельности, связанной с использованием креативного потенциала, обычно демонстрируют смешанные результаты.

В исследовании Дж. Кауфмана и Дж. Баера (Kaufman, Baer, 2004) факторизация самооценок креативности студентов в девяти сферах (наука, межличностные отношения, литература, искусство, межличностная коммуникация, решение личных проблем, математика, ремесла и телесно-двигательная сфера) показала трехфакторную структуру самооценки креативности. Согласно этим авторам, она включает в себя креативные проявления во взаимодействии с другими (или эмпатию), «ручную» креативность и математическую (научную) креативность. Позже эти данные были воспроизведены в исследовании Д. Роулингса и А. Локкарнини (Rowlings, Locarnini, 2007).

Схожие результаты были получены З. Ивсевич с коллегами при изучении самооценки креативного поведения (Ivsevic, Mayer, 2009). Согласно этим авторам, самооценка креативного поведения может описываться как трехуровневая структура, в которую входят такие факторы, как креативный стиль жизни, сопоставимый с фактором коммуникации, найденный в исследовании Дж. Кауфмана и Дж. Баера (включающий в себя ремесла, межличностную креативность, визуальное искусство и литературу); второй фактор связывается авторами с исполнительским мастерством и включает такие способности, как исполнение музыки, театр и танец (что близко к фактору «ручной» креативности Дж. Кауфмана и Дж. Баера); и фактор интеллектуальной креативности,

представляющий креативность в технологиях, науке и академических достижениях (этот фактор родствен научной креативности).

Исследования структуры самооценки креативности в разных областях обычно демонстрируют стройную факторную структуру самооценки креативности, однако зачастую некоторые теоретически обоснованные сферы реализации креативного потенциала остаются вне этой структуры (например, «математическая креативность» или «архитектурная креативность»). Такие результаты объясняются, в первую очередь, тем, что при заполнении самооценочных методик отдельные сферы не воспринимаются испытуемыми как возможные для реализации их креативного потенциала, т.е. креативность в этих сферах не является частью имплицитных теорий креативности.

Термин «имплицитные теории», разграничиваемый Р. Стернбергом с «эксплицитными теориями» как научными представлениями о каком-либо явлении (речь шла о теориях интеллекта), отражает совокупность бытовых представлений о феномене, несистематически формируемых человеком в течение жизни. Важность имплицитных теорий способностей связана с тем, что они являются основой вынесения всех видов суждений в отношении этих способностей, связанных с ожиданиями и самооценкой человека (Стернберг и др., 2002).

Исследования имплицитных теорий креативности обычно направлены на прояснения различий между группами испытуемых. При сопоставлении разных групп испытуемых выявляются различные наборы

характеристик, которые необходимы для реализации творческого потенциала. Зачастую в них обнаруживаются такие характеристики, как ум, любопытство, воображение, интеллект, развитие разносторонних интересов, изобретательность и др. Включение в этот список интеллекта интерпретируется в терминах пороговой теории: реализация творческого потенциала требует некоторого базового уровня интеллекта, тогда как за пределами нижнего значения эта связь уже не играет ведущей роли (Runco, 2006).

Структурная организация самооценки как компонента самосознания личности была показана на примере самооцениваемого интеллекта. Согласно А. Фернхему, исследования самооцениваемого и психометрического интеллекта обычно демонстрируют связь между этими переменными (Furnham, 2001). На русскоязычной выборке с использованием метода структурного моделирования получены результаты, согласно которым латентная переменная Интеллектуальная Я-концепция, включающая в себя разные виды субъективных самооценок интеллекта, выступает медиатором, связующим интеллектуальные и личностные характеристики субъекта; в качестве личностной латентной переменной выступило Принятие неопределенности и риска (Корнилова, Новикова, 2011; Novikova, Kornilova, 2013). Обсуждаемые в литературе связи между креативностью и интеллектом (вплоть до отождествления некоторыми авторами этих переменных) ставят вопрос о том, связаны ли креативность и ее самооценка таким же образом, как

психометрический и самооцениваемый интеллект.

Уровневое строение самосознания позволяет предполагать существование в самооценках креативности двух оснований: самооценки собственной деятельности, предполагающей реализацию творческого потенциала, а также — на более глубоком уровне — имплицитных теорий креативности, базирующихся на индивидуальных житейских представлениях о содержании феномена.

Неоднозначность трактовки креативности в рамках академической психологии, с одной стороны, и увеличение интереса к феномену в последние годы в обществе, с другой, ставит проблему большой вариативности критериев ее оценки. Ее решение предполагает анализ соотношения объективного уровня творческих способностей и их представленности на уровне самосознания (в виде оценки своей креативности, выраженной в форме прямой самооценки, и представления о креативности вообще, выраженного в имплицитных теориях креативности).

Показано, что в *латентную переменную* «Принятие неопределенности и риска» входят показатели «Доверия интуиции» (Корнилова, Новикова, 2011), которая, в свою очередь, играет важную роль в регуляции мышления и связана с выраженностью новообразований в процессе преодоления неопределенности (Корнилова, Корнилов, 2013). Открытыми остаются вопросы о связях «Толерантности к неопределенности» и «Доверия интуиции» (как измеренных личностных переменных) с «Самооценкой креативности».

Необходимость учета сложной структуры креативности, включающей

в себя не только объективный уровень творческих способностей, но также и целую группу различных представлений, влияющих на регуляцию творческой деятельности, поставила перед нами задачу разработки методики измерения *имплицитных теорий креативности*. Недостаточное развитие в психологии этой темы, представленной, в частности, в контексте культуры и отношения к инновациям (Лебедева, 2012), а также в изучении культурных различий в имплицитных теориях (Kaufman, 2006), не позволяет ограничиться апробацией одной из западных методик для выявления имплицитных оснований оценивания своей креативности в российских выборках.

Для прояснения особенностей уровневого строения самооценки креативности нами было предпринято исследование, основной гипотезой которого выступило предположение о том, что самооценка креативности имеет иерархическое строение и включает в себя показатели прямой самооценки и имплицитных теорий креативности. Предполагалось также, что самооценка креативности положительно связана с объективными показателями креативности и личностным свойством толерантности к неопределенности.

Проверка основной гипотезы была реализована в двух исследованиях. Проверяемой гипотезой исследования 1, направленного на разработку методики диагностики имплицитных теорий креативности, выступило предположение о том, что имплицитные теории креативности могут быть измерены с помощью опросника, имеющего многофакторную структуру.

Исследование 1: разработка методики, направленной на диагностику имплицитных теорий креативности (КИТ)

Схема исследования

Разработка методики диагностики имплицитных теорий креативности (КИТ) проходила в три этапа: исследование предварительных представлений о креативности, первичная факторизация опросника и подтверждение факторной структуры опросника. В исследовании приняли участие 393 человека (248 женщин и 145 мужчин), в возрасте от 17 до 29 лет ($M = 19.49$, $\sigma = 1.41$), все — студенты и аспиранты факультета психологии, географического и физического факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова.

Исследование представлений о креативности

На предварительном этапе 112 человек (82 студента 3-го курса д/о, 25 студентов 4-го курса с/о, 5 аспирантов факультета психологии МГУ в возрасте от 18 до 26 лет, $M = 19.44$, $\sigma = 1.58$, 87 женщин, 25 мужчин) составили определения креативности, из которых нами были отобраны 100 характеристик, вошедших в изначальный протокол.

Первичная факторизация опросника КИТ

Во втором этапе исследования принял участие 281 студент МГУ имени М.В. Ломоносова в возрасте от 17 до 29 лет ($M = 19.5$, $\sigma = 1.37$), 161 женщина и 120 мужчин: в исследовании

принимали участие 101 студент физического факультета МГУ, 174 студента факультета психологии МГУ и 6 студентов географического факультета МГУ. Опросник, состоящий из 100 пунктов, был оценен студентами с использованием 5-балльной шкалы Лакерта.

Полученные данные были подвергнуты эксплораторному факторному анализу методом главных осей (Principle axis) с использованием вращения Promax, что позволило выделить 4 основных фактора. Содержательный анализ пунктов, входящих в каждый из факторов, позволил установить их принадлежность к тем или иным проявлениям креативности: фактор 1 оказался связан с проявлением оригинальности в обычных условиях (шкала «Оригинальность»), фактор 2 интерпретируется как использование интеллектуально-личностного потенциала (шкала «Интеллектуально-личностный потенциал», или «ИЛП»), проявление креативности в неопределенных ситуациях (шкала «Новизна») и креативность в деятельности и общении (шкала «Деятельность»).

Высокие факторные нагрузки, а также связи показателей отдельных шкал между собой поставили перед нами проблему доказательства четырехфакторной структуры опросника.

Подтверждение многофакторной структуры опросника КИТ

На третьем этапе исследования для сокращенной версии опросника (20 пунктов) с использованием пакета статистической обработки EQS 6.1 for Windows были построены две

структурные модели (метод максимального правдоподобия с поправкой на ненормальность данных, Robust Maximum Likelihood Estimation, см.: Bentler, 1995). Модель 1 включала в себя единый фактор, стоящий за 20 пунктами опросника, тогда как модель 2 предполагала наличие четырех факторов, соотносящихся с четырьмя шкалами, выделенными методом факторного анализа.

Построенные модели демонстрируют следующие индексы пригодности:

Модель 1: Satorra-Bentler Chi-Square = 413.04 (df = 104), $p < 0.000001$, CFI = 0.861, RMSEA = 0.10.

Модель 2: Satorra-Bentler Chi-Square = 454.49, df = 183, $p < 0.000001$, CFI = 0.93, RMSEA = 0.07.

Таким образом, четырехфакторная модель лучше описывает структуру опросника КИТ по показателю сравнительного соответствия (разница по показателю CFI составляет 0.07) и по показателю среднеквадратической ошибки оценки (разница по показателю RMSEA составляет 0.03).

Согласованность пунктов шкал была измерена с помощью показателя α Кронбаха и равна 0.828 для шкалы «Оригинальность», 0.789 для шкалы «Интеллектуально-личностный потенциал», 0.753 для шкалы «Новизна» и 0.788 для шкалы «Деятельность».

Обсуждение результатов

В литературе показано, что опросники имплицитных теорий креативности могут быть построены на основе определений креативности, даваемых

референтными группами (Runco, 2006), в нашем исследовании основания имплицитных теорий были выделены эмпирически, на испытуемых, получающих психологическое образование, следовательно, предположительно опирающихся при оценке содержания феномена креативности как на свои имплицитные теории, так и на более строгие научные представления. С использованием метода факторного анализа и структурного моделирования нами была выделена четырехфакторная структура опросника КИТ.

Согласно Р. Стернбергу (Стернберг и др., 2002), имплицитные теории связаны с эксплицитными таким образом, что имплицитное знание переходит в эксплицитное через предварительные представления ученых. Выделенные нами шкалы опросника КИТ могут быть соотнесены с научными представлениями о креативности: шкала «Новизна» репрезентирует представление о креативности как реализующейся в ситуации неопределенности, шкала «ИЛП» может рассматриваться как проявление тенденции изучения интеллектуально-личностных особенностей креативной личности, шкала «Деятельность» может рассматриваться как связанная с изучением жизненного пути творческой личности, тогда как шкала «Оригинальность» описывает представления о креативности как способности к созданию новых идей.

Конфирматорный факторный анализ позволил подтвердить четырехфакторную структуру опросника КИТ, выявленную при использовании эксплораторного факторного анализа, и отвергнуть однофактор-

ную модель. При этом создание более короткой версии опросника показало свою состоятельность: высокие коэффициенты индексов пригодности подтверждают обоснованность сокращения количества пунктов, отобранных методом содержательного анализа опросника (Anderson, Gerbing, 1988). Значимые показатели χ^2 в обеих моделях могут объясняться высокими связями между пунктами опросника и шкалами.

Таким образом, гипотеза исследования 1 принимается.

Разработка Опросника КИТ и подтверждение его четырехфакторной структуры позволили нам перейти к обсуждению связи имплицитных теорий креативности, самооценки креативности и личностных свойств принятия/непринятия неопределенности.

Исследование 2: связь креативности и личностных свойств принятия/непринятия неопределенности с самооценкой и имплицитными теориями креативности

Постановка проблемы

При обсуждении креативности принято выделять несколько ее уровней, а именно так называемые «Большая-К» и «малая-к». Первый уровень связывается с уровнем креативности, присущим гениям, достигшим высоких успехов в своей сфере деятельности, тогда как «малая-к» связывается с проявлениями креативности в повседневной жизни людей. Исследования «Большой-К» обычно ориентированы на изучение авторов, работы которых сохраняются в истории на

долгое время, при этом многие исследователи отмечают, что для достижения таких результатов недостаточно обладать какими-то особенными способностями, требуется еще и большой опыт, являющийся результатом интенсивной подготовки в данной сфере, так называемое «правило 10 лет» (Hayes, Mellon, 1989). Повседневная креативность высвечивает творческий уровень, которым обладают не выдающиеся творцы, а обычные люди. Дополнительно выделяются еще два уровня креативности, а именно «мини-к», которая охватывает проявления активности, оригинальной только для ее автора, т.е. субъективно оригинальной, и «профессиональная-к», которая свойственна людям, профессионально занимающимся творческой деятельностью, однако не достигшим легендарных успехов (Kaufman et al., 2010).

Проблема объективной оценки креативности, встающая при исследовании феномена, была решена нами через использование внешнего критерия продуктивности человека в профессиональной деятельности, связанной с реализацией творческого потенциала. Привлечение к исследованию состоявшихся представителей творческих профессий известно в литературе (напр.: Чиксентмихайи, 2013), однако обычно признанные творцы выступают в качестве экспертов.

Показанная в литературе связь «Толерантности к неопределенности» с «Креативностью» (Корнилова, 2010б) может быть прояснена не только через обследование профессиональных творческих групп, но и через использование переменных «Самооценка креативности» и «Им-

плицитные теории креативности». Состоявшиеся представители творческих профессий должны характеризоваться сформировавшейся самооценкой креативности и представлениями о содержании феномена креативности (в форме имплицитных теорий), сконструированными на основе опыта творческой деятельности. Для изучения механизмов функционирования имплицитных теорий креативности, самооценки креативности и остальных описываемых переменных в составе интеллектуально-личностного потенциала человека на выборке состоявшихся представителей творческих профессий нами было предпринято исследование 2, гипотезами которого выступили следующие утверждения.

1. Креативность представлена на уровне самосознания в виде самооценок и имплицитных теорий креативности, находящихся в иерархической связи.

2. Самооценка креативности основывается на объективных показателях креативности, при этом основаниями для самооценивания выступают имплицитные теории креативности.

Схема и участники исследования

В исследовании 2 приняли участие 52 состоявшихся представителя творческих профессий, 11 женщин и 41 мужчина в возрасте от 25 до 68 лет ($M = 45.65, \sigma = 10.49$):

– 21 писатель, 4 женщины и 17 мужчин в возрасте от 30 до 67 лет ($M = 49.57, \sigma = 9.21$), все — авторы литературных сборников, переведенных на десятки иностранных языков, лауреаты Букеровской премии, премии

им. Аполлона Григорьева, большой премии «Московский счет», премии «Триумф», премии «Национальный бестселлер» и др.;

– 18 композиторов, 3 женщины и 15 мужчин в возрасте от 30 до 56 лет ($M = 44.61$, $\sigma = 8.28$), все — авторы произведений крупной формы (оперы, симфонии, оратории и пр.), сочинения исполняются в Московской консерватории, в Доме композиторов, в Большом и Малом залах Санкт-Петербургской филармонии и др., на концертах и фестивалях в разных городах мира, лауреаты премии «Золотая маска», премии Джанни Бергамо в области классической музыки, премии «Courtiens d'Or», международного конкурса им. Витольда Лютославского, премии Мемориального фонда им. Лили Буланже и др.;

– 14 режиссеров театра и кино, 4 женщины и 10 мужчин в возрасте от 25 до 68 лет ($M = 40.31$, $\sigma = 12.78$), все — авторы драматических спектаклей или полнометражных фильмов, лауреаты премий и конкурсов («Кинотавр», «ТЭФИ», «НИКА», Московский международный кинофестиваль, фестиваль Артдокфест, Каннский кинофестиваль и др.).

Участники исследования тестировались в индивидуальном порядке с использованием следующих методик.

Для диагностики уровня креативности применялись:

а) методика Креативные заголовки (Sternberg, The Rainbow Project Collaborators, 2006; Павлова, Корнилова, 2012; Pavlova, Kornilova, 2013), в которой испытуемому предлагается придумать заголовки к шести карикатурам (трем — из архи-

ва журнала The New Yorker — и трем — нарисованным российскими художниками);

б) методика Креативные рассказы из психодиагностической батареи ROADS (Корнилов, Григоренко, 2010; Корнилова, 2010б), в которой испытуемый должен придумать за 10 минут короткий творческий рассказ на одну из пяти необычных тем.

Для диагностики представленности креативности на уровне самосознания использовались прием Прямой самооценки (СОК) и опросник КИТ.

Для диагностики личностных свойств использовались:

а) Новый опросник толерантности к неопределенности — НТН (Корнилова, 2010а), диагностирующий три шкалы: «Толерантность к неопределенности» («ТН»), «Интолерантность к неопределенности» («ИТН») и «Межличностная интолерантность» («МИТН»); в основу этой методики положено понимание толерантности к неопределенности как личностного свойства, означающего готовность принимать новизну, изменения; «Интолерантность к неопределенности» является показателем не просто минимальной выраженности «ТН», а стремления избежать неопределенных ситуаций и внести в них ясность и контролировать их (для шкалы «ИТН» эти тенденции выражаются в «мире идей», а для «МИТН» — в межличностном общении).

б) Шкалы доверия интуиции — «Использование интуиции» («ИИ») и «Интуитивная способность» («ИС») — из опросника Рациональный-Опытный С. Эпстайна (Степаносова, Корнилова, 2006; Корнилова и др., 2010; Корнилова, Корнилов,

2013). Шкала «ИИ» диагностирует тенденции испытуемого полагаться на интуицию при принятии решений, шкала «ИС» — представления испытуемого о своей способности к формированию точных предчувствий и догадок.

Результаты исследования 2: корреляционный анализ

Результаты корреляционного анализа с использованием ρ -коэффициента Спирмена представлены в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, состоявшиеся представители творческих профессий демонстрируют связь шкал опросника КИТ со шкалой «ТН» опросника НТН, а также связь шкал «Новизна» и «Деятельность» с «Интуитивной способностью». Шкала «Интуитивная способность» также связана со шкалой «Оригинальность» опросника КИТ. Самооценка интеллекта значимо положительно связана с креативностью, измеренной с помощью методики Креативные заголовки к комиксам и шкалой «Использование интуиции» опросника Эпстайна.

Результаты исследования 2: предикторы имплицитных теорий креативности и самооценки креативности

Исследование предикторов имплицитных теорий креативности проводилось с помощью линейного регрессионного анализа методом принудительного включения. Зависимыми переменными выступали шкалы опросника КИТ, предикторы

включались в уравнение тремя блоками: блок креативности (СОК, Креативные заголовки, Креативные рассказы), блок интуитивных способностей (шкалы «ИИ» и «ИС» опросника Эпстайна) и блок принятия/непринятия неопределенности (шкалы «ТН», «ИТН» и «МИТН» опросника НТН). Изучение предикторов СОК проводилось тем же методом, предикторы включались в уравнение тремя блоками: креативности (Креативные рассказы и Креативные заголовки), толерантности к неопределенности (шкалы опросника НТН) и имплицитных теорий креативности (шкалы опросника КИТ). Значимые предикторы, полученные в результате регрессионного анализа, представлены в таблице 2.

Регрессионный анализ позволил установить предикторы показателей опросника КИТ. Шкала «ТН» опросника НТН выступила предиктором всех четырех шкал опросника КИТ, при этом шкалы «ИЛП» и «Новизна» также предсказываются показателями креативности, измеренной с помощью методики Креативные рассказы с отрицательным знаком.

Регрессионный анализ, зависимой переменной в котором выступила самооценка креативности, показал, что объективные показатели креативности выступают предикторами самооценки креативности только на уровне тенденции и становятся незначимыми при введении в уравнение имплицитных теорий креативности. Предикторами самооценки креативности являются шкала «ИЛП» и на уровне тенденции шкала «Деятельность» опросника КИТ.

Таблица 1
 Матрица интеркорреляций показателей опросника КИТ, самооценки креативности, показателей креативности, локазателей креативности по методикам Креативные заголовки и Креативные рассказы, шкал «Принятие»/«Непринятие неопределенности» и шкал опросника Эпштейна

	2	3	4	5	6	7	8	9	10	13	14
1 «Оригинальность» (КИТ)	0.425**	0.725**	0.735**	0.192	-0.081	-0.084	0.376*	-0.099	-0.164	0.3	0.415**
2 «ИЛП» (КИТ)	1	0.636**	0.516**	-0.141	-0.287	0.013	0.365*	0.116	0.059	0.17	0.132
3 «Новизна» (КИТ)		1	0.653**	0.151	-0.282	0.011	0.476**	0.065	-0.152	0.372*	0.480**
4 «Деятельность» (КИТ)			1	0.232	-0.211	-0.037	0.368*	-0.009	-0.265	0.403*	0.355*
5 СОК				1	-0.06	0.430**	-0.223	-0.039	0.121	0.248	0.407**
6 Креативные рассказы					1	0.005	0.087	-0.019	-0.038	0.027	0.119
7 Креативные заголовки						1	-0.104	-0.164	0.057	0.104	0.144
8 «Толерантность к неопределенности»							1	0.004	-0.136	0.463**	0.332*
9 «Интолерантность к неопределенности»								1	0.429**	0.126	0.024
10 «Межличностная интолерантность»									1	-0.024	-0.082
13 «Интуитивная способность»										1	0.771**
14 «Использование интуиции»											1

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Таблица 2

Предикторы имплицитных теорий креативности и самооценки креативности

Зависимая переменная	Предиктор	В	Ст. ошибка	t	p
«Оригинальность» (КИТ)	Константа	14.428	6.193	2.33	0.028
	«Толерантность к неопределенности»	0.187	0.07	2.693	0.012
«ИЛП» (КИТ)	Константа	15.078	7.097	2.124	0.043
	Креативные рассказы	-0.543	0.275	-1.975	0.059
	«Толерантность к неопределенности»	0.16	0.08	2.006	0.055
«Новизна» (КИТ)	Константа	12.179	5.287	2.304	0.029
	Креативные рассказы	-0.462	0.205	-2.254	0.033
	«Толерантность к неопределенности»	0.175	0.059	2.95	0.006
«Деятельность» (КИТ)	«Толерантность к неопределенности»	0.174	0.094	1.840	0.077
СОК	«ИЛП» (КИТ)	-4.535	1.881	-2.41	
	«Деятельность» (КИТ)	2.611	1.526	1.711	

Обсуждение результатов

В проведенном исследовании на выборке состоявшихся представителей творческих профессий были найдены связи показателей самооценки креативности и имплицитных теорий креативности с изучаемыми личностными переменными. Было показано, что имплицитные теории креативности связаны с показателями толерантности/интолерантности к неопределенности таким образом, что люди, обладающие более развитой способностью действовать в ситуации неопределенности, имеют

тенденцию воспринимать креативность как способность действовать в новых и ординарных ситуациях, проявлять творческие способности в разных видах деятельности, а также видят креативность как определенный способ реализации интеллектуально-личностного потенциала. Шкалы опросника КИТ также положительно связаны со шкалами «Использование интуиции» и «Интуитивная способность» опросника Эпстайна. Корреляционный анализ позволяет предполагать наличие связи имплицитных теорий креативности с прямой самооценкой

креативности через интуитивные способности человека.

В предыдущих исследованиях (Корнилова, Корнилов, 2013) с использованием такой же методики была показана связь доверия интуиции с самооценкой интеллекта, нами продемонстрирована аналогичная связь с самооценкой креативности (для другой шкалы опросника Эпстайна). На студенческой выборке не было продемонстрировано связи опросника Эпстайна с показателями креативности (Там же), которая повторена в нашем исследовании и для представителей творческих профессий. Данные корреляционного анализа позволяют предполагать наличие связи креативности и доверия интуиции через показатели самооценки креативности в отношении людей, высокое развитие творческих способностей для которых является жизненно необходимым условием характеризующей их профессиональной успешности.

Регрессионный анализ данных на выборке состоявшихся профессионалов позволил выделить предикторы имплицитных теорий креативности, которыми выступили личностные свойства принятия/непринятия неопределенности и объективные показатели креативности, при этом самооценка креативности предсказывается шкалами имплицитных теорий креативности. Эти результаты подтверждают, что процесс самооценивания происходит через призму представлений о креативности, которые выступают основаниями самооценки креативности.

Объективный уровень креативности является предиктором имплицитных теорий креативности с отри-

цательным знаком, что свидетельствует о том, что менее креативные люди (в рамках выборки высоко-творческих профессионалов) представляют креативных людей как реализующих определенный интеллектуально-личностный потенциал в неопределенных ситуациях, тогда как с ростом показателей креативности показатели соответствующих шкал опросника КИТ падают.

Таким образом, развитие специалиста в рамках творческой профессии проходит не только по линии развития творческих способностей, но и через переосмысление содержания этих способностей и их необходимости в различных областях деятельности. У состоявшихся профессионалов имплицитные теории креативности выступают в единой иерархии свойств и интегрированы в целостную структуру, включающую в себя не только самооценку и объективный уровень креативности, но и личностные свойства принятия/непринятия неопределенности.

В предыдущих работах на студенческих выборках (как людях, реализующих «малую-к» либо «профессиональную-к», по Кауфману) было показано, что интолерантность к неопределенности мешает проявлению креативного потенциала, тогда как более высокая толерантность к неопределенности не гарантирует более высоких показателей креативности (Корнилова, 2010б). На специфической критериальной выборке состоявшихся творческих профессионалов было продемонстрировано, что толерантность к неопределенности выступает предиктором представлений о креативности (причем

для всех шкал опросника КИТ). Таким образом, для творческих профессионалов личностные свойства принятия/непринятия неопределенности выступают в более интегрированной системе, чем для студентов, находящихся в процессе профессионального развития.

На примере психометрического интеллекта было показано, что субъективная оценка интеллекта конструируется как на основании объективной выраженности способности, так и на основе готовности человека к использованию неопределенной информации (Новикова, Корнилова, 2012). При этом с использованием метаанализа было показано, что самооценка интеллекта также объясняет 8% дисперсии успешности обучения (как возможного критерия оценки валидности тестов способностей — Корнилов, 2011). Введение в обсуждение феномена имплицитных теорий позволило нам перейти к обсуждению более глубокой связи объективных показателей и принятия неопределенности в отношении креативности. Нами были получены сходные результаты, однако конкретизация состоит в перемещении влияния объективных показателей (в данном случае креативности) и принятия неопределенности на показатели имплицитных теорий, которые, в свою очередь, влияют на самооценку как компонент личностного самосознания.

Самооценка (диагностируемая в виде прямых самооценок и имплицитных теорий), выражаясь как в самопонимании, так и в самоотношении, является интегральным образованием, связанным с диалогичностью самосознания. При оценивании себя,

в том числе в отношении своего творческого потенциала, человек находится в постоянном поиске ответа на вопрос «кто я?», неопределенность которого задается неоднозначностью критериев оценки и постоянным становлением личности. Результаты, полученные в нашем исследовании, можно рассматривать как довод в пользу предположения о том, что при оценке своей креативности человеком уровень неопределенности снижается за счет использования определенных критериев самооценивания, выражающихся в форме имплицитных теорий креативности.

Полученные результаты позволяют принять все гипотезы исследования.

Выводы

Имплицитные теории креативности могут быть измерены с помощью опросника, имеющего многофакторную структуру, шкалами которого являются: «Оригинальность» (поиск оригинальных решений в более или менее привычных условиях), «Интеллектуально-личностный потенциал» («ИЛП», представление о креативности как реализации определенных элементов интеллектуально-личностного потенциала человека), «Новизна» (стремление к новизне в неопределенных ситуациях) и «Деятельность» (креативность как способность, проявляющаяся в определенных видах деятельности и межличностном взаимодействии).

Имплицитные теории креативности связаны с личностными свойствами принятия/непринятия неопределенности, доверием интуиции, самооценкой креативности и

объективными показателями креативности, при этом профессиональное развитие сопровождается встраиванием имплицитных теорий в более целост-

ную систему и развитие процесса самооценивания успешности творческой деятельности, основанием которого являются имплицитные теории.

Литература

- Корнилов, С. А. (2011). Самооценка интеллекта и успешность обучения: мини метаанализ. *Вестник Московского университета, Серия 14. Психология*, 3, 56–66.
- Корнилов, С. А., Григоренко, Е. Л. (2010). Методический комплекс для диагностики академических, творческих и практических способностей. *Психологический журнал*, 31(2), 90–103.
- Корнилова, Т. В. (2010а). Новый опросник толерантности—интолерантности к неопределенности. *Психологический журнал*, 31(1), 74–86.
- Корнилова, Т. В. (2010б). Толерантность к неопределенности и интеллект как предпосылки креативности. *Вопросы психологии*, 5, 3–12.
- Корнилова, Т. В., Корнилов, С. А. (2013) Интуиция, интеллект и личностные свойства (результаты апробации шкал опросника С. Эпстайна). *Психологические исследования*, 6(28), 5. Режим доступа: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2013v6n28/804-corniliva28.html>
- Корнилова, Т. В., Новикова, М. А. (2011). Самооценка интеллекта в структуре интеллектуально-личностного потенциала человека. *Психологический журнал*, 32(2), 25–35.
- Корнилова, Т. В., Чумакова, М. А., Корнилов, С. А., Новикова, М. А. (2010). *Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека*. М.: Смысл.
- Лебедева, Н. М. (2012). Культура, имплицитные теории креативности и отношение к инновациям. В кн. А. В. Карпов (ред.), *Актуальные проблемы теоретической и прикладной психологии: традиции и перспективы*. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (т. 3, с. 628–632). Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова.
- Молчанова, О. Н. (2010). *Самооценка: Теоретические проблемы и эмпирические исследования*. М.: Флинта: Наука.
- Новикова, М. А., Корнилова, Т. В. (2012). Самооценка интеллекта в структурных связях с психометрическим интеллектом и академической успеваемостью. *Психологические исследования*, 5(23), 2. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n23/686-novikova23.html>
- Павлова, Е. М., Корнилова, Т. В. (2012). Креативность и толерантность к неопределенности как предикторы актуализации эмоционального интеллекта в личностном выборе. *Психологический журнал*, 33(5), 39–49.
- Степаносова, О. В., Корнилова, Т. В. (2006). Мотивация и интуиция в регуляции вербальных прогнозов при принятии решений. *Психологический журнал*, 27(2), 60–68.
- Стернберг, Р. Дж., Форсайт, Дж. Б., Хедланд, Дж., Хорвард, Дж. А., Вагнер, Р., Вильямс, В. М., ... Григоренко Е. (2002). *Практический интеллект*. СПб.: Питер.
- Столин, В. В. (1983). *Самосознание личности*. М.: Изд-во Московского университета.
- Чиксентмихайи, М. (2013). *Креативность. Поток и психология открытий и изобретений*. М.: Карьера Пресс.
- Anderson, J. C., & Gerbing, D. W. (1988). Structural equation modeling in practice: A review and recommended two-step approach. *Psychological Bulletin*, 103(3), 411–423.
- Bentler, P. M. (1995). EQS structural equations program manual. Encino, CA: Multivariate Software.

- Furnham, A. (2001). Self-estimates of intelligence: culture and gender difference in self and other estimates of both general (g) and multiple intelligences. *Personality and Individual Differences, 31*(8), 503–517.
- Furnham, A., Zhang, J., & Chamorro-Premuzic, T. (2005). The relationship between psychometric and self-estimated intelligence, creativity, personality, and academic achievement. *Imagination, Cognition and Personality, 25*(2), 119–145.
- Hayes, J. R., & Mellon, C. (1989). Cognitive processes in creativity. In J. A. Glover, R. R. Ronning, & C. R. Reynolds (Eds.), *Handbook of creativity (Perspectives on individual differences)* (pp. 135–145). N.Y.: Plenum Press.
- Ivcevic, Z., & Mayer, J. D. (2009). Mapping dimensions of creativity in the life-space. *Creativity Research Journal, 21*(2–3), 152–165.
- Kaufman, J. C. (2006). Self-reported differences in creativity by ethnicity and gender. *Journal of Applied Cognitive Psychology, 20*, 1065–1082.
- Kaufman, J. C., & Baer, J. (2004). The Amusement Park Theoretical (APT) Model of creativity. *Korean Journal of Thinking and Problem Solving, 14*, 15–25.
- Kaufman, J. C., Beghetto, R. A., Baer, J., & Ivcevic, Z. (2010). Creativity polymathy: What Benjamin Franklin can teach your kindergartener. *Learning and Individual Differences, 20*, 380–387.
- Novikova, M. A., & Kornilova, T. V. (2013). Self-assessed intelligence, psychometric intelligence, personality, and academic achievement: Two structural models. In M. Gowda, & A. Khanderia (Eds.), *Educational achievement: Teaching strategies, psychological factors and economic impact* (pp. 197–212). N.Y.: Nova Science Publishers, Inc.
- Pavlova, E. M., & Kornilova, T. V. (2013). Creativity and tolerance for uncertainty predict the engagement of emotional intelligence in personal choice. *Psychology in Russia: State of the Art, 6*(4), 34–46.
- Rowlings, D., & Locarnini, A. (2007). Validating the creativity scale for diverse domains using groups of artists and scientists. *Empirical Studies of the Arts, 25*, 163–172.
- Reiter-Palmon, R., Robinson-Morrall, E., Kaufman, J. C., & Santo, J. (2012). Evaluation of self-perceptions of creativity: Is it a useful criterion? *Creativity Research Journal, 24*, 107–114.
- Runco, M. A. (2006). Implicit theories of creativity. In M. A. Runco, & S. Pritzker (Eds.), *Encyclopedia of creativity* (pp. 27–30). San Diego, CA: Academic Press.
- Sternberg, R. J., & The Rainbow Project Collaborators. (2006). The Rainbow Project: Enhancing the SAT through assessments of analytical, practical, and creative skills. *Intelligence, 34*, 321–350.

Опросник КИТ

Вам предлагается заполнить опросник, в котором приведены утверждения, которые могут характеризовать тех или иных людей. Пожалуйста, представьте себе *творческого человека* и отметьте, насколько перечисленные ниже характеристики, по Вашему мнению, необходимы каждой творческой личности.

Помните, что в данном опроснике нет правильных и неправильных ответов, нас интересует именно Ваше мнение.

Творческий человек		Совершенно не подходит	Не подходит	Скорее не подходит	Нейтрально	Скорее подходит	Подходит	Полностью подходит
1	Способен из уже имеющегося сделать что-то необычное	1	2	3	4	5	6	7
2	Умеет продуктивно применять знания	1	2	3	4	5	6	7
3	Задается целью не выучить («вызубрить»), а прежде всего понять	1	2	3	4	5	6	7
4	Свободен от стереотипов, открыт	1	2	3	4	5	6	7
5	Обладает способностью к импровизации	1	2	3	4	5	6	7
6	Тяготеет к искусству (например, музыке)	1	2	3	4	5	6	7
7	Умеет быть непохожим на других людей	1	2	3	4	5	6	7
8	Обладает хорошим воображением	1	2	3	4	5	6	7
9	Стремится создавать что-то новое	1	2	3	4	5	6	7
10	Стремится выразить свое мнение	1	2	3	4	5	6	7
11	Ведет активный образ жизни, ищет что-то новое в жизни	1	2	3	4	5	6	7
12	Открыт новому опыту	1	2	3	4	5	6	7
13	Способен продуцировать новые идеи	1	2	3	4	5	6	7
14	Готов принимать критику	1	2	3	4	5	6	7
15	Умеет находить качественно новые решения в неординарных ситуациях	1	2	3	4	5	6	7
16	Способен придумывать новое решение привычных задач	1	2	3	4	5	6	7
17	Интеллектуально развит	1	2	3	4	5	6	7
18	Способен создавать новые способы применения известных предметов	1	2	3	4	5	6	7
19	Старается проявить себя в различных областях деятельности	1	2	3	4	5	6	7
20	Склонен к поиску и принятию нестандартных решений	1	2	3	4	5	6	7

Ключ опросника КИТ

Пункт	Ключ	Пункт	Ключ
1	Оригинальность+	11	Деятельность+
2	ИЛП+	12	ИЛП+
3	ИЛП+	13	Оригиналь-ность+
4	Новизна+	14	ИЛП+
5	Новизна+	15	Новизна+
6	Деятельность+	16	Оригинальность+
7	Деятельность+	17	ИЛП+
8	Оригинальность+	18	Новизна+
9	Новизна+	19	Деятельность+
10	Деятельность+	20	Оригинальность+

Implicit Theories and Self-Evaluation of Creativity in the Structure of Personal Self-Conception

Elizaveta M. Pavlova

Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, Department of Psychology
E-mail: pavlova.lisa@gmail.com

Address: 1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

Abstract

The article describes the study of the relationship between objectified indicators of creativity, its representation at the level of self-consciousness (in the form of direct self-evaluations and implicit theories of creativity) in the context of studies of the attitude toward uncertainty. A new tool to measure implicit theories of creativity, namely a Questionnaire of implicit theories of creativity (KIT) (N = 393), has been developed. Factor analysis and structural modelling were used to determine the factor structure of the questionnaire measuring four scales: "Originality" (manifestation of creativity in a familiar environment), "Intellectual and personal potential" (the use of components of the intellectual and personal potential), "Novelty" (manifestation of creativity in uncertain situations) and "Activity" (manifestation of creativity in the activity and communication).

Mechanisms of implicit theories of creativity and self-esteem as part of the intellectual and personal potential were explored on the sample of creative professionals (writers, composers and theatre and film directors, N = 52, all recognized by the community), which additionally allowed to introduce an external criterion of creativity. It was shown that at a conscious level, creativity is represented in the form of hierarchically linked self-evaluations and implicit theories, and the process of self-evaluation is based on objective indicators of creativity, while having implicit theories of creativity at its core. In recognized creative professionals, there is a connection between

creativity and personality characteristics, such as "Tolerance and intolerance for uncertainty," "Trust for intuition", "Self-assessment of creativity", and objective measures of creativity; professional development in artistic professions is accompanied by the development of a more integrated system in which self-esteem appears as an integrative formation. The results obtained are considered as an argument in favor of the assumption that, in assessing own creativity, use of implicit theories of creativity as the basis of this self-esteem serves to reduce the level of uncertainty set by ambiguity of the criteria and permanent formation of the personality.

Keywords: creativity, tolerance for uncertainty, implicit theories of creativity, self-assessment of creativity, intuition, self-consciousness.

References

- Anderson, J. C., & Gerbing, D. W. (1988). Structural equation modeling in practice: A review and recommended two-step approach. *Psychological Bulletin*, *103*(3), 411–423.
- Bentler, P. M. (1995). *EQS structural equations program manual*. Encino, CA: Multivariate Software.
- Csikszentmihalyi, M. (2013). *Kreativnost'. Potok i psihologiya otkrytii i izobretenii* [Creativity: Flow and the psychology of discovery and invention]. Moscow: Kar'era Press. (Transl. of: Csikszentmihalyi, M. (1996). *Creativity: Flow and the psychology of discovery and invention*. New York: Harper Perennial).
- Furnham, A. (2001). Self-estimates of intelligence: culture and gender difference in self and other estimates of both general (g) and multiple intelligences. *Personality and Individual Differences*, *31*(8), 503–517.
- Furnham, A., Zhang, J., & Chamorro-Premuzic, T. (2005). The relationship between psychometric and self-estimated intelligence, creativity, personality, and academic achievement. *Imagination, Cognition and Personality*, *25*(2), 119–145.
- Hayes, J. R., & Mellon, C. (1989). Cognitive processes in creativity. In J. A. Glover, R. R. Ronning, & C. R. Reynolds (Eds.), *Handbook of creativity (Perspectives on individual differences)* (pp. 135–145). New York: Plenum Press.
- Ivcevic, Z., & Mayer, J. D. (2009). Mapping dimensions of creativity in the life-space. *Creativity Research Journal*, *21*(2–3), 152–165.
- Kaufman, J. C. (2006). Self-reported differences in creativity by ethnicity and gender. *Journal of Applied Cognitive Psychology*, *20*, 1065–1082.
- Kaufman, J. C., & Baer, J. (2004). The Amusement Park Theoretical (APT) Model of creativity. *Korean Journal of Thinking and Problem Solving*, *14*, 15–25.
- Kaufman, J. C., Beghetto, R. A., Baer, J., & Ivcevic, Z. (2010). Creativity polymathy: What Benjamin Franklin can teach your kindergartener. *Learning and Individual Differences*, *20*, 380–387.
- Kornilov, S. A. (2011). Self-estimated intelligence and academic achievement: A mini meta-analysis. *The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*, *3*, 56–66.
- Kornilov, S. A., & Grigorenko, E. L. (2010). Procedural complex for assessment of academic, creative and practical abilities. *Psihologicheskii Zhurnal*, *31*(2), 90–103.
- Kornilova, T. V. (2010a). Tolerance-intolerance of ambiguity new questionnaire. *Psihologicheskii Zhurnal*, *31*(1), 74–86.
- Kornilova, T. V. (2010b). Tolerance to vagueness and intellect as prerequisites of creativity. *Voprosy Psihologii*, *5*, 3–12.

- Kornilova, T. V., & Kornilov, S. A. (2013). Intuition, intelligence, and personality traits (the results of trying and testing Rational Versus Experiential Inventory by S. Epstein et al.). *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 6(28), 5. Retrieved from <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2013v6n28/804-corniliva28.html>
- Kornilova, T. V., & Novikova, M. A. (2011). Self-estimate of men's intellectual-personal potential structure. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 32(2), 25–35.
- Kornilova, T. V., Chumakova, M. A., Kornilov, S. A., & Novikova, M. A. (2010). *Psikhologiya neopredelenosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnogo potentsiala cheloveka* [Psychology of uncertainty: unity of intellectual and personal potential]. Moscow: Smysl.
- Lebedeva, N. M. (2012). Kul'tura, implitsitnye teorii kreativnosti i otnoshenie k innovatsiyam [Culture, implicit theories of creativity and attitudes to innovations]. In A. V. Karpov (Ed.), *Aktual'nye problemy teoreticheskoi i prikladnoi psikhologii: traditsii i perspektivy* [Actual problems in theoretical and applied psychology: traditions and perspectives] (Vol. 3, pp. 628–632). Yaroslavl: Yaroslavl Demidov State University.
- Molchanova, O. N. (2010). *Samootsenka: Teoreticheskie problemy i empiricheskie issledovaniya* [Self-esteem: theoretical problems and empirical studies]. Moscow: Flinta: Nauka.
- Novikova, M. A., & Kornilova, T. V. (2012). Intelligence self-evaluation in structural links with psychometric intelligence, personality traits, academic achievements and gender. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 5(23), 2. Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n23/686-novikova23.html>
- Novikova, M. A., & Kornilova, T. V. (2013). Self-assessed intelligence, psychometric intelligence, personality, and academic achievement: Two structural models. In M. Gowda, & A. Khanderia (Eds.), *Educational achievement: Teaching strategies, psychological factors and economic impact* (pp. 197–212). New York: Nova Science Publishers, Inc.
- Pavlova, E. M., & Kornilova, T. V. (2012). Creativity and tolerance to uncertainty as predictors for emotional intelligence actualization in personal choice. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 33(5), 39–49.
- Pavlova, E. M., & Kornilova, T. V. (2013). Creativity and tolerance for uncertainty predict the engagement of emotional intelligence in personal choice. *Psychology in Russia: State of the Art*, 6(4), 34–46.
- Rowlings, D., & Locarnini, A. (2007). Validating the creativity scale for diverse domains using groups of artists and scientists. *Empirical Studies of the Arts*, 25, 163–172.
- Reiter-Palmon, R., Robinson-Morrall, E., Kaufman, J. C., & Santo, J. (2012). Evaluation of self-perceptions of creativity: Is it a useful criterion? *Creativity Research Journal*, 24, 107–114.
- Runco, M. A. (2006). Implicit theories of creativity. In M. A. Runco, & S. Pritzker (Eds.), *Encyclopedia of creativity* (pp. 27–30). San Diego, CA: Academic Press.
- Stepanosova, O. V., & Kornilova, T. V. (2006). Motivation and intuition in verbal predictions regulation in decision making. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 27(2), 60–68.
- Sternberg, R. J., Forsythe, G. B., Hedlund, J., Horvath, J. A., Wagner, R. K., Williams, W. A., ... Grigorenko, E. (2002). *Prakticheskii intellekt*. Saint Petersburg: Piter. (Transl. of: Sternberg, R. J., Forsythe, G. B., Hedlund, J., Horvath, J., Snook, S., Williams, W. M., ... Grigorenko, E. L. (2000). *Practical intelligence in everyday life*. New York: Cambridge University Press).
- Sternberg, R. J., & The Rainbow Project Collaborators. (2006). The Rainbow Project: Enhancing the SAT through assessments of analytical, practical, and creative skills. *Intelligence*, 34, 321–350.
- Stolin, V. V. (1983). *Samosoznanie lichnosti* [Self-consciousness]. Moscow: Moscow University Press.

Статьи

ВОЗМОЖНОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИИ БРÉДОВЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ КАК ПРОБЛЕМА «ФИЛОСОФИИ ПСИХИАТРИИ»

С.М. БАРДИНА

Бардина Светлана Михайловна — аспирант факультета философии НИУ ВШЭ. Сфера научных интересов: философские проблемы психиатрии, феноменология телесности, история детства.
Контакты: neology@bk.ru

Резюме

В статье представлена одна из ключевых проблем в области «философии психиатрии» (междисциплинарного направления исследований, находящегося на пересечении интересов психиатрии, психологии, философии и ряда других наук) — возможность понимания и интерпретации брédовых суждений. Анализируются различные подходы к интерпретируемости брédовых высказываний. В частности, рассматривается позиция К. Ясперса, постулирующая «границы понимания» в сфере психической болезни; с ней сопоставляются попытки современной «философии психиатрии» предложить механизмы осмысления содержания брédовых высказываний. В статье представлены некоторые способы концептуализации брédовых суждений, в частности, позиция Г. Бэрриоса, согласно которой они должны рассматриваться в качестве пустых высказываний, идеи Б. Майера и М. Дэвиса, в которых брédовые высказывания представлены как реакция на ненормальный опыт, и «рационалистический подход», изложенный в работах Дж. Кэмпбелла и Л. Сасса, рассматривающий брédовые суждения как проявление нарушения механизма означивания. В статье исследуются особенности каждого подхода и показывается, как эта проблемы связана с вопросом о границах интерпретации. Кроме того, приводятся примеры анализа клинических случаев с помощью исследования изменения «базовых установок», т. е. трансформации утверждений, лежащих в основании способа восприятия реальности психически больным человеком. Также в статье освещается вопрос о значимости для психиатрической практики и для перспективы междисциплинарных исследований утверждения об интерпретируемости брédовых высказываний. В частности, показано, как решение вопроса об интерпретируемости брédовых высказываний влияет на роль различных дисциплин в объяснении расстройств.

Ключевые слова: интерпретация, междисциплинарные исследования, феноменология, философия психиатрии.

Последнее время все большее распространение получают междисциплинарные научные исследования, а также те или иные формы рефлексии о природе междисциплинарности. Задача данной статьи — рассмотреть конкретный пример междисциплинарного взаимодействия — исследования в сфере «философии психиатрии» — и выяснить, что может объяснять философия в сфере психической болезни. В первую очередь, в статье освещается вопрос, как в современных исследованиях «философии психиатрии» решается вопрос о возможности интерпретации бредовых суждений. Вопрос о пределах возможной интерпретации достаточно неоднозначен, но он становится еще более сложным, когда мы обращаемся к опыту психически больных людей, в частности к бредовому материалу. Можем ли мы понимать и интерпретировать бред, есть ли у нас для этого подходящие средства и можно ли вообще рассматривать бредовые высказывания как несущие смысл и доступные толкованию? Примерно так можно сформулировать одну из ключевых проблем сферы «философии психиатрии» — области исследований, находящихся на стыке психиатрии, психологии, философии и ряда других дисциплин.

«Философия психиатрии» как междисциплинарная сфера исследований

Традиционно психическая болезнь выступала предметом рассмотрения исключительно психиатрии. Возникновение «философии психиатрии» во многом было связано с

попыткой поставить под вопрос монополию психиатрии на объяснение психической болезни и предложить другие, более подходящие методы. В этой интенции «философия психиатрии», сфера, активно развивающаяся в течение последних десятилетий, безусловно, связана с другими процессами XX в.: прежде всего, стоит упомянуть об интересе к феномену психической болезни со стороны антропологии, социологии, культурологии и собственно философии (движения начала прошлого века, например, психоанализ или феноменологическая психиатрия). Безумие стало «одной из центральных тем гуманитарной мысли XX века» (Власова, 2006, с. 5). Кроме того, можно выделить в числе значимых предпосылок возникновения движения антипсихиатрии, которое проблематизировало место психически больного в обществе и осуществляло достаточно жесткую социальную критику психиатрии. Все эти движения и исследования, кроме их безусловной самостоятельной ценности, произвели достаточно важное изменение: убеждение, что в сфере психической болезни есть проблемы, которые могут быть осмыслены вне рамок психиатрии, стало почти повсеместным.

К концу XX в. стало достаточно распространенным мнение, согласно которому психическая болезнь может быть объектом внимания, интереса и потенциального объяснения со стороны самого широкого круга дисциплин. Так что в последнее время то, что происходит с психически больным, может объясняться в рамках, терминах и с использованием методов самых разных научных

дисциплин. На данный момент начинает оформляться область междисциплинарных исследований, получившая название «философия психиатрии». По крайней мере, на сегодняшний день в научном пространстве достаточно успешно функционирует ряд организаций, предлагающих альтернативные методы осмыслений психической болезни (например, Association for the Advancement of Philosophy and Psychiatry или Network for Philosophy and Psychiatry).

Монополия психиатра по отношению к больному ставится под вопрос, и предлагать свои методики для объяснения патологического опыта и методологию для оказания помощи больному начинают предлагать другие дисциплины. Одно из существенных изменений, которые постулирует «философия психиатрии», состоит в том, что можно интерпретировать и понимать смысл тех феноменов, которые для психиатрии представляются объяснимыми лишь посредством механических причинно-следственных связей; более того, значительную роль здесь, с точки зрения различных представителей этого движения, может играть философия.

«Границы понимания» в феноменологической психиатрии К. Ясперса

Важная мысль о пределах объяснимости патологических феноменов была сформулирована еще в первой половине XX в. в «феноменологической психиатрии» К. Ясперса. К. Ясперс критиковал «позитивную» психиатрию за то, что та оперирует

естественно-научными методами; человек воспринимается ею как природная реальность, стоящая в одном ряду с объектами естественно-научных дисциплин; кроме того, происходящее с конкретным человеком в психиатрической науке, с его точки зрения, чересчур схематизируется, подводится под общие шаблоны. В качестве альтернативного метода объяснения психической болезни он предложил использовать некоторые положения феноменологического метода. Феноменологическая философия импонировала ему тем, что «не пытается объяснить человека и мир на основе результатов научной индукции, так как все научные теории уже имплицитно предполагают некоторое представление о человеке и мире» (Strasser, 1963, p. 277).

Цель феноменологической работы при исследовании психопатологии — «проникновение во внутренний мир больного» (Ясперс, 1996б, с. 93), постижение субъективных симптомов болезни (внутренних переживаний, эмоциональных содержаний). Благодаря этому достигается «психологическое понимание»; психологическое понимание отлично от каузального объяснения и предполагает эмпатическое проникновение в содержание чужого сознания, а также восприятие экспрессивных проявлений и сопереживание. Однако здесь феноменологическая психиатрия К. Ясперса столкнулась с большой сложностью. Иногда феномены душевной жизни психически больного человека действительно во многом схожи с состояниями здорового человека (например, очень сильная патологическая увлеченность может быть понятна здоровому

человеку, переживающему сильную, но не патологическую увлеченность). Однако в опыте психически больных людей встречаются также и феномены, принципиально отличающиеся от «нормальных». Может ли врач судить о трудно представимом для него переживании? К. Ясперс дает отрицательный ответ и выдвигает идею о границах понимания: с его точки зрения, мы можем постигнуть в мире психически больного то, что близко нам самим; но бредовые содержания, никак не пересекающиеся с опытом здорового человека, находятся за пределами возможного понимания.

Согласно К. Ясперсу, измененное восприятие делает пациента «совершенно чуждым — настолько загадочным, что он остается для нас совершенно непостижимым» (Sass, 1994, р. 6). Он констатирует: «Пытаясь лучше понять первичные бредовые переживания, мы рано или поздно осознаем, что не способны адекватно оценить этот совершенно чуждый нам психический опыт. Бредовые переживания остаются во многом неуловимыми и недоступными нашему пониманию» (Ясперс, 1997, с. 70). Более того, с точки зрения К. Ясперса, именно эта «непостижимость», «загадочность» — возможный предел нашей способности понимать состояние другого человека: содержание мыслей здорового человека мы можем понять «собственно психологически, или иначе, сопереживая миру другого» (Ясперс, 1996а, с. 114), мы даже можем постигать отдельные элементы психической жизни больного человека и даже бредоподобные идеи, но сами бредовые содержания должны быть оставлены

за границами интерпретации как принципиально непостижимые.

Другими словами, К. Ясперс выдвинул идею, что психическая болезнь всегда содержит элементы, доступные постижению через эмпатию. Тем не менее сами бредовые содержания он считал недоступными пониманию.

Анализ бредовых суждений и его роль для современной «философии психиатрии»

В современной «философии психиатрии» предпринимается попытка сделать следующий шаг — т. е. сделать доступными для анализа сами бредовые суждения. Эта цель может быть достигнута посредством перенесения бредовых высказываний в дискурсивную плоскость. Задача такой работы — найти «способы, которыми можно интерпретировать проявления психического расстройства, находить в них смысл и, таким образом, избежать предположения К. Ясперса, что психическая жизнь шизофреника не может быть понята» (Thornton, 2007, р. 100).

Как нам кажется, вопрос о статусе бредовых суждений принципиально важен для современной «философии психиатрии», более того, он имеет конститутивное значение для всего этого движения. Бред — это одно из немногих явлений, происходящих с психически больным человеком, которое хотя бы формально имеет языковую природу. И если бредовые высказывания — это эпифеномен расстройства, которое имеет органическую природу, то к ним нельзя применять такие же способы анализа,

как и к суждениям психически здоровых людей, и серьезные психические заболевания по большому счету может объяснить только медицина. Если же мы признаем право брéдовых высказываний считаться суждениями, то мы открываем для анализа психической болезни дискурсивную плоскость. Разумеется, в таком случае этот анализ может строиться самыми различными средствами (например, лингвистическими), но важно отметить, что он может касаться интерпретации смысла таких суждений, и в этой интерпретативной работе большую роль играет философия.

Кроме того, статус брéдовых суждений важен и в контексте непосредственных задач психиатрии. Восприятие брéдовых высказываний как суждений (разумеется, суждений специфических и чаще всего ложных) влечет за собой одни импликации, тогда как отрицание их принадлежности к этому классу — другие. Это хорошо видно на примере психиатрических практик «классической эпохи». Согласно анализу М. Фуко, безумие тогда понималось именно как ложное убеждение, как опасное заблуждение. Высказывания, порождаемые безумцем, воспринимались как следствие его глобальной «ошибки», поэтому лечение воспринималось в контексте разрушения мнимой реальности больного и пробуждения его к истинному свету разума. Лучшее лекарство для психиатра в таком случае — «мудрость, берущая за образец самые строгие и очевидные формы истины» (Фуко, 1997, с. 329). За терапией (если можно так назвать практики обращения с психически больными того времени)

стояла убежденность, что если четко и убедительно продемонстрировать нереальность бреда в свете истины, то исцеление неминуемо произойдет. На основании этой посылки были вполне распространены, например, такие практики излечения: нескольких больных заставляли слушать друг друга в надежде, что они натолкнутся на противоречия в брéдовых высказываниях друг друга и осознают истину.

Если же мы обратимся к более современному периоду, то и здесь мы найдем примеры того, как в непосредственной психиатрической практике реализуется идея о том, что брéдовые высказывания — это заблуждения, ложные убеждения. Можно привести в качестве примера идею о том, что можно избавить пациента от различных форм патологической зависимости, изменив его взгляды (Mitchell, 2006). Такие воздействия были бы невозможны, если бы патология и заблуждения имплицитно не отождествлялись.

Так что вопрос о статусе брéдовых суждений крайне важен: он тесно связан с амбициями различных дисциплин на вторжение в область, которая считалась закрепленной исключительно за психиатрией; более того, этот вопрос влияет и на целостное отношение к психически больным. Если мы признаем брéдовые высказывания суждениями, то, во-первых, мы признаем возможность анализировать их с помощью не-медицинских методов; во-вторых, мы признаем возможность воздействовать на систему убеждений больного, а не только на его тело.

Однако можно привести немало аргументов в защиту того, что бред

нельзя рассматривать наряду с прочими убеждениями человека и при попытке интерпретации брédовых высказываний, безусловно, следует их учитывать. Первая из сложностей, возникающих при попытке разумного толкования брédовых высказываний, заключается в несоизмеримости и принципиальных различиях той картины, которую открывают нам брédовые содержания и картины мира человека, который пытается его понять. Т. Торнтон приводит следующий пример: пациент заявляет, что в его теле находится ядерная станция. Учитывая размеры тела человека и размеры ядерной станции, мы не можем представить и понять эту картину, если будем воспринимать речь пациента буквально. Таким образом, здесь должны быть сделаны определенные оговорки.

Кроме того, брédовые идеи обладают совершенно непостижимой для психически здорового человека связью с целостной системой убеждений и поступков человека. «Брédовая» убежденность влияет на поведение человека иным образом, нежели убежденность «обыкновенная». К примеру, пациент, страдающий синдромом Котара и уверенный, что он заражен смертельной болезнью, умирает или даже уже умер, не будет действовать в рамках того алгоритма, который был бы привычен для психически нормального человека, больного смертельной болезнью; более того, это, разумеется, не помешает ему выполнять действия, совсем не совместимые с его «болезнью». Таким образом, еще одна сложность — это необходимость рассматривать брédовое содержание, учитывая возможные практические следствия.

Другой аргумент в пользу разного статуса брédовых и не-брédовых суждений — это связь с целостной системой убеждений. Разница наблюдается не только в действиях, которые вызваны этим убеждением, но и в его взглядах в целостности. Обычно для человека одно суждение имплицитно включает целый комплекс других, брédовое же высказывание «повисает в воздухе», не будучи связанным с прочими убеждениями человека; «им недостает целостности, присущей стандартным убеждениям» (Bayne, Racherie, 2005, p. 169). Например, если мужчина придерживается убеждения «я женщина», эта «ошибка» не повлечет за собой всех тех суждений, которые могли бы вытекать из осознания себя женщиной (например, суждения о строении своего тела не изменяются). Какие-то убеждения, разумеется, могут изменяться, но эти связи сильно отличаются от относительно стройной системы убеждений здорового человека.

Чтобы справиться с этими трудностями, различные исследователи, работающие в сфере «философии психиатрии», выдвигают гипотезы, объясняющие, как брédовые суждения при всей их специфике могут стоять в ряду других суждений.

Способы интерпретации брédовых суждений

Согласно одной из версий, предложенной Г. Бэрриосом, стоит воспринимать брédовые суждения в качестве пустых высказываний, пустых речевых актов, содержание которых ни к чему не отсылает. При этом подходе брédовые высказывания могут считаться суждениями, но

суждениями бессмысленными — не имеющими содержания и не отсылающими к реальности. «Брéдовые суждения подобны пустым речевым актам, содержание которых не отсылает ни к миру, ни к ним самим. Они не являются символическим выражением чего бы то ни было» (Bergios, 1991, p. 12). С одной стороны, этот подход позволяет непротиворечиво классифицировать брéдовые суждения и подчеркивает их «особый статус». Таким образом, дается ответ на возможные контрагументы, указывающие различия между брéдовыми и не-брéдовыми высказываниями. Однако эта концепция ничего не говорит о природе брéдовых суждений и о том, в чем же состоит их специфика по сравнению с другими бессмысленными высказываниями. Таким образом, говорить о перспективах исследования подобных высказываний и, как следствие, о возможных перспективах междисциплинарного исследования в этой области не приходится.

Другая версия состоит в том, что брéдовые суждения — это «рациональная (и понятная) реакция на патологический опыт». Эта версия была сформулирована в работе Б. Майера «Аномальный опыт в повседневной жизни: значение для психопатологии» (Maher, 1999). Анализируя повседневный опыт и переживания здорового и психически больного человека, он выстраивает следующую модель брéдовой идеи: брéдовые идеи, как и обычные, рождаются из попытки объяснить опыт. Процессы, с помощью которых психически здоровый и психически больной переходят от опыта к убеждению, основаны на тех же механизмах, и

эти механизмы не зависят от наших мыслительных способностей: «ни в том, ни в другом случае они не основаны на принципах формальной логики или статистических выводах» (Thornton, 2007, p. 105). Различие заключается лишь в природе и интенсивности переживаемого опыта, а эти различия обусловлены спецификой нейропсихологических процессов. Брéдовые суждения, с этой точки зрения, опять же не имеют принципиальной специфики, так как переход от опыта к системе убеждений происходит у психически здорового и у психически больного одним и тем же способом.

Несколько расширенная версия этой модели, предложенная М. Дэвисом, предполагает, что содержание бреда действительно обусловлено аномальным опытом и является рациональной реакцией на переживания подобного рода; тем не менее М. Дэвис и его соавторы полагают, что аномальный опыт недостаточен для развития брéдовой идеи. Примеры аномалий на нейропсихологическом уровне, не имеющие в качестве коррелята брéдовых содержаний, свидетельствуют, с их точки зрения, о том, что нарушения на нейропсихологическом уровне — необходимое, но недостаточное условие возникновения бреда. «Случаи нейропсихологической аномальности и, следовательно, необычного опыта, которые не приводят к формированию брéдовых идей, показывают, что в этой модели нужен второй фактор», — пишет М. Дэвис (Davies et al., 2001, p. 147). «Второй фактор» — это тот путь, с помощью которого пациент переходит от необычного опыта к брéдовой идее

(этот переход не осуществляется автоматически). М. Дэвис подчеркивает, что в случае разных бредовых переживаний этот «фактор» будет различным (например, иногда пациенты могут отдавать себе отчет в «странности» опыта и придумывать «объяснительную модель»), но иногда такого перехода не будет вообще. В принципе «двухфакторная модель» является усовершенствованной версией модели, предложенной Б. Майером, и обладает примерно такими же недостатками.

Таким образом, согласно этой концепции, единственное различие между нормальным и ненормальным человеком лежит в сфере нейропсихологических процессов. Механизмы означивания и перехода от опыта к высказыванию совершенно одинаковы. Такой подход предлагает готовую модель для междисциплинарного взаимодействия: нейропсихологические повреждения исследуются нейронауками, однако параллельно существует альтернативный путь к исследованию происходящего в мире психически больного, доступный за пределами медицинского и нейропсихологического знания. Он основан на том, что система высказываний психически больного базируется на тех же означивающих механизмах, что и система высказываний здорового человека; а значит, ее можно исследовать теми же средствами. Таким образом, комплексное изучение различных феноменов с помощью различных дисциплин открывает путь для понимания происходящего с психически больным в целостности.

Подход Б. Майера и М. Дэвиса к анализу бреда иногда называют «вос-

ходящим», или «эмпиристским» (Campbell, 2001), по причине того, что в нем первичным источником бредовых идей является непосредственный опыт пациента, а сами идеи — результатом его вторичной обработки, концептуализации. «Восходящий» подход позволяет классифицировать бредовые суждения, но не дает возможности объяснить их содержание иначе, чем как реакцию на определенный опыт.

«Рационалистический подход»: анализ шизофренического самоописания

«Восходящему» подходу противопоставляется «нисходящий», или «рационалистический» — этот вариант классификации бредовых высказываний можно найти в работах Л. Сасса и Дж. Кэмпбелла; этот подход можно назвать «нисходящим». Согласно «рационалистическому» подходу, у пациента изменяются, в первую очередь, целостный взгляд на мир, базовые установки и способы отношения к реальности — конкретные же бредовые суждения являются следствием таких установок.

Толкование бредовых идей, которое предлагает Дж. Кэмпбелл, основывается на представлении, что нарушения в мировосприятии вызывают измененные действия пациента и измененный опыт. У психически больного человека, согласно Дж. Кэмпбеллу, изменяются базовые установки (framework propositions) — утверждения, которые лежат в основании способа восприятия реальности. Такие установки находятся вне любого возможного опыта и не оцениваются на истинность/ложность.

Подобные установки есть и у здорового человека, например «Мир существовал до моего рождения». Человек не задумывается над такими положениями, не пытается их опровергнуть или убедиться в их истинности, так как они лежат в основании целостной картины мира. Базовые установки, согласно Дж. Кэмпбеллу, могут измениться у психически больного, и именно это задает базу для возможного появления брéдовых идей. Проблема состоит в том, что при изменении «базовых установок» и, как следствие, картины мира значения привычных слов будут меняться и это будет порождать бессмысленные утверждения: «человека, который смещается от одного набора базовых установок к другому, дестабилизирует значение используемых терминов» (Campbell, 2001, р. 98). Например, с этой позиции можно рассмотреть высказывания пациента с синдромом Капгра. Когда такой больной сообщает: «Эта женщина — не моя жена» (тогда как в реальности она является его женой), это можно проинтерпретировать не как эмпирическую ошибку, но как искажение значения используемых слов. «Та женщина, которую я вижу сейчас, не тождественна женщине из моих воспоминаний» — вот как следовало бы прочитать, согласно Дж. Кэмпбеллу, это высказывание. Это высказывание толкуется как «ошибка», но это не ошибка в оценке реальности; это ошибка употребления слов, ошибка способа установления значений.

Другая попытка проинтерпретировать брéдовые идеи с «рационалистических» позиций, т. е. акцентируя внимание на целостные изменения

картины мира пациента, была произведена Л. Сассом в работе «Парадоксы бреда: Витгенштейн, Шребер и шизофреническое сознание». Предметом анализа Л. Сасса выступает один из самых известных текстов-самоописаний пациента-шизофреника — «Воспоминания невропатологического больного». В этой автобиографической книге очень подробно описываются протекание болезни Шребера, а также его представления о мире, Боге, способе собственного существования и т.д. Этот текст часто становился предметом разбора, самым известным из которых является работа З. Фрейда «Психоаналитические заметки об одном автобиографическом описании случая паранойи» (Фрейд, 2007), где безумные идеи Шребера объясняются, прежде всего, через его гомосексуальность. Л. Сасс же предпринимает попытку объяснить брéдовые идеи эпистемологически, т. е. продемонстрировать ту концептуальную схему, которая делает возможными такие идеи.

Идея Л. Сасса заключается в том, чтобы интерпретировать язык шизофренического самоописания. Он считает, что психическое расстройство надо рассматривать не «снизу вверх» (от опыта к его интерпретации), а «сверху вниз», т. е. учитывая «рациональные» механизмы формирования брéдовых высказываний. Дело не в том, что у шизофреника изменяются конкретные переживания; напротив, прежде всего меняется целостный взгляд на мир, и уже в соответствии с этим взглядом выстраиваются конкретные переживания. Изменяется сама система означивания; главная специфика

языка бреда — иная организация системы значений.

Л. Сасс демонстрирует изменение системы значений пациента на конкретном примере. Шребер пишет о своих шизофренических переживаниях, которые кажутся здоровому человеку, по меньшей мере, странными и труднопредставимыми. Он говорит о физиологических изменениях в своем теле: например, иногда он чувствует, что живет без желудка, а иногда в его теле якобы начинают проявляться женские органы. Тем не менее, с точки зрения Л. Сасса, было бы неправильно толковать эти описания как анатомический отчет о состоянии организма. «Я совершенно точно чувствую, что...» — говорит больной про происходящие с ним «физиологические изменения». «Он не спекулирует об объективных или физикалистских объяснениях этих фантастических событий. Он, кажется, переживает эти события как происходящие в реальности, отличной от естественного данного мира, с его сдавливающей причинностью. Эта специфическая реальность, очевидно, чисто опытная область идей, где “чудеса” не включают физические или биологические процессы, но, скорее, психические факты, акты воображения» (Sass, 1994, p. 46). «Странность» его мира, которую он может назвать «чудом», принадлежит именно его миру, его восприятию, и именно это он пытается высказать. Тем не менее он делает ту же ошибку, что и солипсист, пытаясь придать этому высказыванию статус говорения о реальных объектах.

Другой аспект системы убеждений Шребера, в котором проявляется изменение целостной картины

мира, — это соотношение между Я и окружающим миром. С одной стороны, он признает, что существование мира субъективно, что мир находится в зависимости от воспринимающего его Я. С другой стороны, Я выступает в качестве гарантии, коррелята существования мира, а не в качестве эмпирического человека. Однако Я — это не только коррелят существования мира, но и одновременно некий эмпирический субъект, принадлежащий миру, что является противоречием. И это противоречие опять же проявляется в «мире» Шребера и ложится в основу его шизофренического модуса существования. Он ощущает себя одновременно «создателем» этого мира и субъектом, принадлежащим миру, с ним происходит «странное колебание между чувством абсолютной уверенности и всеведения, безграничной власти и значимости, с одной стороны, а с другой — чувство бесконечной малости, слабости, незначимости, граничащей с несуществованием» (Там же, p. 65).

Похожие идеи об изменении целостной системы значений можно найти в психоанализе Ж. Лакана, в котором анализируется тот же случай шизофренического самоописания Шребера: согласно этой концепции, в языке психически больного появляются «значения, которые действительно не отсылают ни к чему, кроме как к самим себе, остаются несводимыми» (Lacan, 1993, p. 33); т. е. у человека в состоянии психоза нарушаются связи с интересубъективно разделяемой системой значений, где все сказанное имеет важность только в контексте практик, связанных с другими людьми.

У психически больного происходит разрыв с этой системой, и значение, а вместе с ним и значимость, приписывается отдельным элементам. А это означает, что брéдовые суждения, безусловно, можно и нужно интерпретировать: ведь, с этой позиции, главные изменения происходят на дискурсивном уровне, на уровне организации смыслов.

Таким образом, если принять эту идею, то выстраивается совершенно другая картина психоза и совсем другая возможная модель междисциплинарного взаимодействия. В этом случае дисциплины, исследующие дискурсивную плоскость, могут описывать психическое заболевание, не обращаясь к помощи психиатрии или нейрофизиологии. Ведь в данной концепции само заболевание понимается как изменение системы значений.

Анализ брéдовых суждений и границы интерпретации

Вопрос о статусе брéдовых суждений и о возможности их интерпретации, безусловно, важен для «философии психиатрии», а также для понимания роли философии и других, помимо психиатрии, дисциплин в объяснении психической болезни. Повторюсь, если мы рассматриваем психическое расстройство прежде всего как расстройство, имеющее органическую природу и не содержащее понятных смыслов, то лечение может проходить исключительно в рамках медицины. Если же мы рассматриваем психическое расстройство как нарушение целостного состояния человека, возможны другие методы работы с ним (прежде

всего, посредством эмпатии). Однако остается область «непонятого» — сами брéдовые содержания. Для того чтобы анализировать ее, нужно признать, что брéдовые суждения относятся к дискурсивной сфере. Если это так, то огромную роль в интерпретации опыта душевнобольного и возможном влиянии на него будут иметь различные дисциплины: философия, психология, лингвистика и т.д.

Однако любопытно, что в ходе обсуждения частного вопроса о статусе брéдовых суждений имплицитно поднимается и другой вопрос — вопрос о границах интерпретации. В зависимости от той модели, которую мы принимаем, мы будем отвечать на него по-разному. Еще раз обратимся к различным концепциям брéдовых высказываний. Если мы соглашаемся с феноменологической психиатрией К. Ясперса, то границы интерпретации устанавливаются по той же линии, где проходит предел опыта, аналогичного возможному опыту психически нормального человека. Мы можем понимать и интерпретировать только те феномены, которые схожи с нашими собственными. По сути, в этой концепции пределы понимания зависят от того опыта, которым обладает человек, и от возможности сопоставить с ним интерпретируемый опыт.

Если же мы, как и некоторые представители современной философии психиатрии, будем стоять на позициях интерпретируемости самих брéдовых содержаний, совсем не похожих на наши переживания, то и вопрос о границах интерпретации будет для нас решаться иначе. Признав вместе с Б. Майером или

М. Дэвисом ненормальные суждения нормальной реакцией на «ненормальный» опыт, мы будем считать доступным интерпретации то, что организовано с помощью «нормальной» системы означивания. Тем не менее за гранью интерпретации находится опыт, который не был концептуализирован с помощью общезначимых механизмов.

Если же мы соглашаемся с Дж. Кэмпбеллом и Л. Сассом, то следствия оказываются еще более неожиданными. В таком случае границ интерпретации нет вовсе; интерпретировать можно все — в силу того, что все принадлежит общей дискурсивной плоскости. Психоз в таком случае характеризуется иным, нежели у здоровых людей, однако возможным устройством этой системы. Конкретные же брédовые идеи и аномальный опыт — это, с данной позиции, следствия организации системы значений, и они могут быть интерпретированы и поняты с перспективы этой «измененной» системы. Другое дело, что, чтобы отстаивать эту позицию, нам придется принимать довольно сильную посылку, согласно которой нет ничего «внеязыкового».

На наш взгляд, наиболее интересной и перспективной в плане интерпретативных возможностей является последняя из указанных позиций. Утверждение о границах понимания и о непостижимости брédовых суждений (это, в частности, позиция К. Ясперса) соответствует нашим интуитивным представлениям о возможностях понимать и осмыслять высказывания другого. Попытка же создать методологию для интерпретации брédовых содержаний по

своей сути контринтуитивна: «непонятность» и «странность» подобных высказываний отчасти выступают теми признаками, по которым мы определяем их в качестве «ненормальных», «философия психиатрии» же предлагает интерпретировать то, что определяется как неинтерпретируемое. Чтобы считать высказывания пациентов доступными пониманию и постижимыми разумом, наверное, нужно отчасти расширить и представления о рациональности в целом. С этой задачей наилучшим образом справляется «нисходящий» подход к интерпретации брédовых суждений. В отличие от «эмпиристской» модели или модели «пустых высказываний», которые, по большому счету, решают исключительно задачу очертить область «аномалии» (в плоскости языка либо нейропсихологических процессов), «рационалистическая» концепция интерпретации брédовых суждений затрагивает базовые установки человека, которые не зависят от его нормальности либо ненормальности. Согласно этой модели, базовые характеристики восприятия мира формируют мир любого человека; больной и его реальность исследуются именно исходя из специфики этих характеристик. Таким образом, мы получаем возможность действительно исследовать высказывания психически больного человека из перспективы того, как организована его реальность, не заявляя в качестве базовой характеристики «непонятность» суждений и потому избегая противоречия.

В целом возможность интерпретации брédовых суждений — вопрос очень сложный и неоднозначный. Принимая то или иное решение по

поводу того, возможна ли интерпретация брéдовых суждений, мы, в первую очередь, делаем то или иное допущение по поводу возможных границ интерпретации; каждое из этих допущений представляет разные модели понимания. Но решение по поводу интерпретации брéдовых

суждений значимо и по другой причине. Это решение влияет на возможность исследовать психическую болезнь средствами различных дисциплин, в том числе и философии, и таким образом открывает (или, напротив, закрывает) путь для междисциплинарного взаимодействия.

Литература

- Власова, О. А. (2006). *Антипсихиатрия: становление и развитие*. М.: Изд-во РГСУ «Союз».
- Фрейд, З. (2007). Психоаналитические заметки об одном автобиографическом описании случая паранойи. В кн. З. Фрейд. *Знаменитые случаи из практики*. М.: Когито-Центр.
- Фуко, М. (1997). *История безумия в классическую эпоху*. СПб.: Университетская книга.
- Ясперс, К. (1996а). Каузальные и «понятные» связи между жизненной ситуацией и психозом при dementia praecox (шизофрении). В кн. К. Ясперс. *Собрание сочинений по психопатологии*. М.: Академия; Белый кролик.
- Ясперс, К. (1996б). Феноменологическое направление исследований в психопатологии. В кн. Ясперс К., *Собрание сочинений по психопатологии*. М.: Академия; Белый кролик.
- Ясперс, К. (1997). *Общая психопатология*. М.
- Bayne, T., & Pacherie, E. (2005). In defence of the doxastic conception of delusions. *Mind and Language*, 2, 163–188.
- Berrios, G. (1991). Delusions as “wrong beliefs”: a conceptual history. *British Journal of Psychiatry*, 14, 6–13.
- Campbell, J. (2001). Rationality, meaning, and the analysis of delusion. *Philosophy, Psychiatry, and Psychology*, 2/3, 89–100.
- Davies, M., Coltheart, M., Langdon, R., & Breen, N. (2001). Monothematic delusions: towards a two-factor account. *Philosophy, Psychiatry, and Psychology*, 2/3, 133–158.
- Lacan, J. (1993). *The psychoses 1955–1966*. London; New York: W.W. Norton & Company.
- Maher, B. (1999). Anomalous experience in everyday life: its significance for psychopathology. *Monist*, 4, 547–570.
- Mitchell, A. (2006). Taking mentality seriously: A philosophical inquiry into the language of addiction and recover. *Philosophy, Psychiatry, and Psychology*, 3, 211–222.
- Sass, L. A. (1994). *The paradoxes of delusion*. N. Y.: Cornell.
- Schreber, D. P. (2000). *Memoirs of my nervous illness*. N. Y.: The New York Review of Books.
- Strasser, S. (1963). *Phenomenology and the human sciences. A contribution to a new scientific ideal*. Pittsburgh, PA: Duquesne University Press.
- Thornton, T. (2007). *Essential philosophy of psychiatry*. Oxford: Oxford University Press.

Possibility of Delirious Statement Interpretation as an Issue for “Philosophy of Psychiatry”

Svetlana M. Bardina

Postgraduate student, HSE

E-mail: neology@bk.ru

Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, Russia, 101000

Abstract

“Philosophy of psychiatry” is an interdisciplinary research domain spanning psychiatry, psychology, philosophy, and other sciences. The possibility of understanding and interpreting delirious statements is one of the key issues in this area. Different approaches to the interpretation of delirious utterances are analyzed, in particular, the position of K. Jaspers, who postulated the “limits of understanding” the mental illness, and the attempts to provide mechanisms for interpretation of the delirious content made in the contemporary “philosophy of psychiatry”. Several approaches to conceptualizing delirious propositions are presented, including the positions of G. Berrios, who proposes to consider them as empty statements, the ideas of B. Maher and M. Davies, who see delirious statements as reactions to abnormal experience, and the “rationalistic approach” by J. Campbell and L. Sass, which views them as expressions of disorder of the designation mechanism. Each of these positions is explored in the paper, and the resulting approaches to the limits of interpretation are shown. Clinical cases are presented that provide examples of analysis by means of exploring the changes in the “basic positions”, that is, the transformation of assumptions that form the basis of reality perception in persons with mental disorder. Also, the author discusses the implications of delirious statement interpretability of delirious statements for psychiatric practice and for future interdisciplinary study, in particular, the way it influences the contribution of different disciplines to the explanation of mental disorder.

Keywords: interpretation, interdisciplinary study, phenomenology, philosophy of psychiatry.

References

- Foucault, M. (1997). *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [History of madness in the classical age]. Saint Petersburg: Universitetskaia kniga.
- Freud, S. (2007). Psikhoanaliticheskie zametki ob odnom avtobiograficheskom opisani sluchaya paranoi [Psycho-analytic notes on an autobiographical account of a case of paranoia (dementia paranoides)]. In S. Freud. *Znamenitnye sluchai iz praktiki* [Famous clinical cases]. Moscow: Kogito-Tsentr.
- Jaspers, K. (1996a). Fenomenologicheskoe napravlenie issledovani v psikhopatologii [The phenomenological approach to psychopathology]. In K. Jaspers. *Sobranie sochinenii po psikhopatologii* [Collected works in psychopathology]. Moscow: Akademiia; Belyi krolik.
- Jaspers, K. (1996b). Kauzal'nye i “ponyatnye” svyazi mezhdu zhiznennoi situatsiei i psikhozom pri dementia praecox (shizofrenii) [Causal and “understandable” connections between life, fate and psychosis in cases of dementia praecox]. In K. Jaspers. *Sobranie sochinenii po psikhopatologii* [Collected works in psychopathology]. Moscow: Akademiia; Belyi Krolik.
- Jaspers, K. (1997). *Obshchaya psikhopatologiya* [General psychopathology]. Moscow: Praktika.
- Vlasova, O. A. (2006). *Antipsikhiatriya: stanovlenie i razvitie* [Antipsychiatry: formation and development]. Moscow: Izdatel'stvo RGSU Soiuz.

-
- Bayne, T., & Pacherie, E. (2005). In defence of the doxastic conception of delusions. *Mind and Language*, 2, 163–188.
- Berrios, G. (1991). Delusions as “wrong beliefs”: a conceptual history. *British Journal of Psychiatry*, 14, 6–13.
- Campbell, J. (2001). Rationality, meaning, and the analysis of delusion. *Philosophy, Psychiatry, and Psychology*, 2/3, 89–100.
- Davies, M., Coltheart, M., Langdon, R., & Breen, N. (2001). Monothematic delusions: towards a two-factor account. *Philosophy, Psychiatry, and Psychology*, 2/3, 133–158.
- Lacan, J. (1993). *The psychoses 1955–1966*. London; New York: W.W. Norton & Company.
- Maher, B. (1999). Anomalous experience in everyday life: its significance for psychopathology. *Monist*, 4, 547–570.
- Mitchell, A. (2006). Taking mentality seriously: A philosophical inquiry into the language of addiction and recover. *Philosophy, Psychiatry, and Psychology*, 3, 211–222.
- Sass, L. A. (1994). *The paradoxes of delusion*. New York: Cornell.
- Schreber, D. P. (2000). *Memoirs of my nervous illness*. New York: The New York Review of Books.
- Strasser, S. (1963). *Phenomenology and the human sciences. A contribution to a new scientific ideal*. Pittsburgh, PA: Duquesne University Press.
- Thornton, T. (2007). *Essential philosophy of psychiatry*. Oxford: Oxford University Press.

РЕФЛЕКСИЯ «ХОРОШАЯ» И «ДУРНАЯ»: ОТ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ К ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКЕ

Д.А. ЛЕОНТЬЕВ, Е.Н. ОСИН

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — заведующий международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации НИУ ВШЭ, профессор факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор психологических наук, профессор. Автор более 500 публикаций по ключевым проблемам психологии личности, в частности, книг «Введение в психологию искусства» (1998), «Психология смысла» (1999), «Комплексная гуманитарная экспертиза» (2008) и др. Научный редактор и соавтор 18 коллективных монографий, в том числе «Психология с человеческим лицом» (1997), «Современная психология мотивации» (2002), «Личностный потенциал: структура и диагностика» (2011) и др.
Контакты: dleon@smysl.ru

Осин Евгений Николаевич — доцент департамента психологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник лаборатории позитивной психологии и качества жизни НИУ ВШЭ, кандидат психологических наук.
Контакты: keen-psy@mail.ru

Резюме

Статья посвящена анализу проблемы роли рефлексивных процессов в саморегуляции. Разброс мнений по поводу их роли получает объяснение в дифференциальной модели рефлексивности, в которой различаются позитивные (системная рефлексия) и негативные (квазирефлексия, интроспекция) разновидности рефлексивных процессов. Операционализацией модели выступила оригинальная методика — Дифференциальный тест рефлексивности (ДТР), включающий 30 утверждений, сгруппированных в три шкалы: Системная рефлексия, Интроспекция, Квазирефлексия. В статье описаны шесть исследований, посвященных разработке и валидации ДТР. Структура методики была проверена с помощью фирматорного факторного анализа на выборке пользователей Интернета ($N = 3860$) с перекрестной валидацией на выборке участников летней школы ($N = 261$). Полученные шкалы демонстрируют приемлемую надежность ($0.78 < \alpha < 0.85$). Показатели двух негативных

типов рефлексии умеренно коррелируют между собой и слабо связаны с показателем системной рефлексии. Все три типа рефлексивных процессов положительно коррелируют с другими существующими показателями рефлексивности. Показатель системной рефлексии демонстрирует слабые и умеренные положительные связи с показателями счастья, удовлетворенности жизнью, открытости новому опыту, дружелюбия, эмоциональной стабильности, позитивного одиночества. Показатель интроспекции демонстрирует умеренные отрицательные связи с показателями счастья, удовлетворенности жизнью, субъективной витальности, осмысленности жизни, жизнестойкости, ориентации на действие, эмоциональной стабильности, а также положительные — с показателями переживания одиночества и зависимости от общения; показатель квазирефлексии демонстрирует сходные, хотя и более слабые эффекты. На выборках успешных бизнесменов ($N = 21$) и практикующих йогоу ($N = 51$) показатели негативных типов рефлексии оказываются существенно более низкими ($d > 0.8$) по сравнению с выборками нормы, что свидетельствует о критериальной валидности методики. Полученные результаты позволяют рекомендовать ДТР как надежный и валидный инструмент для дифференциальной диагностики рефлексивных процессов.

Ключевые слова: рефлексия, саморегуляция, интроспекция, руминация, психологическое благополучие, самодистанцирование, системная рефлексия, сознание, самопознание, структурное моделирование.

Рефлексия как позитивный и негативный феномен

С тех пор как понятие о рефлексии как о внутреннем отношении сознания к самому себе было введено Дж. Локком, в философии и психологии возникло множество различных представлений о рефлексии, ее феноменах и их позитивных и негативных последствиях. Собственно в психологии, фундаментальной и прикладной, в последние десятилетия появляется все больше исследований как самой рефлексии, или рефлексивности, так и содержательно близких к этому понятию конструктов, таких как самомониторинг, осознанное присутствие (*mindfulness*), социальная саморефлексия (*social awareness*) и др. (см. обзор: Леонтьев, Аверина, 2011).

У ряда мыслителей мы находим идеи о связи рефлексии с особым способом существования, присущим только человеку. Два способа суще-

ствования различал С.Л. Рубинштейн: «Первый — жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек... Здесь человек весь внутри жизни, всякое его отношение — это отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом. Отсутствие такого отношения к жизни в целом связано с тем, что человек... не может занять позицию вне ее для рефлексии над ней.... Такая жизнь выступает почти как природный процесс» (Рубинштейн, 1997, с. 79). «Второй способ существования связан с появлением рефлексии. Она как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы. Человек как бы занимает позицию вне ее» (Там же).

Еще ранее похожую мысль высказывал В. Розанов: «Двоякого рода может быть жизнь человека: бессознательная и сознательная. Под первой я разумею жизнь, которая управляется

причинами, под второю — жизнь, которая управляется целью. Жизнь, управляемую причинами, справедливо назвать бессознательной; это потому, что хотя сознание здесь и участвует в деятельности человека, но лишь как пособие: не оно определяет, куда эта деятельность может быть направлена, и так же — какова она должна быть по своим качествам. Причинам, внешним для человека и независимым от него, принадлежит определение всего этого. В границах, уже установленных этими причинами, сознание выполняет свою служебную роль: указывает способы той или иной деятельности, ее легчайшие пути, возможное и невозможное для выполнения из того, к чему нудят человека причины. Жизнь, управляемую целью, справедливо назвать сознательной, потому что сознание является здесь началом господствующим, определяющим. Ему принадлежит выбор, к чему должна направиться сложная цепь человеческих поступков; и так же — устройство их всех по плану, наиболее отвечающему достигнутому...» (Розанов, 1892/1994, с. 21).

В целом ряде философских и психологических источников мы находим идеи, перекликающиеся с этим тезисом. В их числе различение Л.С. Выготским высших, осознанных и произвольных, и низших, неосознанных и произвольных, психологических функций, различение двух «регистров» жизни у М.К. Мамардашвили, тонкий анализ процессов осознания как неотъемлемой стороны жизни у Дж. Бьюджентала и глубокий анализ того, как рефлексивные процессы встраиваются в детерминацию социальных

и исторических событий, в философии истории Дж. Сороса.

Из числа современных психологов близкую В.В. Розанову и С.Л. Рубинштейну позицию формулирует в своей эволюционной концепции личности М. Чиксентмихайи: «Случай и необходимость — единственное, что управляет существами, неспособными к рефлексии. Однако эволюция создала буфер между детерминирующими силами и человеческим действием. Подобно автомобильному сцеплению, сознание позволяет тем из нас, кто им пользуется, временами отключаться от давления неумолимых влечений и принимать собственные решения. Конечно, рефлексивное сознание, которое, по-видимому, приобрели на нашей планете только люди, не является чистой благодатью. Оно лежит в основе беззаветной отваги Ганди, Мартина Лютера Кинга и “неестественных” желаний маркиза де Сада или ненасытных амбиций Сталина» (Csikszentmihalyi, 1993, p. 15). Чиксентмихайи связывает с формированием рефлексивного сознания скачкообразное изменение режима работы мозга (Там же, с. 23). Он говорит о том, что рефлексивное сознание представляет собой новый орган, своеобразный «метамозг», освобождающий нас от власти генетических программ. «С его помощью мы можем строить планы, откладывать действие, воображать то, чего нет. Наука и литература, философия и религия были бы без него невозможны» (Csikszentmihalyi, 2006, p. 9). Рефлексивное сознание позволяет нам «писать» собственные программы в дополнение к генетическим и социальным программам,

закладываемым в нас биологией и культурой. Это дает человеку дополнительную степень свободы.

С самого начала понятие рефлексии имело и продолжает сохранять в себе некоторую амбивалентность. С одной стороны, рефлексия является важнейшим механизмом самопознания, которое рассматривалось как важнейшая задача личностного развития еще с Античности («Познай самого себя!») и получило новый импульс в современных подходах к личностному развитию (Олпорт, 2002) и психотерапии (напр.: Лэнгле, 2005). С другой стороны, она нередко воспринимается обыденным сознанием как досадное качество интеллигента, который много размышляет, но мало действует, как то, что мешает нам перейти к решительному действию. Это не просто досужий стереотип; в психологии накоплено много отчетливых данных, подтверждающих негативные эффекты рефлексии, в то время как польза от них менее очевидна. В современной психологии был сформулирован и успешно операционализирован ряд конструктов, в которых те или иные варианты рефлексии оказывались действительно негативными предикторами достижений. Так, назойливые рефлексивные размышления (*ruminatіon*) как «способ реагирования на дистресс, заключающийся в повторяющемся и пассивном сосредоточении на симптомах дистресса, возможных причинах и последствиях этих симптомов» (Nolen-Hoeksema et al., 2008, p. 400), как выясняется, положительно связаны с депрессией, другими патологическими симптомами, дезадаптивными стилями совладания, пессимизмом, нейротиз-

мом и др. и отрицательно — с успешным решением проблем и социальной поддержкой. Негативные последствия порождает и ориентация на состояние при саморегуляции, противопоставляемая ориентации на действие (Kuhl, 1987; см. также: Васильев и др., 2011). Так, более ориентированные на действие индивиды реализуют ббольшую часть своих намерений по сравнению с теми, кто ориентирован на состояние, первые менее подвержены негативному влиянию ситуаций, порождающих беспомощность, лучше способны усиливать мотивационную привлекательность значимой для них альтернативы, облегчая тем самым принятие решения, наконец, они оптимистичнее в отношении ожиданий успеха, сильнее вовлечены в деятельность и лучше справляются со сложными задачами.

Перед нами встала задача, во-первых, найти объяснение этой кажущейся противоречивости роли рефлексии в саморегуляции и, во-вторых, разработать диагностический инструмент, позволяющий измерять рефлексивность дифференцированно, различая ее позитивные и негативные аспекты.

Дифференциальная модель рефлексии

Первая задача была решена путем построения дифференциальной модели рефлексии (Леонтьев, 2007, 2009; Леонтьев, Аверина, 2011; Leontiev, Salikhova, 2010). Мы предположили, что разногласия во многом обусловлены тем, что одним словом недифференцированно называют качественно разные формы рефлексии.

В соответствии с философской традицией под рефлексией мы понимаем способность человека произвольно обращать сознание на самого себя. Это понятие содержит в себе два принципиальных момента: механизм произвольного манипулирования идеальными содержаниями в умственном плане, основанный на переживании дистанции между своим сознанием и его интенциональным объектом (см.: Леонтьев, 1999, с. 144–145), и направленность этого процесса на самого себя как на объект рефлексии. Именно единство этих двух аспектов образует полноценное рефлексивное отношение в узком смысле слова, с которым мы связываем переход на уровень самодетерминации. Различные возможные варианты их соотношения представлены в таблице 1.

Полному отсутствию самоконтроля, сосредоточенности лишь на внешнем интенциональном объекте деятельности (что можно обозначить термином «арефлексия») могут быть

противопоставлены не один, а три качественно различных процесса (см. таблицу 2): *интроспекция* (самокопание), при которой фокусом внимания становится собственное внутреннее переживание, состояние, *системная рефлексия*, основанная на самодистанцировании и взгляде на себя со стороны и позволяющая видеть одновременно полюс субъекта и полюс объекта, а также *квазирефлексия*, направленная на объект, не имеющий отношения к актуальной жизненной ситуации, уход в посторонние размышления — о прошлом, будущем, о том, что было бы, если бы... Мы предполагаем, что из трех описанных форм рефлексии системная рефлексия является наиболее адаптивной, и именно эта форма связана с самодетерминацией. Интроспекция в такой же мере односторонняя, как и арефлексия, и, как следует, в частности, из данных Ю. Куля, в ситуациях практической деятельности интроспективная «ориентация на состояние» проигрывает

Таблица 1

Структура рефлексивного отношения

Механизм сознания	Направленность сознания	
	На себя	Вовне
Дистанция между Я и объектом	Рефлексия	Познавательное отношение
Недифференциация Я и мира	Самоощущение	Нерефлексивное отражение

Таблица 2

Типы рефлексивного отношения

Направленность сознания на себя	Направленность сознания на внешнюю ситуацию	
	Да	Нет
Да	Системная рефлексия	Интроспекция
Нет	Арефлексия	Квазирефлексия

арелексивной «ориентации на действие», хотя в контексте психотерапии она может быть весьма продуктивна. Квазирефлексия, уводящая в резонерские спекуляции и беспочвенные фантазии, является скорее формой психологической защиты через уход от неприятной ситуации, реальное разрешение которой не просматривается.

Системная рефлексия оказывается наиболее объемной и многогранной, хотя ее осуществление достаточно сложно, именно она позволяет видеть как саму ситуацию взаимодействия во всех ее аспектах, включая и полюс субъекта, и полюс объекта, так и альтернативные возможности. Для того чтобы успешно решать какую-то задачу, надо видеть максимальное количество ее элементов. Часто при решении жизненных, экзистенциальных проблем мы терпим неудачу, потому что мы не видим одного важного элемента проблемной ситуации — самих себя, поэтому, в частности, практически невозможно оказывать психологическую помощь своим близким, ибо невозможно выполнять роль психотерапевта, одновременно будучи элементом проблемной ситуации. А. Лэнгле отмечает необходимость решения двойной задачи соотношения для того, чтобы быть самим собой: соотноситься с другими и соотноситься с самим собой. Для этого «нужно сначала увидеть самого себя и составить картину себя, что становится возможным благодаря определенной внутренней и внешней дистанции по отношению к собственным чувствам, решениям, действиям» (Лэнгле, 2005, с. 46).

Эта возможность не реализуется автоматически, даже человек с высо-

ким уровнем развития рефлексивности и способности к самодистанцированию не обязательно проявляет эту способность и может в конкретной ситуации действовать вполне машинально.

В основе системной рефлексии лежит уникальная и достаточно редкая человеческая способность — смотреть на себя со стороны. Еще У. Джеймс (2003) различал два аспекта Я: — Я познаваемое и Я познающее. Подобное «вертикальное» расщепление Я на образ себя, описываемый через набор содержательных атрибутов (Я-концепцию, или Я-образ), и внутренний центр, не имеющий никаких описательных характеристик, но наличие которого принципиально важно как предпосылка субъектности, активности, иницируемой самим субъектом (экзистенциальное Я, или Я-центр, — см.: Леонтьев, 1993), обнаруживается у самых разных авторов (Дж.Г. Мид, Дж. Бьюджентал, А. Дейкман и др.). Благодаря такому расщеплению, которое наиболее точно описано В. Франклом (1990) в терминах фундаментальной антропологической способности самодистанцирования, субъект оказывается в состоянии занять позицию по отношению к самому себе и из нее осуществить действия по отношению к самому себе. Самодистанцирование — это возможность отстраниться, посмотреть на себя со стороны, вынырнуть из потока собственной жизни. Клинические психологи знают, что принятие себя таким, какой есть, — не очень благоприятный симптом, однако абсолютное принятие себя как данности немногим лучше; способность самодистанцирования поз-

воляет избирательно относиться к самому себе как к авторскому проекту, заботиться о себе и работать над собой (см.: Иванченко, 2009), принимая усилия по направленному изменению того, что субъект считает нужным изменить.

Разведение четырех указанных видов процессов опирается на логическое различие четырех возможных фокусов направленности сознания: на внешний интенциональный объект (арефлексия), на самого субъекта (интроспекция), на себя и на объект одновременно, что предполагает самодистанцирование, способность посмотреть на себя со стороны (системная рефлексия) и на посторонние объекты за пределами актуальной ситуации (квазирефлексия).

Из изложенной модели вытекает, что именно системная рефлексия, в которой направленность сознания на себя происходит не за счет, а в дополнение к его направленности на внешнюю ситуацию, представляет собой единственную полноценную разновидность рефлексии, в полной мере выполняющую приписываемые рефлексии позитивные функции; остальные разновидности являются психологически неполноценными и «отвечают» за психологически неблагоприятные последствия направленности сознания на себя, описанные выше.

На основе обозначенной выше дифференциальной модели рефлексивности нами были разработаны две исследовательские методики: эссе «Взгляд со стороны» (Леонтьев, Салихова, 2007) и описываемый в данной статье Дифференциальный тест рефлексивности ДТР.

Разработка Дифференциального теста рефлексивности

Пилотажные исследования 1 и 2

Эмпирическому обоснованию гипотезы о существовании четырех качественно своеобразных форм рефлексии, по-разному влияющих на успешность деятельности и саморегуляции, было посвящено несколько исследований, в ходе которых осуществлялась разработка новой психодиагностической методики — Дифференциального теста рефлексивности (ДТР).

В основу первого варианта ДТР лег набор из 82 оригинальных утверждений, сгруппированных в четыре теоретически обоснованные шкалы: Арефлексия, Интроспекция, Системная рефлексия и Квазирефлексия. Разработка набора утверждений осуществлялась авторами в форме групповой дискуссии с опорой на теоретические описания конструкта. Методика использует шкалу с четырьмя градациями ответа. В исследовании, посвященном валидации этой версии методики (Леонтьев и др., 2009), приняли участие 93 студента московских вузов.

По итогам анализа одномоментной надежности были удалены 28 неработающих утверждений. После этого три из четырех шкал методики показали высокую внутреннюю согласованность (13–16 пунктов, α Кронбаха в пределах 0.79–0.83), однако одномоментная надежность шкалы арефлексии оказалась невысокой (11 пунктов, $\alpha = 0.64$). Три шкалы, соответствующие видам рефлексии, положительно коррелировали

друг с другом (r в интервале 0.24–0.55, $p < 0.05$), но шкала арerefлексии была отрицательно связана лишь со шкалой самокопания ($r = -0.22$; $p < 0.05$).

В дополнение к ДТР испытуемые заполняли Методику определения индивидуальной меры рефлексивности А.В. Карпова и В.В. Пономаревой (2000), Тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева (1992) и Методику исследования самооотношения С.Р. Панталева (1993). В соответствии с ожиданиями были получены значимые связи со шкалой рефлексивности Карпова и Пономаревой для шкал системной рефлексии ($r = 0.62$; $p < 0.001$) и интроспекции ($r = 0.49$; $p < 0.001$), а также арerefлексии ($r = -0.25$; $p < 0.05$). Несмотря на то что все три вида рефлексии были взаимосвязаны, оказалось, что шкала системной рефлексии наиболее тесно связана с рефлексивностью, тогда как шкала самокопания обнаружила значимые связи с негативным самооотношением и низкой осмысленностью жизни. В целом представленные данные свидетельствовали о дискриминантной и конвергентной валидности полученных шкал опросника ДТР, за исключением шкалы арerefлексии.

Во втором исследовании набор работающих пунктов был дополнен новыми утверждениями; некоторые пункты, значимо коррелировавшие сразу с несколькими шкалами методики, были переформулированы с целью повышения дискриминантной валидности шкал. Испытуемыми во втором исследовании выступили 106 студентов факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, а также его филиала в г. Ташкенте.

Несмотря на то что набор утверждений был дополнен, лишь три из четырех шкал опросника, соответствующие видам рефлексии, показали достаточно высокую внутреннюю согласованность (α Кронбаха в пределах 0.80–0.83). Шкала арerefлексии вновь показала низкую надежность ($\alpha = 0.52$). Мы расценили это как свидетельство того, что арerefлексия не поддается диагностике методом самоотчета, к которому относятся личностные опросники, и приняли решение исключить ее из опросника. Дискриминантная валидность оставшихся трех шкал во втором варианте опросника несколько повысилась: значимые внутренние корреляции были получены только для шкалы интроспекции со шкалами квазирефлексии ($r = 0.50$; $p < 0.001$) и системной рефлексии ($r = 0.32$; $p < 0.01$). Шкала системной рефлексии слабо положительно коррелировала с общим показателем осмысленности жизни по тесту СЖО ($r = 0.22$; $p < 0.05$). Шкала интроспекции отрицательно коррелировала со шкалой толерантности к неопределенности Д. Маклейна в адаптации Е.Г. Луковицкой ($r = -0.62$; $p < 0.001$), шкалой принятия риска теста жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой ($r = -0.46$; $p < 0.05$) и положительно — со шкалой личностной тревожности Ч. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина ($r = 0.37$; $p < 0.05$). Шкала квазирефлексии отрицательно коррелировала с контролем за действием при неудаче Ю. Куля ($r = -0.48$; $p < 0.05$).

В целом данные двух пилотажных исследований подтверждают существование трех качественно специфических видов рефлексивности.

Системная рефлексия не связана с показателями дезадаптации, однако ее адаптивную роль еще предстояло показать. Интроспекция обнаруживает устойчивые взаимосвязи с показателями дезадаптации и примерно соответствует как в теоретическом, так и в эмпирическом отношении конструкту рефлексивных размышлений (*ruminations*). В то же самое время интроспекция, отражающая ориентацию субъекта на собственные переживания по поводу актуальной ситуации, выступает промежуточным звеном между квазирефлексией (оперирование объектами в «идеальном поле», оторванном от актуальной ситуации) и системной рефлексией (целостным представлением субъекта-в-ситуации).

Исследование 3. Факторная структура, надежность и демографические предикторы показателей рефлексивности

Выборка

Третье исследование было выполнено на выборке посетителей веб-сайта психологической направленности ($N = 3860$), из них 69.6% женщины; средний возраст — 23.9 года (медиана — 22 года, межквартильный размах — 10 лет). Большинство респондентов обладали высшим (38.8%) или неоконченным высшим (31.9%) образованием.

Для перекрестной валидации полученной структуры использовалась выборка участников летней школы журнала «Русский репортер» ($N = 261$), из них 85.9% женщины; средний возраст — 20.2 года (медиана — 20 лет, межквартильный размах — 4 года).

на — 20 лет, межквартильный размах — 4 года). Большинство респондентов обладали неоконченным высшим (39.7%) или высшим (29.6%) образованием.

Инструменты

Посетители веб-сайта заполняли версию ДТР из 61 утверждения. Участники летней школы заполняли сокращенную версию ДТР из 30 утверждений в рамках батареи психологических методик.

Процедура

Все респонденты участвовали в исследовании добровольно (использовались формы информированного согласия). Респонденты в интернет-исследовании заполняли опросники анонимно и получали краткую обратную связь по результатам. Респонденты на летней школе участвовали не анонимно (для обеспечения конфиденциальности они подписывали бланки методик любым псевдонимом; настоящие имена фигурировали только на формах информированного согласия, которые сдавались отдельно).

Результаты и обсуждение

Анализ структуры ДТР проводился в два этапа. На первом этапе проводился эксплораторный анализ на полном наборе (61 утверждение) с помощью метода главных компонент с последующим вращением облимин. Сравнивались модели размерностью от 3 до 6 факторов. Результаты вновь показали, что утверждения, входящие в шкалу арефлексии, не образуют

единого измерения, и эти утверждения были исключены. Дальнейший анализ проводился на наборе из 45 утверждений, образующих три остальные шкалы.

Для анализа структуры был использован конфирматорный факторный анализ в пакете Mplus 7.2 (поскольку опросник включает четыре градации ответа, переменные моделировались как порядковые, использовался метод оценки WLSMV). Выборка была случайным образом поделена на две равные части, которые использовались для разработки модели и для кросс-валидации. Результаты оценки полученных моделей представлены в таблице 3. С учетом большого объема модели были выбраны достаточно мягкие критерии принятия решения о соответствии модели данным (CFI > 0.90, RMSEA < 0.08 – Byrne, 2012).

Первичная модель из 45 утверждений (1) показала неудовлетворительное соответствие данным. По итогам анализа индексов модификации из модели были исключены 15 пун-

ктов с низкими нагрузками ($\lambda < 0.4$) или перекрестными нагрузками ($\lambda > 0.4$ более чем на один фактор). Полученная модель (2) показала близкое к приемлемому соответствие. Далее производилась доработка модели на основе индексов модификации (осмысленность каждого дополнительного параметра оценивалась путем содержательной интерпретации соответствующего утверждения). По итогам анализа индексов модификации в модель 3 были введены перекрестные нагрузки для 6 утверждений; все они были слабыми ($\lambda < 0.3$), но статистически достоверными ($p < 0.001$). Были также включены ковариации ошибок для 3 пар утверждений, обладающих сходным содержанием (формулировками) и одновременно относящихся к одной шкале, что еще несколько улучшило показатели соответствия модели. Полученная модель показала приемлемое соответствие данным как на исходной подвыборке (4а), так и на подвыборке кросс-валидации (4б), где все дополнительные параметры

Таблица 3

Показатели соответствия конфирматорных моделей опросника ДТР

Модель	N	χ^2 (df)	CFI	RMSEA (90% дов. интервал)
1 (45 утверждений)	1941	11130.73 (986)	0.710	0.073 (0.072–0.074)
1 (45 утверждений)	1919	10500.19 (986)	0.734	0.071 (0.070–0.072)
2 (30 утверждений)	1941	3438.40 (402)	0.878	0.062 (0.060–0.064)
2 (30 утверждений)	1919	3271.58 (402)	0.880	0.061 (0.059–0.063)
3 (30 утверждений)	1941	2436.40 (396)	0.914	0.052 (0.050–0.054)
4 (30 утверждений)	1941	2273.63 (393)	0.924	0.050 (0.048–0.052)
4 (30 утверждений)	1919	2274.81 (393)	0.922	0.050 (0.048–0.052)
2 (30 утверждений)	261	792.21 (402)	0.902	0.061 (0.055–0.067)
4 (30 утверждений)	261	765.55 (393)	0.906	0.060 (0.054–0.067)

остались статистически достоверными ($p < 0.001$).

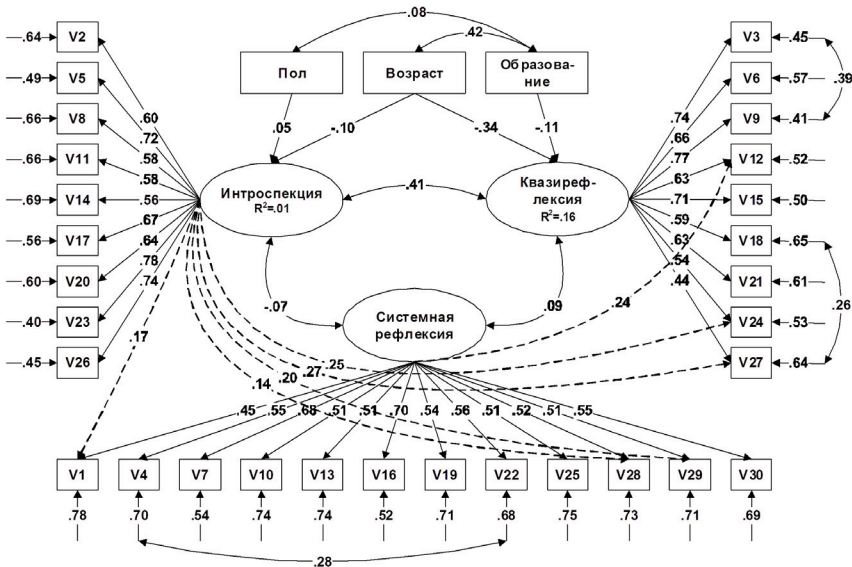
Поскольку набор утверждений был сокращен, модели 2 и 4 были проверены отдельно на выборке, получавшей сокращенную версию опросника из 30 утверждений. Теоретическая модель (2) показала несколько лучшее соответствие данным, а модель с дополнительными параметрами (4), напротив, демонстрировала несущественный прирост в показателях соответствия. Лишь 5 из 9 дополнительных параметров (3 перекрестные нагрузки и 2 ковариации ошибок) оказались статистически достоверными ($p < 0.05$). При этом значения всех теоретиче-

ски обоснованных факторных нагрузок остались высокими ($\lambda > 0.5$) и статистически достоверными ($p < 0.001$). Полученные результаты свидетельствуют об устойчивости теоретически обоснованных параметров полученной модели.

Для оценки связей показателей ДТР с демографическими предикторами (пол, возраст, образование) соответствующие переменные были введены в модель 4. Полученная модель типа МІМІС оценивалась на всей интернет-выборке ($N = 3860$); результаты представлены на рисунке 1. Два непродуктивных типа рефлексивных процессов были умеренно связаны друг с другом, их связи с

Рисунок 1

Показатели модели МІМІС с демографическими предикторами

Примечание. Перекрестные нагрузки показаны пунктиром, представлены только значимые параметры ($p < 0.05$), для наблюдаемых переменных даны значения дисперсии ошибки. Алгоритм оценки WLSMV. Показатели модели: $\chi^2 = 4882.25$, $df = 474$; CFI = 0.917, RMSEA = 0.049 (90%-ный доверительный интервал: 0.048–0.050).

системной рефлексией были крайне слабыми: таким образом, высокий уровень развития системной рефлексии может сочетаться как с низким, так и с высоким уровнем развития двух других типов рефлексивных процессов. Показатель системной рефлексии не продемонстрировал статистически достоверных связей с демографическими предикторами. Показатель интроспекции выявил слабую связь с гендером (несколько более высокий уровень у женщин) и слабую обратную связь с возрастом. Единственный выраженный по силе эффект касался обратной связи показателя квазирефлексии с возрастом: этот вид рефлексии менее свойствен взрослым респондентам. (Анализ этих эффектов с помощью ANOVA показал монотонный характер полученных связей с возрастом и образованием.)

Описательная статистика и показатели надежности по полученным шкалам на обеих выборках представлены в таблице 4. Различия в средних показателях по шкалам ДТР между интернет-пользователями и участниками летней школы были

значимыми (t -критерий Стьюдента, $p < 0.05$), но крайне слабыми (d Коэна от 0.13 до 0.22), что позволяет говорить о приблизительной эквивалентности норм при анонимном компьютерном тестировании и при анонимном бланковом варианте предъявления ДТР. Интересно, что связь между показателями системной рефлексии и интроспекции у участников летней школы оказалась выраженной: можно предположить, что с возрастом процессы системной рефлексии и интроспекции дифференцируются. На этой выборке показатели внутренней согласованности шкал методики также оказались более высокими.

Исследование 4. Психологические корреляты видов рефлексии: конвергентная и дискриминантная валидность шкал опросника ДТР

Выборка и процедура исследования

Использовались те же выборки, что в исследовании 3. Посетители веб-сайта наряду с опросником ДТР могли заполнить ряд дополнительных

Таблица 4

Описательные статистики, корреляции и показатели надежности шкал опросника ДТР

	1	2	3	M	SD	α
1. Системная рефлексия	--	0.02	0.10*	39.58	5.15	0.78
2. Интроспекция	0.37*	--	0.40*	25.11	5.68	0.83
3. Квазирефлексия	0.30*	0.48*	--	27.39	5.69	0.83
Среднее (M)	40.25	26.22	28.65			
Станд. откл. (SD)	5.42	5.49	5.38			
α Кронбаха	0.85	0.85	0.83			

методик. Участникам летней школы опросник ДТР предлагался в составе батареи методик.

Инструменты

По итогам пилотажных исследований были выдвинуты гипотезы о неодинаковых связях различных типов рефлексивных процессов с показателями психологического благополучия. Нас также интересовали связи показателей ДТР с показателями базовых личностных черт и рефлексии. Респонденты заполняли следующие методики.

Шкала удовлетворенности жизнью (ШУДЖ: Diener et al., 1985/Осин, Леонтьев, 2008) и шкала субъективного счастья (ШСС: Lyubomirsky, Lepper, 1999/Осин, Леонтьев, 2008): методики экспресс-оценки субъективного благополучия, включающие 4 и 5 утверждений соответственно, оцениваемых по 7-балльной шкале.

Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО: Осин, Леонтьев, 2013). Использовалась краткая версия опросника из 24 пунктов, включающая три шкалы: переживание одиночества, зависимость от общения и позитивное одиночество.

Тест смысложизненных ориентаций (СЖО: Леонтьев, 1992): методика включает 20 пар противоположных утверждений, оцениваемых по 7-балльной шкале. Использовался только общий показатель осмысленности жизни.

Методика определения индивидуальной меры рефлексивности (МР: Карпов, Пономарева, 2000): методика включает 27 утверждений, оцениваемых по 7-балльной шкале.

Помимо общего показателя рефлексивности, рассчитываются показатели по субшкалам: ретроспективная рефлексия деятельности, рефлексия настоящей деятельности, рассмотрение будущей деятельности, рефлексия общения и взаимодействия с людьми.

Опросник «Большая пятерка-2» (BFQ-2: Капрара и др., в печати). Помимо шкал, соответствующих пяти базовым личностным чертам (энергия, дружелюбие, добросовестность, стабильность, открытость), опросник включает две шкалы социальной желательности, отражающие приукрашивание своих субъективных качеств (эгоистическая ложь) и приукрашивание своих социальных качеств (моралистическая ложь — см.: Осин, 2011).

Результаты и обсуждение

Полученные корреляционные связи показателей ДТР со шкалами психологического благополучия представлены в таблице 5 (из интернет-выборки были выделены респонденты ($N = 1085$), заполнившие все перечисленные методики).

Результаты свидетельствуют о том, что респонденты, склонные к системной рефлексии, могут отличаться несколько более высоким уровнем субъективного благополучия (удовлетворенность жизнью, счастье), хотя эти связи довольно слабы. Гораздо более выражены отрицательные связи интроспекции с показателями субъективного благополучия, осмысленности жизни, что согласуется с существующими данными о связи сосредоточенности на себе (self-focused attention), или

Таблица 5

Корреляции показателей ДТР со шкалами психологического благополучия

Тест	Шкала	Интернет-выборка (N=1085)			Летняя школа (N=261)		
		СР	ИС	КР	СР	ИС	КР
ШУДЖ	Удовлетворенность жизнью	0.17***	-0.43***	-0.18***	0.06	-0.26***	-0.18**
ШСС	Субъективное счастье	0.17***	-0.49***	-0.16***	--	--	--
ДОПО	Общее одиночество	-0.11***	0.44***	0.23***	-0.05	0.24***	0.16*
	Зависимость от общения	-0.08**	0.31***	0.09**	-0.16*	0.18**	0.15*
	Позитивное одиночество	0.30***	0.05	0.23***	0.27***	0.09	0.15*
СЖО	Общая осмысленность жизни	--	--	--	0.09	-0.33***	-0.16*

* $p < 0.05$, *** $p < 0.01$, **** $p < 0.001$.

Примечание. Прочерк — опросник не предъявлялся, СР — системная рефлексия, ИС — интроспекция, КР — квазирефлексия.

руминации, с депрессией (Mog, Winquist, 2002). На выборке участников летней школы эти связи в целом воспроизвелись, хотя и оказались более слабыми (что может быть связано со сравнительно небольшим количеством психологически неблагополучных индивидов в выборке участников летней школы).

Связи шкалы интроспекции с показателями опросника ДОПО свидетельствуют о том, что респонденты, склонные к самокопанию, более настроены на переживание одиночества и компенсаторный поиск общения. В свою очередь, системная рефлексия связана с показателем позитивного одиночества, отражающим готовность и способность личности к

творческому использованию ситуаций уединения. Эти результаты согласуются с гипотезой о том, что системная рефлексия является продуктивным рефлексивным процессом, а интроспекция и в меньшей степени квазирефлексия — сравнительно непродуктивными компенсаторными механизмами.

Связи показателей ДТР с общим показателем методики диагностики рефлексивности А.В. Карпова и В.В. Пономаревой (таблица 6) свидетельствуют о том, что последний отражает как системную рефлексю, так и интроспекцию. Связь шкалы интроспекции с показателем ретроспективной рефлексии свидетельствует об адекватности интерпретации

Таблица 6

Корреляции показателей ДТР с индикаторами рефлексии и личностных черт

	Шкала	Системная рефлексия	Интрорепекция	Квазирефлексия
МР (N=142)	Общий показатель	0.29**	0.38***	0.13
	Ретроспективная рефлексия	0.21*	0.48***	0.23**
	Рефлексия настоящей деятельности	0.18*	-0.08	-0.20*
	Рассмотрение будущей деятельности	0.15	0.26**	0.01
	Рефлексия общения и взаимодействия	0.39***	0.27**	0.26**
ВФQ-2 (N=261)	Энергия	0.03	-0.20**	0.04
	Дружелюбие	0.17**	0.07	0.11
	Добросовестность	0.11	-0.15*	-0.25**
	Стабильность	-0.16**	-0.58***	-0.36***
	Открытость	0.37***	0.02	0.18**
	Ложь эгоистическая	-0.10	-0.44***	-0.17**
	Ложь моралистическая	-0.04	-0.08	-0.06

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

этой шкалы в качестве показателя руминации. Лишь шкала системной рефлексии позитивно связана с рефлексией актуальной деятельности.

Из черт «Большой пятерки» показатель интрорепекции демонстрирует выраженную связь с нейротизмом (обратный полюс шкалы стабильности) и обратную связь со шкалами энергии (показатель, аналогичный экстраверсии) и добросовестности. Шкала квазирефлексии также обратно связана с показателями стабильности и добросовестности. В свою очередь, системная рефлексия позитивно связана с открытостью опыту. Эти связи свидетельствуют о про-

дуктивном характере системной рефлексии и относительно дезадаптивном характере интрорепекции и квазирефлексии (таблица 6).

Показатель системной рефлексии не подвержен эффектам социальной желательности. В свою очередь, показатели интрорепекции и в небольшой степени квазирефлексии могут быть подвержены эффектам социальной желательности по типу эгоистического искажения ответов: эти показатели могут снижаться в ситуации, когда респонденты мотивированы на приукрашивание своих субъективных качеств (например, при отборе кадров).

Исследование 5. Рефлексивные процессы у успешных предпринимателей и топ-менеджеров крупных компаний

Выборка

Критериальная валидизация опросника ДТР методом контрастных групп проводилась в исследовании М.В. Курганской, Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой (2011), предметом которого выступило сравнение психологических особенностей предпринимателей (организаторов и владельцев собственного бизнеса) и высших наемных руководителей крупных бизнес-структур по сравнению с представителями среднего класса. Первая группа включала 13 предпринимателей (средний возраст – 42.8 ± 4.87 года) со среднегодовым оборотом бизнеса от 5 млн до 2 млрд долларов США. Вторая группа состояла из 8 «управленцев» (мужчины, средний возраст – 38.6 ± 9.58 года). Среднегодовой оборот контролируемого ими бизнеса составлял от 5 млн до 40 млн долларов США. Все

испытуемые были мужчинами с высшим образованием.

Результаты и обсуждение

Описательная статистика по выборкам и результаты сравнения с выборкой нормы представлены в таблице 7. Как у предпринимателей, так и у управленцев показатели по шкалам интроспекции и квазирефлексии оказались значимо ниже, чем в выборке нормы ($p < 0.001$). Различия по шкале системной рефлексии не достигают уровня значимости. Таким образом, успешные предприниматели и в меньшей степени управленцы характеризуются низким уровнем «мусорных», непродуктивных форм рефлексии.

Исследование 6.

Связь рефлексивных процессов с практиками саморегуляции

Для изучения связи между шкалами ДТР и другими особенностями саморегуляции было проведено исследование, направленное на изучение особенностей различных аспектов

Таблица 7

Описательная статистика по выборкам предпринимателей и управленцев и результаты сравнения с выборкой нормы

	Предприниматели (N=13)		Управленцы (N=8)		Сравнение с нормой (N=3860)			
	M	SD	M	SD	Предпр.		Управл.	
					t	d	t	d
CP	37.54	6.32	37.88	5.84	1.80	0.50	1.23	0.44
ИС	15.77	3.17	19.09	4.35	6.86*	1.91	3.67*	1.30
КР	17.00	3.00	22.38	2.56	7.80*	2.17	3.30*	1.17

* t-критерий Стьюдента, двусторонний: $p < 0.001$.

саморегуляции у россиян, практикующих хатха-йогу (Архипова и др., 2011).

Выборка

Выборка включала 51 жителя Москвы, в том числе 16 мужчин и 35 женщин, в возрасте от 22 до 60 лет ($M = 38.0$; $SD = 11.2$). Опрошенные занимались хатха-йогой в «Школе Виктора Бойко», организованной при поддержке Общественной палаты РФ и Общероссийской организации «Лига здоровья нации» в 2000 г. Из них 28 человек занимались более года, а 23 — от полугода до года.

Процедура

Инструктор по хатха-йогое выдавал батарею методик для заполнения перед занятием. Респондентам сообщалось о конфиденциальности данных и предоставлялась обратная связь.

Инструменты

Респонденты сообщали о своем стаже занятий йогой по 5-балльной порядковой шкале («только приступаю», «несколько месяцев», «полгода-год», «несколько лет», «много лет»), а также об опыте занятий другими техниками саморегуляции, помимо йоги, по 3-балльной шкале («нет, никогда», «пробовал кое-что», «имею опыт занятий»).

Помимо дифференциального теста рефлексивности, в батарею вошли следующие опросники.

Шкала удовлетворенности жизнью (ШУДЖ: Diener et al., 1984/Осин, Леонтьев, 2008).

Тест смысложизненных ориентаций (СЖО: Леонтьев, 1992).

Тест жизнестойкости (ТЖс: Леонтьев, Рассказова, 2006) в версии из 45 утверждений, оцениваемых по 4-балльной шкале.

Шкалы субъективной витальности (Ryan, Frederick, 1997/русская версия Л.А. Александровой и Д.А. Леонтьева: Александрова, 2011) как состояния (Vt-s) и диспозиции (Vt-d). Каждая шкала включает 7 утверждений, оцениваемых по 7-балльной шкале.

Опросник контроля за действием НАКЕМР (Kuhl, 1990/русская версия И.А. Васильева, С.А. Шапкина и Д.А. Леонтьева, см.: Васильев и др., 2011) включает 36 пунктов, представляющих собой выбор из двух альтернатив и сгруппированных в три шкалы: контроль за действием при неудаче (КДН), контроль за действием при планировании (КДП), контроль за действием при реализации (КДР).

Результаты и обсуждение

Корреляции Спирмена между показателями стажа занятий йогой, рефлексивности и другими показателями психологического благополучия и саморегуляции приведены в таблице 8.

Стаж занятий йогой продемонстрировал значимые обратные связи с показателями двух негативных, «мусорных» вариантов рефлексии, ухудшающих саморегуляцию. Их снижение хорошо согласуется с задачей начального этапа обучения йоге — очищения, или спрямления сознания, — и свидетельствует об успехе в этом. Опыт занятия другими

Таблица 8

Корреляции Спирмена между переменными исследования 6 (N = 51)

Шкала	Стаж, йога	Опыт др. практик	Системная рефлексия	Интроспекция	Квази-рефлексия
Стаж, йога	--	0.00	-0.07	-0.38**	-0.44**
Опыт др. практик	0.00	--	0.29*	-0.41**	-0.19
Удовлетворенность жизнью	0.17	0.32*	0.08	-0.60***	-0.33*
Витальность как диспозиция	0.10	0.29*	0.27	-0.54***	-0.16
Витальность как состояние	0.15	0.36**	0.20	-0.54***	-0.29*
Осмысленность жизни	0.10	0.30*	0.20	-0.58***	-0.22
Жизнестойкость	0.11	0.37**	0.19	-0.59***	-0.29*
КД при неудаче	0.36**	0.24	0.00	-0.71***	-0.65***
КД при планировании	0.17	0.10	0.23	-0.62***	-0.37**
КД при реализации	0.04	0.06	0.19	-0.04	-0.01

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Таблица 9

Описательные статистики по выборке практикующих йогу и результаты сравнения с выборкой нормы

	Практикующие йогу (все, N = 51)		Практикующие > 1 года (N = 28)		Сравнение с нормой (N=3860)			
	M	SD	M	SD	Практик.		Более года	
					<i>t</i>	<i>d</i>	<i>t</i>	<i>d</i>
CP	38.90	5.24	38.14	5.68	1.77	0.25	2.05*	0.39
ИС	21.86	5.10	20.86	5.61	5.64***	0.80	5.15***	0.98
КР	21.37	5.06	19.86	5.02	9.61***	1.35	8.62***	1.63

* $p < 0.05$ ***, $p < 0.001$ (t-критерий Стьюдента, двусторонний).

практиками саморегуляции был связан с более высоким уровнем системной рефлексии и более низким уровнем интроспекции. Вероятно, одним из основных механизмов, определяющих эффективность практик саморегуляции, является перестройка рефлексивных процессов.

Результаты сравнения практикующих йогу с выборкой нормы представлены в таблице 9. Респонденты, практикующие йогу, отличаются от респондентов, вошедших в выборку стандартизации, более низким уровнем интроспекции и квази-рефлексии, причем выраженность

этих различий сильнее у респондентов, чей стаж занятий йогой превышает 1 год. При этом лишь у последних наблюдается сравнительно небольшое снижение показателя системной рефлексии.

Заключение

В данной статье представлены результаты разработки новой методики Дифференциальный тест рефлексивности (ДТР), опирающейся на авторскую теоретическую модель. Результаты проведенных исследований показывают полную адекватность дифференциального подхода к рефлексивности, ее «хорошей», продуктивной разновидности (системная рефлексия) и двум «дурным»,

непродуктивным вариантам (самокопание и квазирефлексия). Полученные данные убедительно свидетельствуют о структурной валидности методики и достаточно высокой надежности ее шкал для целей индивидуальной диагностики. Результаты проверки критериальной валидности методики свидетельствуют о более низкой выраженности непродуктивных типов рефлексии у успешных предпринимателей и руководителей; сходную картину демонстрирует выборка практикующих йогой и другие практики саморегуляции. Таким образом, методика ДТР может быть рекомендована как надежный и валидный исследовательский и диагностический инструмент широкого спектра применения.

Литература

- Александрова, Л. А. (2014). Субъективная витальность как предмет исследования. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 11(1), 133–163.
- Аршипова, Е. Ю., Леонтьев, Д. А., Рассказова, Е. И. (2011). Специфика личностной саморегуляции у лиц, практикующих хагха-йогу. В кн. *Психология здоровья: спорт, профилактика, образ жизни. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции* (с. 40–43). М.: МГППУ.
- Васильев, И. А., Митина, О. В., Шапкин, С. А. (2011). Контроль за действием как составляющая личностного потенциала. В кн. Д. А. Леонтьев (Ред.), *Личностный потенциал: структура и диагностика* (с. 330–359). М.: Смысл.
- Иванченко, Г. В. (2009). *Забота о себе: история и современность*. М.: Смысл.
- Капра, Дж. В., Барбаранелли, К., Боргоњи, Л., Веккьоне, М., Осин, Е. Н. (в печати). *BFQ-2: Опросник «Большая пятерка – 2»*. М.: Смысл.
- Карпов, А. В., Пономарева, В. В. (2000). *Психология рефлексивных процессов управления*. М.; Ярославль: ДИА – Пресс.
- Курганская, М. В., Леонтьев, Д. А., Рассказова, Е. И. (2011). Личностный потенциал предпринимателей и менеджеров высшего управленческого звена. В кн. Д. А. Леонтьев (Ред.), *Личностный потенциал: структура и диагностика* (с. 491–510). М.: Смысл.
- Леонтьев, Д. А. (1992). *Тест смысложизненных ориентаций (СЖО)*. М.: Смысл.
- Леонтьев, Д. А. (1999). *Психология смысла*. М.: Смысл.
- Леонтьев, Д. А. (2007). Восхождение к экзистенциальному миропониманию. В кн. Д. А. Леонтьев (Ред.), *Третья Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений* (с. 3–12). М.: Смысл.

- Леонтьев, Д. А. (2009). Рефлексия как предпосылка самодетерминации. В кн. А. Л. Журавлев (Ред.), *Психология человека в современном мире: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна* (т. 2, с. 40–49). М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Леонтьев, Д. А., Аверина, А. Ж. (2011). Феномен рефлексии в контексте проблемы саморегуляции. *Психологические исследования: электрон. науч. журн.*, 2(16). Режим доступа: <http://psy-study.ru/index.php/num/2011n2-16/463-leontiev-averina16.html> (дата обращения: 17.12.2014).
- Леонтьев, Д. А., Лаптева, Е. М., Осин, Е. Н., Салихова, А. Ж. (2009). Разработка методики дифференциальной диагностики рефлексивности. В кн. В. Е. Лепский (Ред.), *Рефлексивные процессы и управление: Сборник материалов VII Международного симпозиума* (с. 145–150). М.: Когито-Центр.
- Леонтьев, Д. А., Рассказова, Е. И. (2006). *Тест жизнестойкости*. М.: Смысл.
- Леонтьев, Д. А., Салихова, А. Ж. (2007). Взгляд на себя со стороны как предпосылка системной рефлексии. В кн. *Материалы IV Всероссийского съезда РПО* (т. 2, с. 237–238). М.; Ростов н/Д.: Кредо.
- Луковицкая, Е. Г. (1998). *Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности* (Автореферат кандидатской диссертации, Санкт-Петербург: СПбГУ).
- Лэнгле, А. (2002). Значение самопознания в экзистенциальном анализе и логотерапии: сравнение подходов. *Московский психотерапевтический журнал*, 4, 150–168.
- Лэнгле, А. (2005). *Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности*. М.: Генезис.
- Осин, Е. Н. (2011). Проблема социальной желательности в исследованиях личностного потенциала. В кн. Д. А. Леонтьев (Ред.), *Личностный потенциал: структура и диагностика* (с. 454–468). М.: Смысл.
- Осин, Е. Н., Леонтьев, Д. А. (2008). Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия. В кн. *Материалы III Всероссийского социологического конгресса*. М.: Институт социологии РАН; Российское общество социологов.
- Розанов, В. (1994). Цель человеческой жизни. В кн. Н. К. Гаврюшина (Ред.), *Смысл жизни: антология* (с. 19–64). М.: Изд. группа «Прогресс-Культура».
- Рубинштейн, С. Л. (1997). *Человек и мир*. М.: Наука.
- Бурне, В. М. (2012). *Structural equation modeling with Mplus: Basic concepts, applications, and programming*. N.Y.: Routledge.
- Csikszentmihalyi, M. (1993). *The evolving self*. N.Y.: HarperPerennial.
- Csikszentmihalyi, M. (2006). Introduction. In M. Csikszentmihalyi, & I. S. Csikszentmihalyi (Eds.), *A life worth living: Contributions to positive psychology* (pp. 3–14). N.Y.: Oxford University Press.
- Diener, E. D., Emmons, R. A., Larsen, R. J., & Griffin, S. (1985). The satisfaction with life scale. *Journal of Personality Assessment*, 49(1), 71–75.
- Kuhl, J. (1987). Action Control: The maintenance of motivational states. In F. Halisch, & J. Kuhl (Eds.), *Motivation, intention, and volition* (pp. 279–291). Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag.
- Kuhl, J. (1990). *Instructions for questionnaire HAKEMP Version 1990*. Munich: Max Planck Institute.
- Leontiev, D., & Salikhova, A. (2010). Looking at oneself as inner dialogue. *International Journal for Dialogical Science*, 4(2), 95–104.
- Lyubomirsky, S., & Lepper, H. S. (1999). A measure of subjective happiness: Preliminary reliability and construct validation. *Social Indicators Research*, 46(2), 137–155.
- McLain, D. L. (1993). The MSTAT-I: A new measure of an individual's tolerance for ambiguity. *Educational and Psychological Measurement*, 53(1), 183–189.

- Mor, N., & Winquist, J. (2002). Self-focused attention and negative affect: a meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 128(4), 638–662.
- Nolen-Hoeksema, S., Wisco, B. E., & Lyubomirsky, S. (2008). Rethinking rumination. *Perspectives on Psychological Science*, 3(5), 400–424.
- Ryan, R. M., & Frederick, C. (1997). On energy, personality, and health: Subjective vitality as a dynamic reflection of well being. *Journal of Personality*, 65(3), 529–565.
- Tangney, J. P., Baumeister, R. F., & Boone, A. L. (2004). High self control predicts good adjustment, less pathology, better grades, and interpersonal success. *Journal of Personality*, 72(2), 271–324.

Приложение

Бланк и ключи Дифференциального теста рефлексивности

Пожалуйста, оцените предложенные утверждения, отмечая галочкой тот ответ, который наилучшим образом отражает Ваше мнение.		Нет	Скорее нет, чем да	Скорее да, чем нет	Да
1	Я обычно задумываюсь о причинах того, что со мной происходит	☐	☐	☐	☐
2	Иногда внимание к собственным переживаниям отвлекает меня от дел.	☐	☐	☐	☐
3	Я люблю мечтать о том, чего в моей жизни нет.	☐	☐	☐	☐
4	Анализируя собственные действия, я узнаю о себе что-то новое.	☐	☐	☐	☐
5	Я склонен долго переживать по поводу происходящего.	☐	☐	☐	☐
6	Я могу замечаться и забыть обо всем.	☐	☐	☐	☐
7	Изучение других людей помогает мне лучше понимать самого себя.	☐	☐	☐	☐
8	Когда у меня что-то идет не так, мне трудно от этого отвлечься.	☐	☐	☐	☐
9	Я люблю пофантазировать.	☐	☐	☐	☐
10	Часто полезно остановиться, чтобы лучше понять ситуацию в целом.	☐	☐	☐	☐
11	Мне бывает трудно перейти от размышлений к действию.	☐	☐	☐	☐
12	Мне интересно представлять себя в разных ситуациях.	☐	☐	☐	☐

<i>Пожалуйста, оцените предложенные утверждения, отмечая галочкой тот ответ, который наилучшим образом отражает Ваше мнение.</i>		<i>Нет</i>	<i>Скорее нет, чем да</i>	<i>Скорее да, чем нет</i>	<i>Да</i>
13	В случае конфликта полезно попытаться увидеть ситуацию глазами оппонента.	☐	☐	☐	☐
14	Приступая к какому-либо делу, я долго беспокоюсь о том, что получится в результате.	☐	☐	☐	☐
15	Я люблю представлять в своем воображении случайные встречи.	☐	☐	☐	☐
16	Самопознание помогает понимать других людей.	☐	☐	☐	☐
17	Когда я замечаю, что тревожусь о чем-то, я начинаю переживать еще сильнее.	☐	☐	☐	☐
18	Занимаясь чем-то, я нередко мысленно переношусь совсем в другое место.	☐	☐	☐	☐
19	Чтобы понять ситуацию, нужно уметь соотносить свои чувства с тем, что их вызывает.	☐	☐	☐	☐
20	Нередко я не могу отделаться от мыслей о моих текущих проблемах.	☐	☐	☐	☐
21	Мне нравится мысленно путешествовать по местам, где я еще не был.	☐	☐	☐	☐
22	Больше всего я узнаю о себе, когда я анализирую то, что я сделал или делаю.	☐	☐	☐	☐
23	Порой я настолько сильно переживаю свои ошибки, что не в состоянии ничего сделать, чтобы их исправить.	☐	☐	☐	☐
24	Я часто фантазирую о том, как моя жизнь могла бы сложиться иначе.	☐	☐	☐	☐
25	Расхождение взглядов других людей с моими служит для меня источником ценной информации.	☐	☐	☐	☐
26	Я постоянно думаю о своих неудачах.	☐	☐	☐	☐
27	Мне легко увлечься посторонними мыслями.	☐	☐	☐	☐
28	Я обращаю внимание на то, как я реагирую на людей и события.	☐	☐	☐	☐

<i>Пожалуйста, оцените предложенные утверждения, отмечая галочкой тот ответ, который наилучшим образом отражает Ваше мнение.</i>		<i>Нет</i>	<i>Скорее нет, чем да</i>	<i>Скорее да, чем нет</i>	<i>Да</i>
29	Когда в моей жизни происходит что-то необычное, я вижу в этом повод задуматься.	☐	☐	☐	☐
30	Во многих ситуациях бывает полезно сначала разобраться в собственных желаниях и чувствах.	☐	☐	☐	☐

Все ответы респондента оцениваются по восходящей шкале: «Нет» = 1, «Скорее нет» = 2, «Скорее да» = 3, «Да» = 4. Балл по шкале рассчитывается как сумма ответов на составляющие ее пункты.

Шкала	Пункты	Нормы (N = 3860)	
		Среднее	Станд. откл.
Системная рефлексия	1, 4, 7, 10, 13, 16, 19, 22, 25, 28, 29, 30	39.58	5.15
Интроспекция	2, 5, 8, 11, 14, 17, 20, 23, 26	25.11	5.68
Квазирефлексия	3, 6, 9, 12, 15, 18, 21, 24, 27	27.39	5.69

“Good” and “Bad” Reflection: From an Explanatory Model to Differential Assessment

Dmitry A. Leontiev

Head of the International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation, HSE
E-mail: dleon@smysl.ru

Evgeny N. Osin

Associate professor, Psychology department, HSE
E-mail: evgeny.n.osin@gmail.com

Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, Russia, 101000

Abstract

We analyze the problem of the role of reflective processes in self-regulation and explain the diversity of existing opinions by introducing a model of reflective processes that differentiates their positive (systemic reflection) and negative varieties (quasi-reflection, introspection). The model was operationalized in a new instrument, 30-item Differential Test of Reflection (DTR) with scales of systemic reflection, introspection, and quasi-reflection. The paper describes 6 studies aimed at development and validation of the DTR. The structure of the instrument was estab-

lished using confirmatory factor analysis in an Internet sample (N = 3860) and cross-validated in a summer school participant sample (N = 261). The scales demonstrate acceptable reliability ($0.78 < \alpha < 0.85$); the two negative reflection scales are moderately correlated and show weak associations with the systemic reflection scale. All three reflection scales were positively associated with other existing reflection indicators. The systemic reflection scale showed weak to moderate positive correlations with measures of happiness, life satisfaction, openness to experience, emotional stability, and positive solitude. The introspection scale demonstrated moderate negative correlations with measures of happiness, life satisfaction, subjective vitality, meaning, hardiness, action orientation, and emotional stability, as well as positive ones with measures of loneliness and dependence on communication; the quasi-reflection scale showed weaker, but similar effects. In samples of large business owners and top-managers (N = 21) and yoga practitioners (N = 51) we found lower ($d > 0.80$) introspection and quasi-reflection scores, compared to the two normal samples. The results suggest that the DTR is a reliable and valid instrument for differential assessment of reflective processes.

Keywords: reflection, self-regulation, introspection, rumination, psychological well-being, self-distancing, systemic reflection, consciousness, self-experience, structural equation modelling.

References

- Aleksandrova, L. A. (2014). Subjective vitality as a research object. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, *11*(1), 133–163.
- Arkipova, E. Yu., Leontiev, D. A., & Rasskazova, E. I. (2011). Spetsifika lichnostnoi samoregulyatsii u lits, praktikuyushchikh khatkha-iogu [Characteristics of personality self-regulation in hatha yoga practitioners]. In *Psikhologiya zdorov'ya: sport, profilaktika, obraz zhizni. Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Health psychology: Sports, prophylaxis, lifestyle. Proceedings of the Russian conference on research and practice] (pp. 40–43). Moscow: MGPPU.
- Byrne, B. M. (2012). *Structural equation modeling with Mplus: Basic concepts, applications, and programming*. New York: Routledge.
- Caprara, G. V., Barbaranelli, C., Borgogni, L., Vecchione, M., & Osin, E. N. (in press). *BFQ-2: Oprosnik “Bol'shaya pyaterka – 2”* [BFQ-2: “Big Five – 2” Questionnaire]. Moscow: Smysl.
- Csikszentmihalyi, M. (1993). *The evolving self*. New York: HarperPerennial.
- Csikszentmihalyi, M. (2006). Introduction. In M. Csikszentmihalyi, & I. S. Csikszentmihalyi (Eds.). *A life worth living: Contributions to positive psychology* (pp. 3–14). New York: Oxford University Press.
- Diener, E. D., Emmons, R. A., Larsen, R. J., & Griffin, S. (1985). The satisfaction with life scale. *Journal of Personality Assessment*, *49*(1), 71–75.
- Ivanchenko, G. V. (2009). *Zabota o sebe: istoriya i sovremennost'* [Caring for oneself: History and modernity]. Moscow: Smysl.
- Karpov, A. V., & Ponomareva, V. V. (2000). *Psikhologiya reflektivnykh protsessov upravleniya* [Psychology of reflective processes in management]. Moscow; Yaroslavl: DIA – Press.
- Kuhl, J. (1987). Action Control: The maintenance of motivational states. In F. Halisch, & J. Kuhl (Eds.), *Motivation, intention, and volition* (pp. 279–291). Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag.
- Kuhl, J. (1990). *Instructions for questionnaire HAKEMP Version 1990*. Munich: Max Planck Institute.

- Kurganskaya, M. V., Leontiev, D. A., & Rasskazova, E. I. (2011). *Lichnostnyi potentsial predprinimatelei i menedzherov vysshego upravlencheskogo zvena* [Personality potential in entrepreneurs and top-level managers]. In D. A. Leontiev (Ed.), *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* [Personality potential: Structure and assessment] (pp. 491–510). Moscow: Smysl.
- Längle, A. (2002). *Znachenie samopoznaniya v ekzistentsial'nom analize i logoterapii: sravnenie podkhodov* [The significance of self-experience in existential analysis and logotherapy: A comparison of approaches]. *Moskovskii Psikhoterapevticheskii Zhurnal*, 4, 150–168.
- Längle, A. (2005). *Person: Ekzistentsial'no-analiticheskaya teoriya lichnosti* [The Person: Existential-analytic personality theory]. Moscow: Genезis.
- Leontiev, D. A. (1992). *Test smyslozhiznennykh orientatsii (SZhO)* [Noetic orientations test (SZhO)]. Moscow: Smysl.
- Leontiev, D. A. (1999). *Psikhologiya smysla* [The psychology of meaning]. Moscow: Smysl.
- Leontiev, D. A. (2007). *Voskhozhdenie k ekzistentsial'nomu miroponimaniyu* [Attaining an existential worldview]. In D. A. Leontiev (Ed.), *Tret'ya Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya po ekzistentsial'noi psikhologii: Materialy soobshchenii* [Third Russian conference on the science and practice of existential psychology] (pp. 3–12). Moscow: Smysl.
- Leontiev, D. A. (2009). *Refleksiya kak predposylka samodeterminatsii* [Reflection as a prerequisite for self-determination]. In A. L. Zhuravlev (Ed.), *Psikhologiya cheloveka v sovremennom mire: Materialy Vserossiiskoi yubileinoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 120-letiyu so dnya rozhdeniya S.L. Rubinshteina* [Psychology of a human being in a modern world: Proceeding of the Russian scientific conference on the 120th anniversary of S.L. Rubinstein] (Vol. 2, pp. 40–49). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Leontiev, D. A., & Averina, A. J. (2011). *The phenomenon of self-reflection in the context of self-regulation problem. The phenomenon of self-reflection in the context of self-regulation problem. Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2(16). Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/eng/2011n2-16/476-leontiev-averina16e.html>
- Leontiev, D. A., Lapteva, E. M., Osin, E. N., & Salikhova, A. Zh. (2009). *Razrabotka metodiki differentsial'noi diagnostiki refleksivnosti* [Development of a method for differential assessment of reflective processes]. In V. E. Lepskii (Ed.), *Refleksivnye protsessy i upravlenie: Sbornik materialov VII Mezhdunarodnogo simpoziuma* [Reflective processes and management. Proceedings of 7th International symposium] (pp. 145–150). Moscow: Kogito-Tsentr.
- Leontiev, D. A., & Rasskazova, E. I. (2006). *Test zhiznestoikosti* [Hardiness test]. Moscow: Smysl.
- Leontiev, D. A., & Salikhova, A. Zh. (2007). *Vzglyad na sebya so storony kak predposylka sistemnoi refleksii* [Looking at oneself from aside as a prerequisite for systemic reflection]. In *Materialy IV Vserossiiskogo s'ezda RPO* [Proceedings of the 4th Russian convention of the Russian Psychological Society] (Vol. 2, pp. 237–238). Moscow; Rostov-on-Don: Kredo.
- Leontiev, D., & Salikhova, A. (2010). *Looking at oneself as inner dialogue. International Journal for Dialogical Science*, 4(2), 95–104.
- Lukovitskaya, E. G. (1998). *Sotsial'no-psikhologicheskoe znachenie tolerantnosti k neopredelennosti* [Social-psychological significance of tolerance for ambiguity] (Extended abstract of PhD dissertation, Saint Petersburg, Saint-Petersburg State University).
- Lyubomirsky, S., & Lepper, H. S. (1999). *A measure of subjective happiness: Preliminary reliability and construct validation. Social Indicators Research*, 46(2), 137–155.
- McLain, D. L. (1993). *The MSTAT-I: A new measure of an individual's tolerance for ambiguity. Educational and Psychological Measurement*, 53(1), 183–189.

- Mor, N., & Winquist, J. (2002). Self-focused attention and negative affect: a meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 128(4), 638–662.
- Nolen-Hoeksema, S., Wisco, B. E., & Lyubomirsky, S. (2008). Rethinking rumination. *Perspectives on Psychological Science*, 3(5), 400–424.
- Osin, E. N. (2011). Problema sotsial'noi zhelatel'nosti v issledovaniyakh lichnostnogo potentsiala [The problem of social desirability in personality potential studies]. In D. A. Leontiev (Ed.), *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* [Personality potential: Structure and assessment] (pp. 454–468). Moscow: Smysl.
- Osin, E. N., & Leontiev, D. A. (2008). Aprobatsiya russkoyazychnykh versii dvukh shkal ekspresotsenki sub"ektivnogo blagopoluchiya [Development of the Russian versions of two scales for express assessment of subjective well-being]. In *Materialy III Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa* [Proceedings of the Third Russian sociological congress]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences; Russian Society of Sociologists.
- Rozanov, V. (1994). Tsel' chelovecheskoi zhizni [The aim of human life]. In N. K. Gavryushina (Ed.), *Smysl zhizni: antologiya* [Life meaning: An anthology] (pp. 19–64). Moscow: Progress-Kul'tura.
- Rubinshtein, S. L. (1997). *Chelovek i mir* [Man and the world]. Moscow: Nauka.
- Ryan, R. M., & Frederick, C. (1997). On energy, personality, and health: Subjective vitality as a dynamic reflection of well being. *Journal of Personality*, 65(3), 529–565.
- Tangney, J. P., Baumeister, R. F., & Boone, A. L. (2004). High self control predicts good adjustment, less pathology, better grades, and interpersonal success. *Journal of Personality*, 72(2), 271–324.
- Vasiliev, I. A., Mitina, O. V., Shapkin, S. A. (2011). Kontrol' za deistviem kak sostavlyayushchaya lichnostnogo potentsiala [Action control as a component of personality potential]. In D. A. Leontiev (Ed.), *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* [Personality potential: Structure and assessment] (pp. 330–359). Moscow: Smysl.

TO SAY “YES” TO ONESELF: EXISTENTIAL-ANALYTICAL PERSPECTIVE ON AUTONOMY

E.B. STANKOVSKAYA

Stankovskaya Elena B. — Senior Lecturer, HSE.
E-mail: stankovskaya@hse.ru
Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation, 101000

Abstract

Psychotherapeutic practice calls for creating conceptions of autonomy, which can be utilized in work with clients. This article focuses on the psychotherapeutic approach called “existential analysis and logotherapy” and makes explicit its ideas regarding autonomy. Specifically, the three key theoretical underpinnings of understanding and development of one’s autonomy are described. It is shown that existential-analytical practice is guided by the notions of “person”, dialogue/relatedness and phenomenology. The structural model of autonomy on the basis of existential analysis is discussed. It is argued that, although traditionally autonomy is strongly associated with the third fundamental motivation — the motivation to “be oneself” — this position is insufficient for practice. Thus, the central argument of the paper is that, from a structural perspective, the most useful way to address the issue of autonomy is to consider it as the interplay of the four fundamental existential motivations, described by A. Längle. Therefore, the process of maintaining autonomy includes four different kinds of affirmation. The person says “yes” to his or her subjective reality, own feelings, uniqueness and distinctiveness, and agentive presence in others and in the world. The paper also provides illustrations from psychotherapeutic practice to justify this standpoint.

Keywords: autonomy, existential psychotherapy, existential analysis and logotherapy, self.

Introduction

There is an enormous diversity among psychologists on the issue of autonomy. Some researchers argue that autonomy is an illusion and reveal

automaticity of higher mental processes (Bargh, Chen, & Burrows, 1996; Bargh & Chartrand, 1999; Bargh & Ferguson, 2000). Others understand self as simply a socially constructed concept, and insist that the sense of self and

autonomy is a set of positions within social networks (Auerbach, 1985; Cox & Lyddon, 1997; Richert, 2002). However, these perspectives provide little support for psychotherapy, which traditionally considers the development of one's autonomy as both a key aim and an effective means of therapeutic change (van Deurzen, 2002; Cooper, 2003; Längle, 2000, 2008; McWilliams, 1994; Meekums, 2006; Rogers, 1951, 1957; Spinelli, 2001, 2005, 2007; Yalom, 1980). Thus, the useful (for practice) concept of autonomy is required. This article focuses on existential-analytical ideas regarding autonomy and reflects upon their application in psychotherapy and counseling. Specifically, the central argument of this paper is that the development of autonomy is the interplay of the four fundamental existential motivations.

The first part of the article briefly reviews the history and the content of existential analysis and logotherapy. Its key propositions concerning autonomy are outlined in the second part, then, in more detail, the structural model of autonomy is presented and illustrated with examples from psychotherapeutic practice.

Existential Analysis and Logotherapy: Overview

Existential analysis and logotherapy is an approach developed within the existential tradition in psychotherapy and counseling. It was derived from V. Frankl's ideas (Frankl, 1984, 1988) by his follower A. Längle (Längle, 2000, 2008, 2011, 2012; Längle & Kriz, 2012).

Längle defines it as a phenomenological and "person-oriented" form of psychotherapy and counseling, which

helps an individual to form an authentic constant dialogue with the world and with his/herself, and, in doing so, to come to life with "inner consent" (Längle, 2012). As in Frankl's teaching, in this approach the search for meaning is considered to be one of the person's deepest and primary motivations. However, phenomenological investigations of human existence conducted by Längle and his colleagues have revealed other sources of activity that precede the motivation of meaning (Längle, 2011, 2012). The results of these phenomenological investigations were summarized in a structural model of the *four fundamental existential motivations*, which differs significantly from original Frankl's standpoint.

According to Längle, a person's activity is structured in four main dimensions: finding a basis for living in the world; establishing a relationship to life; being oneself through maintaining identity and authenticity; and, finally, the creative developing of "becoming" (Längle, 2008, 2011, 2012). Let's examine each of these dimensions more closely.

The first fundamental motivation deals with the question of physical and spiritual presence in the world ("I am — can I be?"). It corresponds with the horizon of the possible and real: current circumstances, both external and internal conditions. At this level, a person makes efforts to maintain protection, space and support from others with the purpose of strengthening their ability "to be". Disturbances at this dimension declare themselves through anxiety/fear and psychotic disorders (Längle, 2012).

The second fundamental motivation addresses the question of the quality of

one's presence in the worlds ("I am — do I like it?"). The person has a concern not only in the horizon of the possible, but also in that of the valuable. At this level, he or she is occupied by human nature in its vitality and works on the attitude toward life. To experience the value of their life, the person needs relationships, time and closeness to the values. Failures at this dimension manifest themselves in depression (Ibid.).

The third fundamental motivation refers to the questions of authenticity and justice ("I am — how I can be myself in relationships with others?") and thus corresponds with the horizon of the ethically acceptable. At this level, the person delineates and appreciates what constitutes their uniqueness and the uniqueness of others. Hence, this dimension opens up opportunities for personal encounters with other people. The ability to esteem one's own worth is initially based on attention, justice and recognition received from others. If this motivation is disturbed, different histrionic symptoms and personality disorders occur (Ibid.).

The fourth fundamental motivation focuses on the question of meaning ("I am — what do I live for?"). From an existential-analytical perspective, the person can really fulfill themselves in meaningful actions. It corresponds with a wider tradition of existential thinking; for instance, with I. Yalom's idea that every real choice involves actions in the world (Yalom, 1980). The first three fundamental motivations may be considered as a kind of preparation for these meaningful actions and, therefore, precede "the will to meaning". "This dimension of existence deals with our inherent desire to

turn our contributions to life into a meaningful whole; to become fruitful in life" (Längle, 2012, p.167). At this level the person expresses their authentic position in a wider context of life to develop a preferred and more valuable future. Disturbances at this level take the forms of an "existential vacuum" (Frankl), suicidal behavior and addictions (Längle, 2012).

Of course, these motivations are interrelated and can be separated only artificially for practical and didactic reasons. In psychotherapy and counseling, the theory of the four fundamental motivations is used for structural diagnostics and conceptualization of an individual case, and also for elaborating a therapeutic strategy. Some additional details of this theory will be discussed in the section about the development of autonomy, while the key existential-analytical propositions regarding the autonomy will be addressed in the next section.

Existential-Analytical Perspective on Autonomy

We argue that the *three interrelated key principles underlie the way an existential-analytical practitioner addresses the issue of autonomy in his or her psychotherapeutic practice*. They are: *the notion of "person"; phenomenology; and the idea of relatedness/dialogue*.

Developing one's autonomy is a central theme in existential psychotherapy and counseling (van Deurzen, 2002; Längle, 2000; Spinelli, 2005, 2007; Valle, 1978; Yalom, 1980). From the existential-analytical perspective, autonomy is primarily based on the spiritual power — the source of decisions, freedom and responsibility — called

"person", in Längle's terminology (Längle, 2000, 2008). Although it cannot be fixed or "located", it reveals itself through resonance with different aspects of life. The very possibility of "being oneself" and creating the self are embedded in this spiritual dimension, in one's "essence". Thus, the development of autonomy implements the *reunion of the I/self with the "person", which enables authentic positioning and responsible actions and leads to a life with "inner consent"*.

The idea of "free will", despite its attractiveness, is challenging in respects of the uncertainty and anxiety that it brings. Although human freedom is limited, its comprehension leads to a considerably unstable and complicated conception of oneself and others. If clients accept this notion, they discover themselves and others as a process of constant change, as a flow of feelings, desires, impulses, positions and identities, which they cannot entirely control or manipulate. This unsteadiness of human beings increases their anxiety and requires specific attitudes towards themselves and others. Since this spiritual dimension cannot be explained or fixed, it must be understood through the means of *phenomenology* (Längle, 2011, 2012; Luginbühl-Schwab, 2008).

According to existential analysis, one of the key characteristics of the "person" is a state of constant dialogue with the world and with itself. This brings us to the third theoretical underpinning, which guides existential-analytical practice concerning autonomy — *dialogue/relatedness*. As another existential thinker, E. Spinelli, stated:

Viewed from an existential standpoint, questions of choice, freedom and responsibility cannot be isolated or contain-

ed within some separate being (such as 'self' or 'other'). In the inescapable interrelationship that exists between 'a being' and 'the world', each impacts upon and implicates the other, each is defined through the other and, indeed, each 'is' through the existence of the other. Viewed in this way, no choice can be mine or yours alone, no experienced impact of choice can be separated in terms of 'my responsibility' versus 'your responsibility', no sense of personal freedom can truly avoid its interpersonal dimensions" (Spinelli, 2001, p. 16).

In practice it results in a shift from the purpose of "gaining autonomy" to the task of understanding how existing relationships support and block one's autonomy, and maintaining a more balanced stance towards it (through development of the client's inner and external dialogue). For example, when "Ann" (aged 29) came to psychotherapy, her will to maintain autonomy frightened her. Our phenomenological investigation revealed that she was torn between her desire to develop her autonomy and the reaction of her family to it. In particular, Ann's grandmother not only threatened that she would die but also literally suffered a serious relapse of her chronic disease every time the client showed the signs of her independence. In reaction, the whole family blamed and reproached Ann for being selfish. During our sessions the client analyzed this complicated situation and made efforts to take her personal position towards it. Her first position taken in psychotherapy was that she continued to "care for her family" from the standpoint of choice. Although Ann's behavior didn't significantly change, her attitudes towards it

and her feelings became completely different. Subjectively, she was liberated and, thus, felt herself be more autonomous.

All these principles are used in one of the main methods of work in existential analysis and logotherapy — in personal existential analysis (PEA), created by Längle (Längle, 2000). In particular, the method reinforces the “person” by strengthening or restoring their authentic dialogue with themselves and with the world. The psychotherapist invites the client to undertake phenomenological investigation of his or her experience: the practitioner tends to help the client to better recognize reality and his or her feelings, to take up their personal position and carry out authentic actions. Therefore, personal existential analysis may be considered as a procedural model of the development of autonomy.

The Development of Autonomy: Structural Model

Traditionally, in existential analysis and logotherapy the issue of autonomy is strongly associated with the third fundamental existential motivation (the motivation “to be oneself”) (Längle, 2008, 2012). We would like to argue further that *it is useful for the psychotherapist or counselor to consider it as the interplay, or combination, of all the four fundamental motivations*. Implicitly this idea is presented in PEA, but for practical reasons it is useful to make it explicit. Let’s pay closer attention to it.

The content of the *third fundamental motivation* deals with the core of autonomy. At this level, the client delineates and appreciates his or her uni-

queness, takes up personal positions and, in doing so, enables his or her autonomy. By paying attention, being fair, and showing genuine appreciation for the clients, the psychotherapist encourages them to “be themselves”, to deepen their inner dialogues and to develop personal attitudes towards themselves. These “personal attitudes” include delineation in both external and internal relationships. The external delineation means that the clients draw their personal boundaries with others, define and take their responsibility; stand up for their rights, express their authentic positions in actions, etc. The internal delineation refers to a wide range of activity that takes place in private: from decreasing self-criticism and obtaining a more understanding/phenomenological perspective on themselves, to acknowledgment of their own limitations from the standpoint of choice. Thus, the task is to appreciate their uniqueness and to say “yes” to their “persons” (Längle, 2000, 2008).

However, at other times the clients may face difficulties in finding or holding onto an authentic position, which are rooted in other fundamental motivations.

Quite often it happens due to disturbances at the level of the *second fundamental motivation*, when the clients cannot make choices *on the basis of their experienced values*. From a phenomenological perspective, which, as has been stated above, underlies the existential-analytical practice, lived experiences are the immediate outcome of the interrelationship between the client and “the world”. The being affects him or her in the form of immediate impression, which consists of primary emotionality, spontaneous impulse, and

phenomenal content (Längle, 2011). In accordance with M. Scheler’s (Scheler, 1973) ideas, existential analysis and logotherapy considers feelings and emotions as a subjective connotation of values and an important way of perceiving reality. Moreover, lived experience is a *pre-reflective form of personal positions* (Stankovskaya, 2014) and of *autonomy/personal agency*. Thus, to develop autonomy, a person needs to “turn to” his or her lived experience, to maintain sufficient closeness with their own feelings to be able to integrate them through negotiating with a wider value system and conscience.

This capacity of “turning to” lived experience may be violated in relationships with others. Sometimes clients are confused about their relationships with significant others to the degree that they cannot distinguish or freely experience their own feelings. Often they are paradoxically overwhelmed by their own affects and unable to understand them at the same time. So it was for “Kate” (27), who felt “constrained” and frustrated but could not connect this with her life circumstances. During our psychotherapeutic sessions, she discovered that these affects manifested her desire for separation from her parents and for having more “space” for herself in her own life. She found herself guilty of having such a desire, and it took her some time to develop a more favorable position towards her autonomy.

When dealing with difficulties at the level of second fundamental motivation, the psychotherapist’s task is to affirm the feelings of the client in the way they present themselves. It, in turn, helps the client to say “yes” to their feelings and to “turn to” lived

experiences in an attempt to develop their autonomy.

The development of one’s autonomy may be also blocked at the level of the *first fundamental motivation*. It may declare itself in clinical symptoms of reality testing disturbances or — in a less dramatic way — *in the fragility of subjective reality*. For instance, clients may easily lose trust in their perception of reality and become disoriented once confronted with the subjective reality of another person. Since they do not know what is “real” for them, the very basis for their autonomy becomes unstable.

As our psychotherapeutic practice has shown, these difficulties often occur in relationships with symbiotic partners and family members, who neglect the reality of boundaries between people, their separateness from each other; or if the clients are exposed to double binds, which also lead to a split in subjective reality. For example, Kate found it difficult to see her mother as an autonomous person and to recognize her actions and intentions; subjectively she was responsible for her mother’s mood and well-being. At the same time, Kate herself was dependent on her mother; sometimes it even looked like she decided that she could trust her parent more than herself. Particularly, if during a heated argument her mother told Kate that she misunderstood something, Kate would become unsure what she really thought about the situation and intended to do. Her disorientation was specific: Kate did not simply doubt whether she had a right to hold her opinion, she lost trust in her subjective reality and was unable to comprehend what exactly constituted her opinion.

To restore the basis of autonomy at the level of the first fundamental motivation, the psychotherapist clarifies and affirms what is real for the client. Thus, the aim of the psychotherapeutic intervention is to encourage the clients to hold on to their subjective reality in the face of confrontation with other people; to help them to say “yes” to the horizon of subjective experience of the possible and the real.

According to existential analysis and logotherapy, the development of autonomy is one of the deepest and primary motivations of the person (Längle, 2012). Moreover, it acquires additional subjective value since it “opens” the person to the world by increasing their capacity to self-transcendence and meaningful actions: Maintaining one’s autonomy becomes the means of fruitful integration and cooperation with others. This brings us to the concept of “*personalization*”, developed by the Russian psychologist V. Petrovskiy (Petrovskiy, 2010, 2013). As he pointed out, people want not only to be seen by the other and establish personal exchange with them; they also try to expand their virtual presence for the other in a very specific way – to become an *agentive “presence”* that evokes and inspires *significant actions* by the other. From that perspective, if the client fails to be reflected by the other in this agentive way, it blocks the development of their autonomy at the level of the fourth fundamental motivation. It happened to Michael (40), when people did not find his business project interesting. For him, this project was both a continuation of his personality and a way to cooperate with others. The rejection

made him doubt if his individuality was a worthwhile and fruitful basis for integration into society and, thus, weakened his autonomy. The task of the *level of the fourth fundamental motivation*, therefore, is to find and say “yes” to the traces of the client’s agentive presence in his or her significant others and in the world.

Summing up, the structural phenomenological model of development of one’s autonomy embraces all four fundamental existential motivations described by Längle. From the perspective of the client, it is a combination of four different types of affirmation: “yes” to his or her subjective reality, to their own feelings, to their uniqueness and distinctiveness, and to an agentive presence in others.

Conclusion

Some existential-analytical ideas regarding autonomy were discussed in this article. The three key theoretical underpinnings of understanding one’s autonomy in existential-analytical psychotherapy and counseling were revealed: the notion of “person”, dialogue/relatedness and phenomenology. The existential-analytical structural model of autonomy was presented. Specifically, it was argued that, from a structural perspective, it is useful to consider autonomy as the interplay of the four fundamental existential motivations defined by A. Längle. The process of maintaining one’s autonomy was described as taking up the four personal positions: “yes” to subjective reality, to one’s own feelings, to uniqueness and distinctiveness, and to an agentive presence in others.

References

- Auerbach, C. (1985). What is a self? A constructivist theory. *Psychotherapy*, 22, 743–746.
- Bargh, J., & Chartrand, T. (1999). The unbearable automaticity of being. *American Psychologist*, 54 (7), 462–479.
- Bargh, J., Chen, M., & Burrows, L. (1996). Automaticity of social behavior: Direct effects of trait construct and stereotype activation on action. *Journal of Personality and Social Psychology*, 71(2), 230–244.
- Bargh, J., & Ferguson, M. (2000). Beyond behaviorism: On the automaticity of higher mental processes. *Psychological Bulletin*, 126 (6), 925–945.
- Cooper, M. (2003). *Existential Therapies*. London: SAGE Publications.
- Cox, L., & Lyddon, W. (1997). Constructivist conceptions of self. *Journal of Constructivist Psychology*, 10, 201–220.
- Deurzen, E., van (2002). *Existential counselling and psychotherapy in practice*. London: SAGE Publications.
- Frankl, V. E. (1984). *Man's search for meaning*. New York: Washington Square Press.
- Frankl, V. E. (1988). *The will to meaning: Foundations and applications of logotherapy*. New York: Nal Penguin.
- Jaspers, K. (1963). *General psychopathology* (Vol. 1). Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Längle, A. (2000). *Personalen existenzanalyse*. Vienna, Austria: Facultas University Publ.
- Längle, A. (2008). Existenzanalyse. In: A. Längle & A. Holzhey-Kunz (Eds.), *Existenzanalyse and Daseinsanalyse* (pp. 29–180). Vienna: University Textbook (Facultas).
- Längle, A. (2011). Emotionality: An existential-analytical understanding and practice. In: R. Trnka, K. Balcar, & M. Kuska (Eds.), *Re-constructing emotional spaces. From experience to regulation* (pp. 41–62). Prague: Prague College of Psychosocial Studies Press.
- Längle, A. (2012). The Viennese school of existential analysis: the search for meaning and affirmation of life. In: L. Barnett & G. Madison (Eds.), *Existential therapy: Legacy, vibrancy, and dialogue* (pp. 59–170). New York: Routledge.
- Längle, A., & Kriz, J. (2012). The renewal of humanism in European psychotherapy: Developments and applications. *Psychotherapy*, 49 (4), 430–436.
- Luginbühl-Schwab, E. (2008). From the impression to an expression. *Existenzanalyse*, 25(1), 20–27.
- McWilliams, N. (1994). *Psychoanalytic diagnosis: Understanding personality structure in the clinical process*. New York: Guilford Press.
- Meekums, B. (2006). Embodiment in dance movement therapy training and practice. In: H. Payne, (Ed.), *Dance movement therapy: Theory, research and practice* (2nd ed., pp. 167–183). London: Routledge.
- Petrovskiy, V. (2010). *Chelovek nad situatsiei* [Man above the situation]. Moscow: Smysl.
- Petrovskiy, V. (2013). «Ya» v personologicheskoi perspektive ["Self" in personological perspective]. Moscow: Higher School of Economics.
- Richert, A. (2002). The self in narrative therapy: Thoughts from a humanistic/existential perspective. *Journal of Psychotherapy Integration*, 12 (1), 77–104.
- Rogers, C. (1951). *Client-centered therapy: Its current practice, implications and theory*. London: Constable.
- Rogers, C. R. (1957). The necessary and sufficient conditions of therapeutic personality change. *Journal of Consulting Psychology*, 21(2), 95–103.

- Scheler, M. (1973). *Formalism in ethics and non-formal ethics of values. A new attempt toward a foundation of an ethical personalism*. Evanston, IL: Northwestern University Press.
- Spinelli, E. (2001). *The mirror and the hammer. Challenging orthodoxies in psychotherapeutic thought*. London: SAGE Publications.
- Spinelli, E. (2005). *The interpreted world: An introduction to phenomenological psychology*. London: SAGE Publications.
- Spinelli, E. (2007). *Practicing existential psychotherapy: The relational world*. London: SAGE Publications.
- Stankovskaya, E. (2014). Emotional experience: applying person-centered approach to the practice of existential analysis. *Revista da Abordagem Gestáltica*, 20(1), 77–85. Retrieved from http://pepsic.bvsalud.org/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1809-68672014000100011&lng=en&tlng=en.
- Valle, R. S., & King, M. (1978). *Existential-phenomenological alternatives for psychology*. Oxford: Oxford University Press.
- Yalom, I. (1980). *Existential psychotherapy*. New York: Basic Books.

Сказать себе «да»: экзистенциально-аналитическое понимание автономии

Станковская Елена Борисовна

Старший преподаватель департамента психологии факультета социальных наук НИУ
ВШЭ, сертифицированный психолог-консультант, кандидат психологических наук
E-mail: stankovskaya@hse.ru

Резюме

Психотерапевтическая практика призывает к созданию концепций автономии личности, которые могут эффективно использоваться в профессиональной деятельности психотерапевтов и психологов-консультантов. В статье анализируется одно из психотерапевтических направлений — экзистенциальный анализ и логотерапия — и эксплицируются идеи, определяющие специфику понимания автономии в этом подходе. В частности, приводятся три ключевых теоретических принципа, задающих общую систему рассмотрения и развития личностной автономии; показывается, как идеи о «духовной личности», диалогичности/связанности и феноменологический метод ориентируют практическую деятельность психолога. Описывается структурная модель автономии, опирающаяся на концепцию четырех фундаментальных мотиваций А. Лэнгле. Обосновывается, что, хотя традиционно в экзистенциальном анализе и логотерапии личностная автономия относится к третьей фундаментальной мотивации — мотивации к тому, чтобы «быть собой», с точки зрения практики полезно рассматривать становление этого феномена как взаимодействие всех четырех фундаментальных мотиваций. Демонстрируется, что подобный ракурс позволяет представить процесс укрепления автономии как сочетание четырех видов активности личности по утверждению себя. Так,

в процессе развития автономии личность говорит «да» собственной фактичности, чувствам и эмоциям, собственной уникальности и самобытности, действительному присутствию, или, в терминологии В.А. Петровского, «инобытию» в значимых других и в мире. Предложенная модель иллюстрируется примерами из психотерапевтической практики, разъясняющими и подтверждающими теоретические построения.

Ключевые слова: автономия, экзистенциальная психотерапия, экзистенциальный анализ и логотерапия, самость.

Короткие сообщения

ОЦЕНКА АППАРАТУРНОЙ ПОГРЕШНОСТИ В ХРОНОМЕТРИЧЕСКОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННОГО ОБОРУДОВАНИЯ

А.А. ТУРКОВСКИЙ, Б.И. БЕСПАЛОВ, А.В. ВАРТАНОВ,
А.А. КИСЕЛЬНИКОВ

Резюме

С помощью разработанной электронной установки (ЭЛУ) проведены измерения временной погрешности компьютерных программ и оборудования, используемых при проведении хронометрических психологических экспериментов. Тестировались четыре программы – Presentation, StimMake, VS/SiSubs, Тахистоскоп ТХ 4.01, а также ЭЛТ- и ЖК-мониторы с частотой обновления экрана 200, 120 и 60 Гц, USB-мышь с частотой опроса кнопок 1000 или 125 Гц и стандартная PS/2 клавиатура. В экспериментах вместо испытуемого на стимулы (белое поле на экране компьютера) реагировала ЭЛУ, имеющая практически нулевое (менее 1 мс) реальное время реакции на стимул ($BP_p = 0$), которое за счет аппаратурных задержек отличается от вычисляемого программой эксперимента времени реакции ($BP_v > 0$). Аппаратурные погрешности (средние и стандартные отклонения BP_v) зависят от используемых программ и в большей степени обусловлены характеристиками устройств вывода стимулов на экран, чем характеристиками устройств осуществления и регистрации ответа. Для первых трех программ, работающих под управлением ОС Windows, аппаратурные погрешности в зависимости от оборудования находятся в пределах от 24 до 94 мс (для средних BP_v) и в пределах от 2.7 до 15.4 мс (для дисперсии BP_v). Для программы ТХ 4.01, работающей под управлением MS DOS, средние и дисперсии BP_v равны 12 и 2.3 мс соответственно. Для уменьшения аппаратурной погрешности хронометрического эксперимента целесообразно использовать «геймерские» высокочастотные мониторы и мыши с фирменными драйверами. При использовании достаточно мощных компьютеров, работающих под управлением ОС Windows, подключение этого оборудования через USB-порт для хронометрических целей является приемлемым.

Ключевые слова: аппаратурная погрешность, хронометрический эксперимент, Presentation, StimMake, VS/SiSubs, Тахистоскоп ТХ 4.01.

В психологическом и психофизиологическом хронометрическом эксперименте для предъявления стимульного материала и регистрации времени реакции (ВР) испытуемого обычно используются программно-аппаратные средства на основе компьютеров под управлением ОС Windows разных версий или операционной системы MS DOS. Зрительные стимулы предъявляются с помощью разных видеокарт на дисплеях, имеющих разную частоту развертки экрана. Регистрация ВР осуществляется с помощью мыши или клавиатуры с разной частотой опроса. Кроме того, ОС Windows не является системой реального времени, и ее реакция на внешние сигналы плохо предсказуема, несмотря на высокие скорости работы современных процессоров. Еще одной важной проблемой является повсеместная ликвидация LPT-портов на современных компьютерах и массовое внедрение USB-интерфейсов для клавиатуры, мыши и других устройств регистрации реакции испытуемого. В среде психофизиков и психофизиологов до последнего времени было широко распространено мнение, что USB-устройства в силу своей технической схемы не годятся для регистрации времени реакции, в отличие от LPT-устройств, что, в купе с «вымиранием» LPT-порта, создает большие технические трудности. Это мнение необходимо было экспериментально проверить. Также проблемой является тотальное «вымирание» ЭЛТ-мониторов и внедрение ЖК-технологий со стандартной частотой обновления не более 60 Гц (хотя в последнее время появляются образцы с гораздо большей частотой

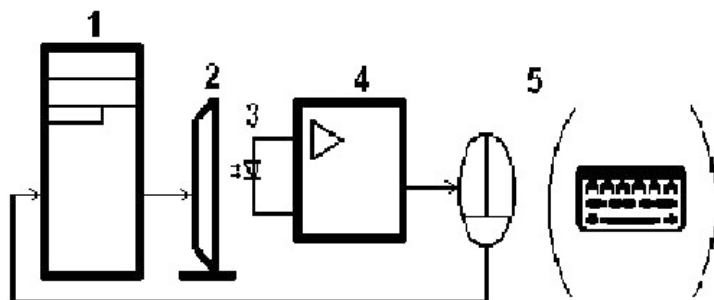
обновления экранов — для геймерской аудитории, до 144 Гц).

В связи с этим возникает необходимость оценить аппаратурную погрешность хронометрического эксперимента, т.е. величину дисперсии и среднюю задержку ВР испытуемого на тестовые стимулы, обусловленные применяемой аппаратурой и факторами, локализованными на стадии вывода стимулов на экран и на стадии регистрации момента нажатия на кнопку ответа. Для оценки величины этой погрешности, информация о которой интересна многим психологам, работающим в области экспериментальной психологии, была создана установка, схема которой изображена на рисунке 1.

Идея создания этой установки состояла в том, чтобы вместо испытуемого на стимул реагировала некая «идеальная» электронная установка, имеющая постоянное и практически нулевое (менее 1 мс) реальное время реакции на стимул ($ВР_p = 0$), которое за счет разных аппаратурных задержек отличается от вычисляемого программой эксперимента времени реакции установки на стимул ($ВР_v > 0$). Эта установка состоит из направленного на экран компьютера чувствительного фотодиода (3), который в момент t_1 — появление перед фотодиодом яркого экрана (стимула) — посылает сигнал на усилитель (4). На выходе усилителя стоит транзисторный ключ, подключенный параллельно микропереключателю клавиши мыши (5) и замыкающий ее при срабатывании фотодиода с постоянной задержкой менее 1 мс, т.е. практически в момент t_1 — реального показа стимула на экране.

Усилитель позволяет проводить регулировку порога срабатывания

Блок-схема устройства для оценивания аппаратной погрешности хронометрического эксперимента

1 — персональный компьютер, управляющий экспериментом; 2 — экран монитора для предъявления зрительных стимулов; 3 — чувствительный фотодиод; 4 — усилитель сигнала фотодиода и транзисторный ключ, замыкающий контакт клавиши ответа на стимул; 5 — компьютерная мышь (или клавиатура), используемые в эксперименте для регистрации времени реакции.

установки на яркость экрана монитора, что необходимо для ее подстройки под разные типы мониторов. При использовании для ввода ответа компьютерной клавиатуры схема несколько усложняется из-за структуры шин опроса кнопок внутри клавиатуры. В этом случае к транзисторному ключу добавляется малогабаритное электромеханическое реле, работа которого не вносит дополнительной дисперсии во время реакции установки на стимул. Момент замыкания ключом контакта клавиши (t_1) определяется компьютером в момент t_2 с некоторой задержкой за счет процессов опроса клавиши и др. Компьютер сравнивает момент времени t_2 с моментом t_0 , в который была дана команда на показ и «развертку» стимула на экране, и вычисляет время реакции установки на стимул $ВР_{в} = (t_2 - t_0)$.

Вычисляемый программой компьютера интервал ($t_2 - t_0$) может случайно изменяться от пробы к пробе

за счет происходящих в компьютере процессов вывода стимула на экран, занимающих время от момента t_0 до t_1 , а также за счет процессов опроса клавиши и регистрации ее нажатия, которые занимают время от t_1 до t_2 . В связи с этим определяемое компьютером в каждой пробе значение $ВР_{в}$ является случайной величиной, представляющей собой сумму двух случайных величин: $(t_1 - t_0)$ — задержка времени при выводе стимула на экран ($\Delta\text{Пок}$) и $(t_2 - t_1)$ — задержка времени при регистрации ответа ($\Delta\text{Рег}$). Задача данной работы состояла в оценке средних значений и стандартных отклонений (σ) этих случайных величин (аппаратурных погрешностей) при показе стимулов и регистрации ответов с помощью различного оборудования и компьютерных программ, которые часто используются при проведении хронометрических экспериментов в современной отечественной психологии и психофизиологии.

Тестируемые программы и аппаратура

В экспериментах оценивалась работа четырех программ проведения хронометрических экспериментов: 1) Presentation — программа для конструирования и проведения психофизиологических экспериментов (Neurobehavioral Systems, Inc, 2014); 2) VS/SiSubs (VectorScaling/Silent-Substitution) — программа показа и многомерного шкалирования зрительных стимулов и регистрации зрительных вызванных потенциалов на мгновенную замену (Кисельников, 2014); 3) StimMake — конструктор экспериментов со зрительной стимуляцией (Гусев, Кремлев, 2013); и 4) Компьютерный тахистоскоп TX 4.01 (Курячий, Кондаков, 2007). Первые три программы работают под управлением ОС Windows, а четвертая в операционной системе MS DOS.

Программы 1 и 2 были установлены на стационарном компьютере Intel® Pentium, 3.40 ГГц, с ОЗУ 1 Гб и видеоадаптером NVIDIA GeForce 1024 Мб, операционная система Windows XP Professional 2002, 32-разрядная. Использовался профессиональный 22" ЭЛТ-монитор Iiyama Vision Master Pro 514 в режиме с разрешением 800×600 пикселей и частотой вертикальной развертки 200 Гц, а также плоский ЖК-дисплей с частотой обновления экрана 60 Гц. Тестировалась лазерная двухкнопочная «геймерская» мышь Razer Abyssus Black USB, частота опроса которой со специальным поставляемым Razer драйвером составляла 125 или

1000 Гц. Использовалась также стандартная PS/2 компьютерная клавиатура марки Focus Electronic. Программа Presentation тестировалась также на ноутбуке HP ProBook 6450b под управлением ОС Windows 7 Professional, 64-разрядная, процессор Intel(R) Core(tm) i5 CPU, 2.40 ГГц, ОЗУ 2 Гб, универсальный монитор PnP с частотой вертикальной развертки 60 Гц и видеоадаптер Intel(R) HD Graphics.

Программа StimMake тестировалась на указанном выше стационарном компьютере, а также на двух ноутбуках с разными параметрами процессора и монитора. Один из них — указанный выше HP ProBook 6450b. Другой ноутбук ASUSTeK имел более слабые технические характеристики: процессор Intel® Celeron, 1,6 ГГц, ОЗУ 524 Мб, монитор (1024×768), видеоадаптер Intel® GM/GME, ОС Windows XP.

Тахистоскоп TX 4.01 тестировался на следующем оборудовании: компьютер IBM PC на базе процессора Athlon 2000, видеокарта NVidia GeForce 4MX. Монитор Samsung SyncMaster 757 DFX, 17". Время послесвечения фосфора для монитора — до 2 мс. Использовался режим работы с разрешением 800×600 точек и частотой развертки 120 Гц. Тестировалась стандартная PS/2 компьютерная клавиатура марки Focus Electronic.

Процедура¹

Процедура оценки аппаратурной погрешности включала 5 измерительных серий. В разных сериях

¹ Авторы выражают благодарность А.Е. Кремлеву и А.Я. Коифман за помощь в проведении экспериментов с программами StimMake и TX 4.01.

фотодиод был направлен в разные точки монитора — в левый верхний угол, в правый верхний угол, в центр экрана, в левый нижний угол и правый нижний угол. С помощью тестируемой программы в одной пробе серии на монитор компьютера на 1 сек. подавался «стимул» (белый экран, $rgb = \langle 255, 255, 255 \rangle$), который затем на 1 сек. сменялся черным экраном ($rgb = \langle 0, 0, 0 \rangle$). В нескольких экспериментах «стимулом» был белый квадрат (4×4 см), предъявляемый в центре черного экрана. В одной серии было 100 проб. При тестировании клавиатуры установка замыкала клавишу Пробел (Space), а при тестировании мыши замыка-

лась ее левая кнопка. Описанная процедура с мышью проводилась дважды: один раз при положении переключателя режима опроса клавиш на 125 гц, а затем на 1000 гц.

Результаты

В таблице 1 представлены аппаратные погрешности ВР_в при проведении экспериментов с помощью разного оборудования и программ, когда стимулом был полностью белый экран, а фотодиод был направлен в центр экрана. Для выяснения факторов, влияющих на величину этих погрешностей, рассмотрим полученные данные более детально.

Таблица 1

Средние (М) и стандартные отклонения (σ) ВР_в для разного оборудования и программ проведения хронометрических экспериментов, мс

Оборудование и программы	Мышь 125 гц		Мышь 1000 гц	
	М	σ	М	σ
ЭЛТ монитор 200 Гц, стационарный компьютер, Presentation	32	3.3	28	2.8
ЖК монитор, стационарный компьютер, Presentation	52	9.1	47	7.2
ЭЛТ монитор 200 Гц, стационарный компьютер, программа VS/SiSubs	40	2.8	35	1.4
Ноутбук HP ProBook 6450b, Presentation	52	7.3	48	7.2
Ноутбук HP ProBook 6450b, StimMake	85	8	79	5.4
ЭЛТ монитор 200 Гц, стационарный компьютер, StimMake	74	5	69	5
Ноутбук ASUSTeK, StimMake	94	15.4	82	13.6
	Клавиатура PS/2			
	М		σ	
ЭЛТ монитор 120 Гц, стационарный компьютер, ОС DOS, Тахистоскоп TX 4.01	12		2.3	
ЭЛТ монитор 200 Гц, стационарный компьютер, ОС Windows, Presentation	24		2.7	

На рисунке 2 представлены результаты тестирования программы Presentation, установленной на указанном выше компьютере, при подключении к нему ЭЛТ-монитора с частотой развертки 200 Гц. Среднее BP_v при регистрации ответа с помощью PS/2 клавиатуры примерно на 5–10 мс меньше (при $p < 0.001$ по t -критерию), чем BP_v при регистрации ответа с помощью USB-мыши. Это может быть обусловлено тем, что PS/2 клавиатура не опрашивается компьютером с определенной частотой, а при нажатии клавиши «создает аппаратное прерывание», которое регистрируется процессором.

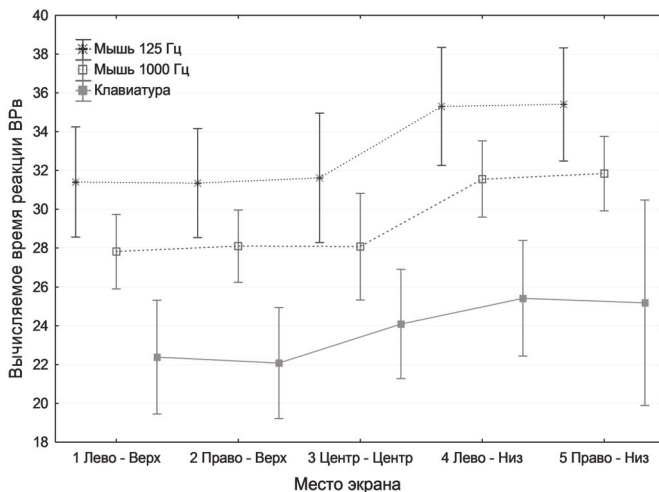
Из рисунка 2 также видно, что при положении фотодиода в левой верхней области экрана BP_v на 4 мс меньше, чем BP_v в правой нижней области ($p < 0.05$ по критерию

Стьюдента для мыши). Этот результат объясняется двумя факторами — частотой и схемой развертки стимула на экране. При частоте монитора 200 Гц один цикл вывода стимула на экран составляет 5 мс. В каждом таком цикле луч движется по горизонтальным линиям экрана слева направо и постепенно (за 4 мс) опускается сверху вниз, что обуславливает большее BP_v в нижней части экрана. Затем через 1 мс луч снова оказывается в левом верхнем углу и цикл повторяется.

На рисунке 3а, б показаны распределения BP_v для двух частот опроса мыши при положении фотодиода в центре монитора на 200 Гц. Для мыши 125 Гц одномодальное распределение BP_v является равномерным ($p < 0.005$) и плохо аппроксимируется кривой нормального распределения

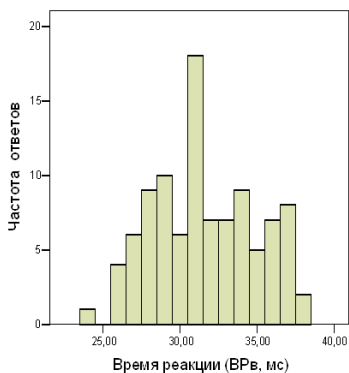
Рисунок 2

Распределение средних BP_v и их стандартные отклонения (σ) при тестировании программы Presentation на стационарном компьютере с монитором 200 Гц

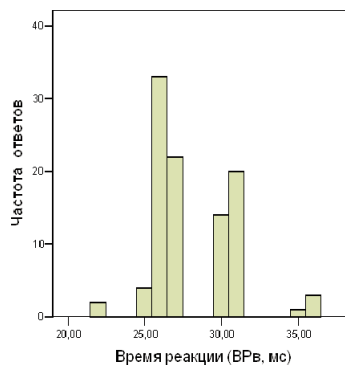

Примечание. По оси X — положение фотодиода перед экраном; по оси Y — вычисляемое программой время реакции (BP_v) установки на стимул. Длина вертикальных линий равна 2σ .

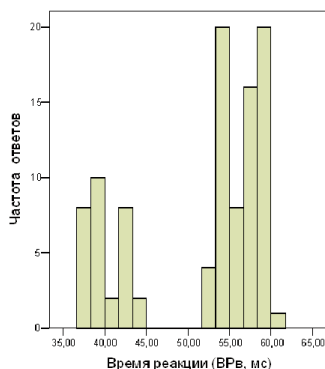
Гистограммы распределения $ВР_в$ при предъявлении стимула программой Presentation в центре экрана и регистрации ответов с помощью мыши

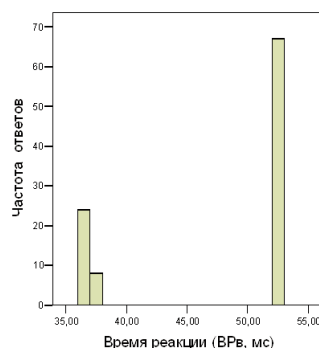
а) Мышь 125 Гц, монитор 200 Гц

б) Мышь 1000 Гц, монитор 200 Гц

в) Мышь 125 Гц, монитор 60 Гц

г) Мышь 1000 Гц, монитор 60 Гц

($p < 0.15$) по критерию Колмогорова–Смирнова. Для клавиатуры $ВР_в$ распределены нормально по тому же критерию ($p < 0.05$).

Обращает на себя внимание дискретность распределения $ВР_в$ для мыши 1000 Гц, которая наблюдается во всех тестируемых точках экрана. Эта дискретность выражается в том, что значения $ВР_в$ группируются около отдельных точек, отстоящих друг от друга на величину 5 мс, которая соответствует одному циклу вывода стимула на экран монитора с

частотой 200 Гц. При использовании мыши 125 Гц (а также клавиатуры) дискретность распределения $ВР_в$ исчезает, по-видимому, потому, что цикл регистрации нажатия клавиши, равный для этой мыши 8 мс, перекрывает цикл вывода (5 мс) стимула на экран.

Если каждый цикл развертки экрана рассматривать как квант времени, в который стимул выводится на экран, то указанная дискретность распределения $ВР_в$ может означать следующее. Во-первых, стимулы

реально выводятся на экран в разные кванты времени после того, как программа дала команду на их показ. Во-вторых, наблюдаемая дисперсия BP_v обусловлена в основном факторами, связанными с выводом стимулов на экран. Об этом может свидетельствовать также тот факт, что дисперсия BP_v для клавиатуры и мыши в режимах 125 и 1000 Гц в центре экрана не различаются ($p > 0.1$) при их попарном сравнении по критерию Ливена.

При замене высокочастотного монитора на обычный плоский ЖК-монитор среднее и σ (BP_v) увеличиваются в два-три раза (см. таблицу 1). Однако и для ЖК-монитора распределение BP_v является дискретным (см. рисунки 3в, г). Здесь BP_v группируются в квантах времени, разделенных интервалом 16 мс, который равен одному циклу смены изображения на экране. Аналогичные дискретные распределения BP_v наблюдаются также на ноутбуке HP ProBook 6450b при использовании программ Presentation и StimMake.

При использовании программы VS/SiSubs и проведении эксперимента на мониторе 200 Гц и стационарном компьютере среднее и σ (BP_v) меньше по сравнению с Presentation при $p < 0.001$ по t-критерию для средних и по критерию Ливена для дисперсий. Для программы VS/SiSubs и мыши 125 Гц BP_v также распределены дискретно с интервалом между тремя пиками 5 мс.

При установке программы Presentation на ноутбук HP ProBook 6450b аппаратурная погрешность эксперимента (средние и σ (BP_v)) значимо не отличается ($p > 0.001$) от погрешности эксперимента на ста-

ционарном компьютере с плоским монитором (см. таблицу 1). Однако при проведении эксперимента на том же ноутбуке, но с помощью программы StimMake среднее BP_v увеличивается на 31–33 мс по сравнению с программой Presentation, тогда как σ (BP_v) не изменяется. Эти результаты свидетельствуют о том, что аппаратурная погрешность BP_v может быть обусловлена также характеристиками программы хронометрического эксперимента.

Наибольшая погрешность BP_v в описанных экспериментах наблюдается у ноутбука ASUSTeK с использованием программы StimMake. Однако та же программа на более мощном ноутбуке HP показывает лучшие результаты (см. таблицу 1). Наименьшая погрешность BP_v наблюдается у Тахистоскопа TX 4.01, при регистрации ответов с помощью PS/2 клавиатуры (см. таблицу 1). Возможно, что это обусловлено его работой под управлением ОС MS DOS, позволяющей в два раза уменьшить среднее значение BP_v по сравнению с программой Presentation, работающей в среде Windows. У этого тахистоскопа отсутствует отмеченная выше дискретность распределения значений BP_v , которые у него распределены равномерно в интервале от 8 до 16 мс. Величина данного интервала соответствует одному циклу развертки изображения на используемом мониторе.

Когда «стимулом» был небольшой (4×4 см) белый квадрат на черном фоне в центре экрана, то при использовании ЭЛТ-монитора результаты не изменяются по сравнению с полностью белым экраном. Однако при показе этого стимула на

экране ноутбука HP среднее BP_v для мыши в обоих режимах (125 и 1000 Гц) уменьшается на 10 мс ($p < 0.01$) по сравнению с полностью белым экраном при равенстве дисперсий в обоих случаях. Этот результат свидетельствует о том, что время вывода на ЖК-дисплей стимула (на черном фоне) зависит от размера стимула. В связи с этим, если в хронометрическом эксперименте стимулы разного размера предъявляются на ЖК-мониторе или на экране ноутбука, то для уменьшения аппаратной погрешности, обусловленной варьированием размера стимулов, их нужно предъявлять не на черном фоне (на котором BP зависит от размера стимула), а на полностью засвечиваемом каким-либо цветом экране.

Выводы

Измеряемые в данной работе аппаратные погрешности (т.е. средние и стандартные отклонения BP_v) в большей степени обусловлены характеристиками устройств вывода стимулов на экран, чем характеристиками устройств осуществления и регистрации ответа. При проведении экспериментов с испытуемым эти погрешности авто-

матически прибавляются к его средним и стандартным отклонениям BP на тестовые стимулы. Для уменьшения аппаратной погрешности хронометрического эксперимента целесообразно использовать мониторы с большой частотой развертки или частотой смены изображения на экране, а для регистрации ответов испытуемого — мышь (или сделанный на ее основе двухкнопочный пульт с параллельным подключением кнопок к клавишам мыши) с частотой опроса клавиш 1000 Гц. На основании полученных данных можно заключить, что при использовании описанных в работе программ подготовки и проведения хронометрических экспериментов можно добиваться приемлемых аппаратных погрешностей по времени и дисперсии предъявления стимулов и регистрации ответов испытуемого. Можно заключить также, что при использовании «геймерского» оборудования (высокочастотных мониторов и мыши с фирменными драйверами) и достаточно мощных современных компьютеров, работающих под управлением ОС Windows, подключение этого оборудования через USB-порт для хронометрических целей приемлемо.

Литература

- Гусев, А. Н., Кремлев, А. Е. (2013). Конструктор экспериментов со зрительной стимуляцией StimMake [Программное обеспечение]. Режим доступа: <http://psychosoft.ru/download/doc/stimmake.doc>
- Кисельников, А. А. (2014). VS/SiSubs (VectorScaling/SilentSubstitution) — программа показа и многомерного шкалирования зрительных стимулов и регистрации зрительных вызванных

потенциалов на мгновенную замену [Программное обеспечение]. Режим доступа: <http://www.psy.msu.ru/people/kiselnikov.html>

Курячий, Г. В., Кондаков, Р. В. (2007). Компьютерный тахистоскоп ТХ (версия 2007) [Программное обеспечение]. Режим доступа: <http://old.virtualcoglab.ru/TX/index.html>

Neurobehavioral Systems, Inc. (2014). Presentation [Программное обеспечение]. Режим доступа: <https://www.neurobs.com>

Турковский Александр Александрович — инженер 1-й категории, кафедра психофизиологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова

Контакты: artur50@mail.ru

Беспалов Борис Иванович — старший научный сотрудник факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук

Контакты: [беспаловb@mail.ru](mailto:bеспаловb@mail.ru)

Вартанов Александр Валентинович — старший научный сотрудник факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук

Контакты: a_v_vartanov@mail.ru

Кисельников Андрей Александрович — старший научный сотрудник факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук

Контакты: kiselnikov@mail.ru

Evaluation of the Instrumental Error in a Chronometric Psychological Experiment Using Modern Equipment

Alexander A. Turkovsky

1st category engineer, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University
E-mail: artur50@mail.ru

Boris I. Bespalov

Senior Research Fellow, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University
E-mail: bespalovb@mail.ru

Alexander V. Vartanov

Senior Research Fellow, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University
E-mail: a_v_vartanov@mail.ru

Andrey A. Kiselnikov

Senior Research Fellow, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University
E-mail: kiselnikov@mail.ru

Address: 1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

Abstract

The developed electronic unit (EIU) measured temporal error of computer programs and equipment used in chronometric psychological experiments. Four programs were assessed – Presentation, StimMake, VS/SiSubs, Tachistoscope TX 4.01, as well as CRT and LCD monitors with a refresh rate of 200, 120 and 60 Hz, USB-mouse with a polling rate of 1000 or 125 Hz and a standard PS/2 keyboard. In the experiments, instead of subjects, the EIU responded to the stimulus (white box on the computer screen); the EIU has near zero (less than 1 ms) reaction time ($RTr = 0$) but the reaction time measured by a program is different due to the hardware delay ($RTm > 0$). Instrumental errors (means and standard deviations of RTm) depend on the programs used and are largely due to the characteristics of the output devices displaying stimuli on the screen rather than to the characteristics of the response registration devices. For the first three Microsoft Windows-based programs the instrumental errors, depending on the equipment, range from 24 to 94 ms (for medium RTr s) and from 2.7 to 15.4 ms (for the variance of RTr). For the MS-DOS-based TX 4.01 mean = 12 ms, variance = 2.3 ms. In order to reduce the instrumental error in chronometric experiments, “gaming” high-frequency monitors and mice with proprietary drivers are recommended. When using powerful MS Windows connecting this equipment via USB-port for chronometric purposes is acceptable.

Keywords: instrumental error, chronometric experiment, Presentation, StimMake, VS/SiSubs, Tachistoscope TX 4.01.

References

- Gusev, A. N., & Kremlev, A. E. (2013). Konstruktor eksperimentov so zritel'noi stimulyatsiei StimMake [StimMake: A kit for experiments with visual stimulation] [Computer software]. Retrieved from <http://psychosoft.ru/download/doc/stimmake.doc>
- Kisel'nikov, A. A. (2014). VS/SiSubs (VectorScaling / SilentSubstitution) – programma pokaza i mnogomernogo shkalirovaniya zritel'nykh stimulov i registratsii zritel'nykh vyzvannykh potentsialov na mgnovennuyu zamenu [VS/SiSubs (VectorScaling / SilentSubstitution – a program for display and multidimensional scaling of visual stimuli and recording of visual evoked potentials following immediate replacement] [Computer software]. Retrieved from <http://www.psy.msu.ru/people/kiselnikov.html>
- Kuryachii, G. V., & Kondakov, R. V. (2007). Komp'yuternyi takhistoskop TX (versiya 2007) [Computer tachistoscope TX (version 2007)] [Computer software]. Retrieved from <http://old.virtualcoglab.ru/TX/index.html>
- Neurobehavioral Systems, Inc. (2014). Presentation [Computer software]. Retrieved from <https://www.neurobs.com>

AN ERP STUDY OF INATTENTIONAL BLINDNESS CONDITION

P.A. IAMSHCHININA, M.B. KUVALDINA

Abstract

Sometimes we do not notice a salient object while being occupied with some attention-demanding task, a phenomenon known as inattentional blindness (IB). Nowadays the question of the origin of IB is posed in terms of the differentiation between the processes of attention and consciousness. The goal of the present study was to examine the correlates of object-based attention (SN), early visual awareness (VAN), and late-visual awareness (300 ms after the presentation) in the IB condition. Our experiment used a modified version of the method of Koivisto and colleagues (Koivisto, Kainulainen & Revonsuo, 2009). Subjects were presented with two different letter stimuli that could be masked; subjects responded either that they saw or didn't see the target letter (in the attended or unattended field) whenever it appeared. IB was considered as a condition when subjects responded "I do not see" when the unmasked target letter was presented in an unattended field. Our study showed that in a condition of IB the correlate of object-based attention (SN) was detected in the absence of the conscious processing component (P300). This, together with the absence of the lack of verbal reporting in later stages of processing, implies that the process of early stimuli discrimination might take place. Thus the response "I do not see" in the IB condition in our study could be associated with underachieving in the last stage of stimulus processing, which is "access consciousness".

Keywords: inattentional blindness, consciousness, visual awareness negativity, selective negativity.

Sometimes we do not notice a salient object while being occupied with some attention-demanding task, a phenomenon known as inattentional blindness (IB). A number of hypotheses describe possible causes of IB (Cartwright-Finch & Lavie, 2007; Most, Scholl, Clifford, & Simons, 2005) and the most widely accepted one is that of the dis-

coverers of the effect (Mack & Rock, 1998): an extra item stays unnoticed due to the lack of attention paid to it. However, nowadays the question of the origin of IB is posed again in terms of the differentiation between the processes of attention and consciousness.

In this paper attention is referred to as a selective mechanism while con-

consciousness is considered as contents (thoughts, memories, perceptions) rather than a state (like sleep) which is consistent with most of the articles that are cited in this work (see Cohen, Cavanagh, Chun, & Nakayama, 2012 for example). Consciousness/ awareness and attention could be considered as dissociable processes (Fei-Fei, VanRullen, Koch, & Perona, 2002; Koch & Tsuchiya, 2007; Olivers & Nieuwenhuis, 2006; Van Boxtel, Tsuchiya, & Koch, 2009; Wyart & Tallon-Baudry, 2008) or non-dissociable stages of one cognitive process (Lamme, 2003; Dehaene, Changeux, Naccache, Sackur, & Sergent, 2006). In these terms IB could be described as an effect of interaction between these two processes.

According to C. Koch and N. Tsuchiya (Koch & Tsuchiya, 2007), conscious perception is possible in the absence or near absence of attention. The IB effect is characterized as a lack of awareness in the absence of top-down attention in the authors' classification (Koch & Tsuchiya, 2007, p. 17). Awareness, in spite of a lack of top-down attention modulation, is described as a gist phenomenon – a rapid grasping of the natural scene. The gist is opposite in effect to IB (it results in awareness rather than in unawareness) but it is very similar in an experimental paradigm to IB (a dual-task paradigm includes one attention-demanding task and another task or item that is processed unattended). One could consider these two effects (gist and IB) to be two sides of the same phenomenon. Also, one of the first demonstrations of gist happened to be found during IB research (Mack & Rock, 1998, chap. 7). However, in the case of the near absence of top-down attention process-

ing, any representation of the information would be short-termed and not detailed. Thus, although the gist paradigm is similar to the IB paradigm in certain ways (see Fei-Fei et al., 2002, but also see Cohen, Alvarez, & Nakayama, 2010; Mack & Clarke, 2012 for a critique), there is no appropriate experimental task that could allow the measuring of visual awareness in these phenomena.

Another assumption about the causes of IB was made by Dehaene and Changeux (2005). They claim that IB is the consequence of a neuronal mechanism providing the function of consciousness. The authors adhere to the theory of the global workspace by Baars (Baars, Franklin, & Ramsoy, 2013), which holds that unconscious processing takes place in separate local modules, while conscious processing requires full access to all of them, creating a global workspace. Based on this theory, the authors developed a simplified neuronal model of multiple interconnected thalamo-cortical columns linked by long-range excitatory axons (Dehaene & Changeux, 2005). In this model, the spontaneous activation occurs in the system due to ascending perceptual input. Following this a sudden excitement (“ignition”) develops in the system at the level of long-range connections. And, notably, this excited state can prevent the system from receiving any external input. The authors consider this state of neurons with long projections as an endogenous state of consciousness. As it is not possible to pass the information input to the system during an ignited state, it is considered as a cause for not noticing the extra item in IB. That is, IB happens due to the fact that consciousness

is busy processing the previously received input. However, the authors do not consider the role of attention in the occurrence of IB in this model.

In 2014 Raffone and colleagues modified the theory of Dehaene and Changeux. This modification allowed for making new predictions about attentional effects; in particular, attentional blink and IB (Raffone, Srinivasan, & van Leeuwen, 2014a). On the basis of neurophysiological data from different research studies, the authors suggest that attentional processes (object location, feature integration, visual selection) and consciousness (information integration, consolidation of memory traces) have identical principles of working and take place in the same thalamo-cortical networks. However, they differ in timing; that is, attentional selection (provided by visual attentional workspace¹) precedes consciousness (provided by global workspace²) in order to open access to it. Notably, if consciousness is busy with processing information, attentional capture is temporarily disabled. Particularly in the case of IB, there is a decoupling between global workspace and visual attentional workspace. Global workspace stores the relevant information and processes it, and for this reason attentional amplification

and ignition are impossible, which explains the IB effect. The proposed mechanism explains the experimental finding that IB also occurs with respect to expected stimuli.

The model by Raffone assumes the necessity of attention for awareness, an idea supported by a number of studies demonstrating an increase in the probability of visual awareness in the presence of attention to the object (Carrasco, Ling, & Read, 2004) (even in the case of late visual reactivation when attention is delayed and then cued to the stimulus offset presented at the threshold contrast (Sergent et. al., 2013)). Thus, this model, in accordance with the model developed by Dehaene and colleagues, does not involve the differentiation of the processes of attention and consciousness, in contrast to the model proposed by Koch and colleagues.

However, there are also some disputes as to whether or not processes of consciousness can precede the work of attention. According to Block (2007), information processing begins with “phenomenal consciousness” of the object, which arises earlier than its attentional processing and is characterized by subjective experience without verbal report. The verbal report is associated with the “access consciousness”.

¹ “...visual attentional workspace (VAW) refers to a dynamic thalamo-cortical network for visual processing characterized by a limited (processing) capacity. In the VAW, amplification and ignition processes take place for visual attentional filtering, attentional selection, object identification, object localization, and buffering before consolidation in VWM (visual working memory)” (Raffone, Srinivasan & van Leeuwen, 2014a, p. 7).

² “...GW (global workspace) crucially involves areas in lateral (ventral and dorsal) prefrontal, posterior parietal and anterior cingulate cortices. TAC (theory of attention and consciousness proposed by authors), however, originally postulates higher-order representations of executive operations besides object (target) representations in the GW” (Ibid., p. 6).

Lamme (2003) further developed this idea, suggesting that “phenomenal consciousness” begins with the early stages of activation in the visual cortex (through recurrent circuits) and can then proceed to the “access consciousness”, which is provided by different mechanisms including attentional selection. In a series of studies (Raiho, Koivisto, & Revonsuo, 2011; Koivisto, Revonsuo, & Salminen, 2005; Koivisto, Revonsuo, & Lehtonen, 2006; Koivisto & Revonsuo, 2010 etc.) psychophysiological components associated with early “phenomenal consciousness” (amplitude difference in reaction to masked vs unmasked stimuli around 200 ms after stimulus onset – visual awareness negativity, VAN) and “access consciousness” (late positivity, 300 ms after stimulus onset) were found. Also, in the study by Koivisto and colleagues (Koivisto, Kainulainen, & Revonsuo, 2009) a separate component of object-based attention was identified (amplitude difference in reaction to target vs non-target 200 ms after stimulus onset – selective negativity, SN), which demonstrates that the processing of visual information can occur at a very early “phenomenal consciousness” stage separate from attentional processes. In this model, which separates visual attention and consciousness processes, the IB effect may occur at a very early stage of awareness for other reasons not related to the occupation of consciousness with previous input (Kentridge, Nijboer, & Heywood, 2008). Taking into account all the theories, it can be concluded that there are different assumptions about the origin of IB. Each approach considers the lack of one of the processes as the cause of the effect:

1. The lack of top-down attention in the possible presence of visual awareness (Koch & Tsuchiya, 2007).

2. The lack of attentional amplification and ignition and, as a result, an inability to consciously perceive the extra item in IB (Dehaene et al., 2006; Raffone et al., 2014a).

3. “Phenomenal consciousness” is possible without “access consciousness” (Block, 2007; Lamme, 2003) though the lack of attention prevents the information from becoming available through “access consciousness”.

Psychophysiological studies of IB

Despite the fact that IB is considered as a paradigm that could gain understanding of the differences between attentional and consciousness processes (Lavie, Beck, & Konstantinou, 2014; Cohen et al., 2012; Raffone, Srinivasan, & van Leeuwen, 2014b) there has only been a small amount of neuro-scientific research in this field.

The first attempt to study the process of visual awareness with ERP in the IB paradigm was made by Pitts and colleagues (Pitts, Martinez, & Hillyard, 2011). In this experiment, participants responded to changes in the brightness of small disks (dim-disk task) located equidistantly from the center of the screen. Meanwhile, irrelevant white lines presented in the center could be placed randomly or arranged in a pattern which served as an extra item. According to the results, when this pattern was not noticed by participants component Nd1 (in the time window of 200–260 ms after stimulus onset) was detected, associated with an increase of phenomenal consciousness. However, the component associated

with the “access consciousness”, Nd2, (in the time window of 300–340 ms after stimulus onset) was not found. The researchers interpret the result as reflecting the inability to consciously perceive the extra item due to a lack of attention to it (Mack & Rock, 1998). However, participants were only asked whether they noticed the extra item or not after they finished the task. This was done to eliminate the influence of expectations on an IB level and prevent participants from doing two tasks (responding to the brightness and to the extra pattern). Thus, the measurement of visual awareness among participants was performed only on the basis of the psychophysiological correlate but not on the basis of participants’ trial-by-trial verbal report. This fact raises doubts about the validity of the measurement. According to Tononi and Koch (2014), at the moment it is not clear if the ERP peak of 300 ms after the stimulus presentation is associated with the awareness or verbal report. The lack of such a response from the brain cannot be simply associated with a lack of awareness, due to insufficient data in this field (infants, animals, patients with brain lesions) (Tononi & Koch, 2014). It should also be noted that the classical paradigm of IB, applied in the study of Pitts and colleagues, does not allow independent manipulation of the processes of attention (for example, the relevance of an extra item to the task) and visual awareness.

However, there is an ERP paradigm developed by Koivisto and colleagues which is considered as allowing separate manipulation of the consciousness and attention processes (Koivisto, Kainulainen, & Revonsuo, 2009). In a

number of studies these researchers have obtained a component of object-based attention – SN (selection negativity) – in a visual identification task which shows the difference in physiological reaction (ERP) to targets and distractors at an interval of 200–300 ms after stimulus onset. Also, the authors have found the component of early visual awareness – VAN (visual awareness negativity, a correlate of visual awareness) – varies depending on the masking of the target and is elicited in a 130–200 ms time window. Finding these components in IB would help in comprehending the nature of processes involved in extra item processing. In this regard, the experimental paradigm of differentiating object-based visual attention and visual awareness (Koivisto et al., 2009) was applied in our study. The goal of the present study was to examine the correlates of object-based attention (SN), early visual awareness (VAN), and as late-visual awareness (300 ms after the presentation) in the IB condition. This condition was specified as one in which participants do not notice the target, potentially accessible for conscious perceiving, but it is in the unattended field, that is, in the near absence of attention.

In M. Koivisto’s experiment subjects were presented with two different letter stimuli that could be masked; subjects responded either that they saw or didn’t see the target whenever it appeared in the attended field. Such a procedure allowed for variation of several factors: A) Spatial attention (reaction to targets in an attended, and in comparison with an unattended, field); B) Visual awareness (reaction to the target in a masked condition in comparison with an

unmasked condition); C) object-based attention (reaction to the target in comparison with non-target).

Our study modified the procedure of the original experiment in following way:

1. Koivisto's experiment contained the instruction that restricted responses only to the attended field (rigid instruction). Attended vs unattended was varied across conditions with the help of a small arrow that showed the visual field (left or right) where the target to be presented. We kept the instruction but also added a non-equivalent distribution of the targets (1:3) that could help to redirect attention to a cued field. Our study also contained another type of instruction (non-rigid) that allowed the subject to respond to the target whenever they saw it (both in the attended and unattended fields). Distribution of the targets across the cued and uncued fields was equivalent (1:1) in this case. A non-rigid instruction was used to make it possible to measure the condition of inattentional blindness.

2. Inattentional blindness is the situation when a person fails to notice an extra item once their attention is directed somewhere else; to make it possible to measure it we used two types of possible responses – "I see" and "I don't see". The objective was to measure the physiological response when the subject answered "I don't see" in the presence of the target in the attended field. We consider this type of response to reflect inattentional blindness.

Participants. There were 17 right-handed participants in the experiment ($M = 23$, $SD = 2$); all subjects had normal or corrected-to-normal vision.

Stimuli and procedure. The stimuli were three Latin letters, "U", "H", and "T" (1.1×1.5 visual angle each). Each trial was preceded by a cue for 3000 ms. In each trial, two different letter stimuli were simultaneously presented for 17 ms, one in the left visual field and one in the right visual field. Two masks were presented bilaterally at the SOA of 33 ms and 133 ms in a masked condition. In the unmasked condition, one mask was presented unilaterally at the SOA of 33 ms, whereas in the other visual field two masks were presented at the SOA of 33 ms and 133 ms. Before the next trial the 1000 ms interval was held. The experiment consisted of a training block of 64 trials (7 minutes) and two main experimental blocks of 512 trials (38 minutes). Each block had half the trials masked and half unmasked. After 128 trials a one-minute break was included; after each block there was a two-minute break. The target letter was one letter; others were considered as non-targets within a block. Before each block the instruction was presented for 20 seconds, after which a sign saying "READY" was shown for 5 seconds. Each participant was presented with two blocks (counterbalanced) different in instruction (rigid and non-rigid). In a block with rigid instruction they were asked to respond only to the target in the cued field. The small arrow indicated the location of the target (right or left visual field) before a set of several trials. Also, there was an unequal distribution of the targets and non-targets (1:3): there were thrice as many targets as non-targets in a cued visual field. In a block with non-rigid instruction, subjects were asked to respond to the target whenever they saw it. Also, the distribution of the

targets vs non-targets in the cued visual field was equal. After each trial participants had to press one of two keys: “see the target” or “don’t see the target”.

EEG recording. EEG recording was provided, with gold-plated scalp electrodes (Grass Instrument Co.) arranged according to the international 10/20 system (Jasper, 1958). The two mastoid bones were used as a reference and the forehead as ground. The electrodes below the left eye, on the cheek, under the eye and above the eyebrow, were used for recording electro-oculography to monitor high-amplified electrical artifacts. Electrode impedances were kept below 5 k Ω . EEG was amplified (SynAmps Model 5083) by using a band-pass of 1–30 Hz. The sampling rate was 500 Hz. For EEG, recording was performed using a Mitzar EEG computerized electroencephalograph, Calculation of EEG parameters was performed using the “WinEEG v.2.4” software (Russia).

Behavioral results

Behavioral results are shown in the Table 1.

In the unmasked condition, subjects correctly identified 80.7% of the targets in the attended field (non-rigid instruction condition) and 80.8% of the targets in the attended field (rigid instruction condition). Thus subjects could effectively distinguish between targets and non-targets when attention was drawn to the visual field. In the masked condition 64.9% of correct target identification happened under non-rigid instruction conditions, whereas 49.8% correct target identification was obtained under rigid instruction conditions. All differences are statistically significant ($p < 0.01$). Correct responses to the targets under rigid instruction conditions (unmasked unattended field) were rare (15.8%), although under non-rigid instruction conditions 54.6% of targets were identified correctly (unmasked unattended field). These behavioral results are partially consistent with those obtained by Koivisto et al., (2009). There was only a 5% false alarm rate throughout all conditions. Also, subjects’ responses to unmasked targets in the unattended field were analyzed, i.e., reactions in the IB condition. Subjects didn’t notice unmasked targets in 68% of cases (i.e. answered “I do not

Table 1

Correct responses to the target in different experimental conditions

Instructions		Correct target identification		Total
		In attended field	In unattended field	
Non-rigid instruction	unmasked	878	594	1472
	masked	706	335	1041
Rigid instruction	unmasked	1318	86	1404
	masked	813	66	879

see”). Evoked potentials (EPs) were further analyzed in these conditions.

ERP Results

All preprocessing and statistical analysis was done in Matlab R2014b with the help of the open source EEGLAB toolbox (Delorme & Makeig, 2004); the EEG signal was filtered from 0 to 30 Hz; major artifacts and interruptions in recording were removed manually; to remove eye-movement, a connected artifacts ICA was performed (15% of the data was excluded); stimulus-locked EPs were calculated according to the time windows in the work of Koivisto et al. (2009): P1 (90–130 ms), N1 (130–200 ms), N2 (200–300 ms), P3 (300–700 ms). We analyzed instant amplitudes, and the baseline was corrected in the time window of 200–0 ms. Areas of interest were temporal (T5, T6), parietal (P3, P4) and occipital (O1, O2) electrodes. Statistical processing was performed by Paired and Unpaired T tests, with Holmes correction for multiple comparisons. All results mentioned in the results section are statistically significant on the $p < 0.001$. Areas of interest that have statistically significant differences between the conditions are marked dark gray on figures.

There were several conditions within the group: Masking \times Object-based Attention \times Type of Instruction \times Type of Response. The comparison of Masking \times Object-based Attention conditions was done across all blocks (rigid and non-rigid instructions), while the comparison of Object-based Attention \times Type of Response conditions was conducted only across the block with the non-rigid instruction. This was because we didn't obtain a

sufficient amount of negative responses (“I don't see”) to the unattended target in the block with rigid instruction.

Visual awareness negativity (VAN) and selective negativity (SN)

In the experiment, EPs elicited by unmasked targets were more negative than those evoked by masked targets, from 100 to 200 ms (component N1) in the left hemisphere (O1, P3, T5 – contralaterally) (statistically significant differences between the conditions are marked on figures in dark gray). A similar tendency was obtained in the time window from 200 to 300 ms (N2) on occipital (O1, O2), parietal (P3) and temporal (T5, T6) electrodes contralaterally (N2) (Figure 1).

The data obtained are consistent with the results of Koivisto et al., as the component of visual awareness negativity (VAN) was identified. Also, a more pronounced negative peak as a reaction to the targets was detected as compared to non-targets in the 200–300 ms (N2) time interval at the occipital (O1) and temporal electrodes (T5, T6) contralaterally (Figure 2).

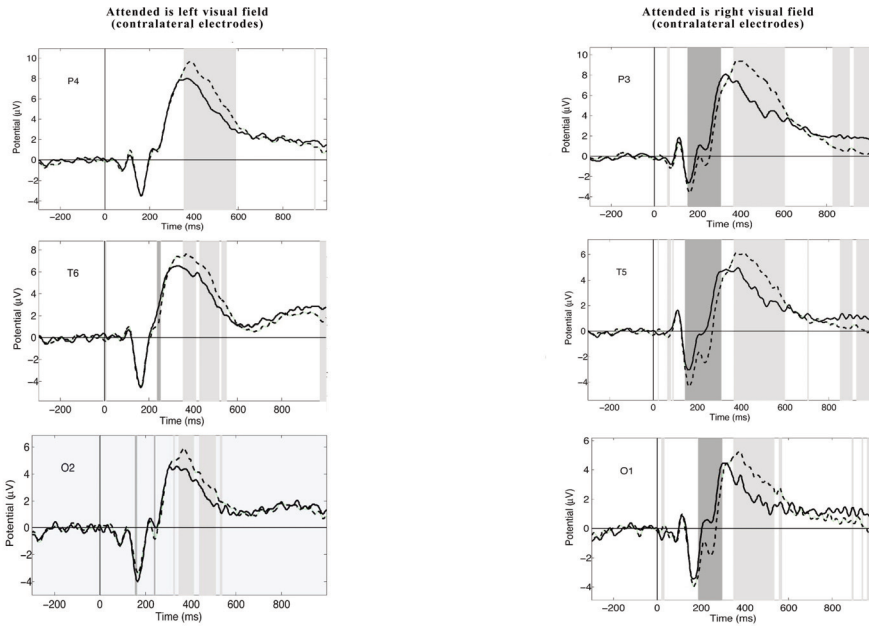
Thus, in the experiment the object-based attention (SN) factor was also detected, which is consistent with previously received data (Koivisto et al., 2009). ***Thus, the conditions necessary for the replication of M. Koivisto and colleagues' experimental paradigm have been observed, and it gives the opportunity for further analysis of data in the IB condition.***

ERPs results in the IB condition

In this study, IB was considered as a condition when subjects responded

Figure 1

ERPs in response to masked and unmasked targets in the attended field at the occipital (O1, O2), posterior temporal (T5, T6) and parietal (P3, P4) electrodes, contralateral to the right and left visual field (the masked targets condition is drawn with a solid line; the unmasked targets condition is drawn with a dashed line)

“I do not see” when the unmasked target was presented in an unattended field. There were two main comparisons performed during analysis:

- a comparison of the responses “I see” and “I do not see” to investigate if the response “I do not see” in the unmasked unattended target condition evoked more activation identifying visual awareness in IB;

- a comparison of the reactions to the targets (only for responses “I do not see” – incorrect rejection) with the reaction to non-targets (only for responses “I do not see” – correct rejection) to find out whether targets elicit more activation than non-targets. This would imply that these two types of

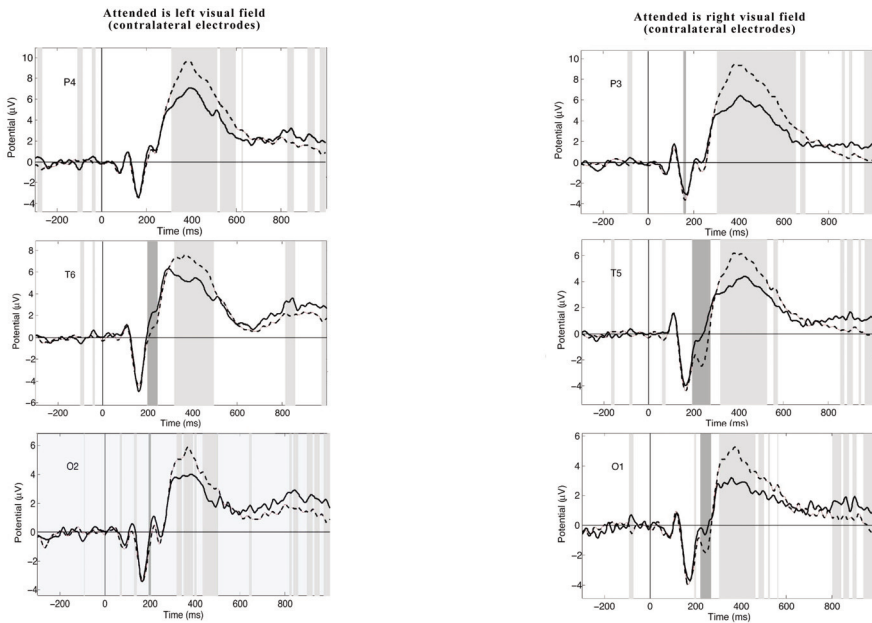
stimuli are differentiated when subjects respond negatively in an IB condition.

The ERPs elicited by a positive response (“I see”) were found to be more positive than activation related to negative responses (“I do not see”) between 300 and 700 ms after stimulus onset (P3, P4, T5, T6 – contralaterally) (Figure 3).

According to Koivisto, these differences stem from the fact that information about the stimulus in the case of a negative response (“I do not see”) does not reach the final stage of processing, which leads to the lack of awareness of the visual object (P300, or LP (late positivity), 300–700 ms). **Thus, in our study, the responses “I do not see” to**

Figure 2

ERPs in response to unmasked targets and non-targets in the attended field at the occipital (O1, O2), temporal (T5, T6) and parietal (P3, P4) electrodes, contralateral to the right and left visual field (the unmasked target's condition is drawn with a dashed line; the unmasked non-target's condition is drawn with a solid line)

unmasked unattended targets are to be given due to the absence of visual awareness.

A comparison of ERPs evoked by the targets (only for responses “I do not see” – incorrect rejection) with those to the non-targets (for responses “I do not see” – correct rejection) revealed more negative patterns to the targets in the interval from 200 to 300 ms (N2) at occipital (O1, O2), parietal (P3, P4) and temporal (T6) contralaterally. This result implies that the component of object-based attention was obtained (SN) when negative responses (“I do not see”) were given to targets in IB condition (Figure 4).

This component, according to Kovi-
visto, reflects the possibility of distin-

guishing between targets and non-targets. Thus, it's probable that subjects could differentiate targets and non-targets at the early stages of processing (before 300 msec) in an IB condition.

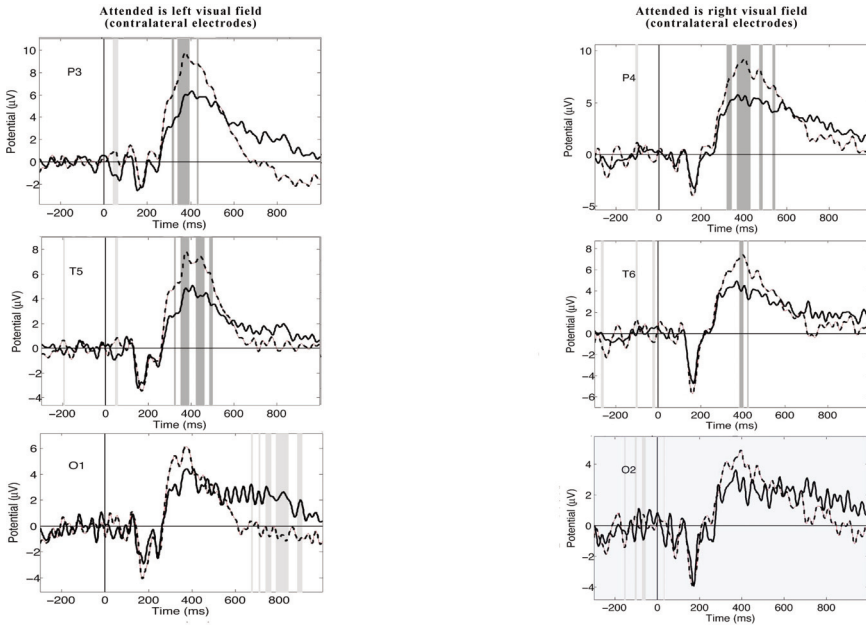
What can be concluded from these results? In the so called IB condition the correlate of object-based attention was found; but, components related to visual awareness were not detected. That is, the subjects apparently distinguish the target from the non-target, but they are not aware of this difference.

Discussion

The aim of this work was to study the correlates of attention and visual awareness in IB. The results from

Figure 3

ERPs evoked by positive (“I see”) and negative responses (“I do not see”) to unmasked unattended targets at the occipital (O1, O2), temporal (T5, T6) and parietal (P3, P4) electrodes, contralateral to the right and left visual field. A positive response (“I see”) is drawn with a dashed line; a negative response (“I do not see”) is drawn with a solid line

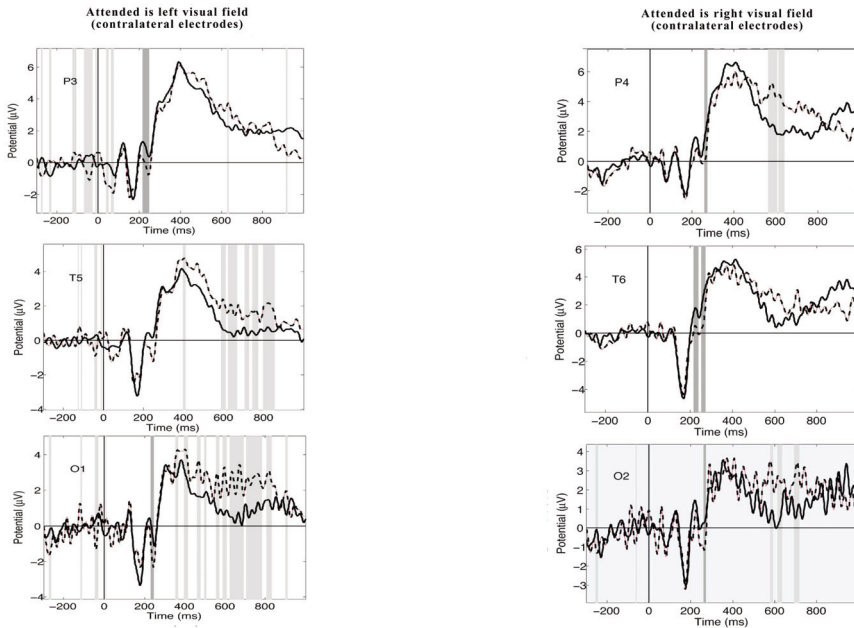
Koivisto and colleagues (Koivisto et al., 2009) were replicated. Correlates of object-based attention (SN) and visual awareness were investigated in an IB condition in which the component of selective negativity was indicated in the absence of visual awareness (P300). Earlier it was noted that in the previous IB study (Pitts et al., 2011) this late visual awareness component was again not detected. However, Pitts and colleagues have not received the data showing the involvement of object-based attention in IB. This was the reason why Pitts, Martinez and Hillyard have suggested that an extra item is not differentiated in IB (Ibid.). However, in previous behavioral stud-

ies it was shown that participants respond differently to the extra item in the IB task in comparison with the novel item that wasn't presented earlier or in comparison with the less relevant extra item (Kuvaldina, 2011; Most, 2010; Mack & Rock, 1998). Our study is consistent with these behavioral data, and does not replicate the results of Pitts et al. The differences in the obtained data are probably due to the inclusion of an extra item in the main task in our study, while in the experiment of Pitts and colleagues, an extra item is totally irrelevant to the main task.

Our findings also contradict the assumption by Raffone (Raffone et al.,

Figure 4

ERPs evoked by negative responses (“I do not see”) to unmasked targets and non-targets in the unattended field at the occipital (O1, O2), temporal (T5, T6) and parietal (P3, P4) electrodes. Responses “I do not see” are drawn with dashed line, responses “I see” are drawn with solid line

2014a) that there would be no attentional components (SN) obtained during IB. This prediction was based on findings by Del’Aqua, Sessa, Jolicoeur, & Robitaille (2006). In their study the absence of N2pc³ related to early filtering was demonstrated during the second target (T2) presentation in attentional blink condition (RSVP paradigm). According to Raffone, the lack of physiological correlates of attentional filtering implies that the attentional process is not initiated and does not

lead to awareness in such phenomena as attentional blink and inattentional blindness.

But were there really no attentional correlates found in the experiment by R. Del’Aqua et al.? Their experiment used the attentional blink paradigm, where two targets were presented successively with the second target not being noticed when it was presented close in time to the first. The lack of an N2pc component was seen only when the first target in the attentional blink

³ “N2pc typically arises at post-stimulus latencies of 180–300 msec, and consists of a more pronounced negative activation of the posterior sites contralateral to the visual hemifield where the target is presented, relative to ipsilateral sites... Luck and colleagues proposed that the N2pc reflects the process of suppressing interfering distractor stimuli in the context of target identification“ (Mazza, Turatto, & Caramazza, 2009, p. 880).

paradigm consisted of digits. When it was presented as a character (“=”), the researchers found both the N2pc component and the following component related to storing of information after filtration (the sustained posterior contralateral negativity – SPCN). According to Del’Aqua and colleagues, when targets are characters they are associated with less attentional load, which leaves the possibility of detecting an extra item. Probably, such a partial load of attention took place in our study; therefore the component of object-based attention (SN) was found. Such an assumption would bind attention and visual awareness into a serial process, wherein attention provides access to further awareness. However, Del’Aqua et al. do not relate obtaining attentional components to the accuracy of verbal reports in their experiments (see similar results in Luck, Woodman, 2003). Thus, an alternative interpretation is possible, namely that attentional processing is not a prerequisite for the subsequent awareness (Cohen et al., 2012; Kentrige, Nijboer, & Heywood, 2008).

We didn’t show the lack of top-down attention in the presence of visual awareness; consequently it is hard to conclude anything about Koch & Tsuchiya’s (2007) approach on the basis of our data. We can argue against the approach of Raffone et al. (2014a) because the SN component found in

the IB condition contradicts their idea about the lack of attentional amplification and ignition leading to an inability to consciously perceive the extra item in IB.

Our study showed that in an IB condition the correlate of object-based attention (SN) was detected in the absence of the conscious processing component (P300). This implies that in the IB condition the process of early stimuli discrimination might take place together with the absence of the lack of verbal reporting in later stages of processing. According to Koivisto (Koivisto et al., 2009) and Lamme (Lamme, 2003) early stages of information processing can be attributed to the “phenomenal consciousness”, subjective experience in the absence of verbal reporting. Perhaps the response “I do not see” in the IB condition in our study is associated with underachieving of the last stage of stimulus processing, which is “access consciousness”, despite the successful completion of the previous stages.

Acknowledgments

The authors would like to thank Anna Shestakova for a discussion on the design of the experiment; Sergey Tugin for a help with a presentation program and Mika Koivisto for his valuable comments and discussion on the draft of the article.

References

- Baars, B. J., Franklin, S., & Ramsay, T. Z. (2013). Global workspace dynamics: cortical “binding and propagation” enables conscious contents. *Frontiers in Psychology*, 4, 200.
- Block, N. (2007). Consciousness, accessibility, and the mesh between psychology and neuroscience. *Behaviour and Brain Science*, 30, 481–548.

- Carrasco, M., Ling, S., & Read, S. (2004). Attention alters appearance. *Nature Neuroscience*, *7*, 308–313.
- Cartwright-Finch, U., & Lavie, N. (2007). The role of perceptual load in inattentive blindness. *Cognition*, *102*(3), 321–340.
- Cohen, M., Alvarez, G., & Nakayama, K. (2010). Gist perception requires attention. *Journal of Vision*, *10*(7), 187–187.
- Cohen, M. A., Cavanagh, P., Chun, M. M., & Nakayama, K. (2012). The attentional requirements of consciousness. *Trends Cognitive Sciences*, *16*, 411–417.
- Dehaene, S., Changeux, J.-P., Naccache, L., Sackur, J., & Sergent, C. (2006). Conscious, preconscious, and subliminal processing: a testable taxonomy. *Trends in Cognitive Sciences*, *10*, 204–211.
- Dell'Acqua, R., Sessa, P., Jolicoeur, P., & Robitaille, N. (2006). Spatial attention freezes during the attention blink. *Psychophysiology*, *43*, 394–400.
- Delorme, A., & Makeig, S. (2004). EEGLAB: an open source toolbox for analysis of single-trial EEG dynamics. *Journal of Neuroscience Methods*, *134*, 9–21.
- Fei-Fei L., VanRullen R., Koch C., & Perona P. (2002). Rapid natural scene categorization in the near absence of attention. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, *99*, 9596–9601.
- Kentridge, R. W., Nijboer, T. C., & Heywood, C. A. (2008). Attended but unseen: visual attention is not sufficient for visual awareness. *Neuropsychologia*, *46*, 864–869.
- Koivisto, M., Kainulainen, P., & Revonsuo, A. (2009). The relationship between awareness and attention: Evidence from ERP responses. *Neuropsychologia*, *47*(13), 2891–2899.
- Koivisto, M., & Revonsuo, A. (2010). Event-related brain potential correlates of visual awareness. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, *34*(6), 922–934.
- Koivisto, M., Revonsuo, A., & Lehtonen, M. (2006). Independence of visual awareness from the scope of attention: an electrophysiological study. *Cerebral Cortex*, *16*(3), 415–424.
- Koivisto, M., Revonsuo, A., & Salminen, N. (2005). Independence of visual awareness from attention at early processing stages. *Neuroreport*, *16*(8), 817–821.
- Kuvaldina, M. B., & Adamyan, N. A. (2011). To expect means not to expect: role of anticipation rigidity in inattentive blindness. *Journal of Russian and East European Psychology*, *49*(5), 62–77.
- Lamme, V. A. F. (2003). Why visual attention and awareness are different. *Trends in Cognitive Sciences*, *7*(1), 12–18.
- Lavie, N., Beck, D. M., & Konstantinou, N. (2014). Blinded by the load: attention, awareness and the role of perceptual load. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, *369*(1641), 20130205.
- Mack, A., & Clarke, J. (2012). Gist perception requires attention. *Visual Cognition*, *20*(3), 300–327.
- Mack A., & Rock I. (1998). *Inattentive Blindness*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Mazza, V., Turatto, M., & Caramazza, A. (2009). Attention selection, distractor suppression and N2pc. *Cortex*, *45*(7), 879–890.
- Most, S. B. (2010). What's "inattentive" about inattentive blindness? *Consciousness and Cognition*, *19*(4), 1102–1104.
- Most, S. B., Scholl, B. J., Clifford, E. R., & Simons, D. J. (2005). What you see is what you set: Sustained inattentive blindness and the capture of awareness. *Psychological Review*, *112*(1), 217–242.
- Naccache, L., Blandin, E., & Dehaene, S. (2002) Unconscious masked priming depends on temporal attention. *Psychological Science*, *13*, 416–424.

- Olivers, C. N. L., & Nieuwenhuis, S. (2006). The beneficial effects of additional task load, positive affect, and instruction on the attentional blink. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 32(2), 364–379.
- Pitts, M. A., Martinez, A., & Hillyard, S. A. (2011). Visual processing of contour patterns under conditions of inattention blindness. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 24(2), 287–303.
- Raffone, A., Srinivasan, N., & van Leeuwen, C. (2014a). The interplay of attention and consciousness in visual search, attentional blink and working memory consolidation. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, 369(1641), 20130215.
- Raffone, A., Srinivasan, N., & van Leeuwen, C. (2014b). Perceptual awareness and its neural basis: bridging experimental and theoretical paradigms. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, 369(1641), 20130203.
- Railo, H., Koivisto, M., & Revonsuo, A. (2011). Tracking the processes behind conscious perception: a review of event-related potential correlates of visual consciousness. *Consciousness and Cognition*, 20, 972–983.
- Sergent, C., Wyart, V., Babo-Rebelo, M., Cohen, L., Naccache, L., & Tallon-Baudry, K. (2013). Cueing attention after the stimulus is gone can retrospectively trigger conscious perception. *Current Biology*, 23(2), 150–155.
- Tononi, G. (2013). Integrated information theory of consciousness: An updated account. *Archives Italiennes de Biologie*, 150(2–3), 290–326.
- Van Boxtel, J. J. A., Tsuchiya, N., & Koch, C. (2009) Opposing effects of attention and consciousness on afterimages. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 107(19), 8883–8888.
- Woodman, G. F., & Luck, S. J. (2003). Dissociation among attention, perception, and awareness during object-substitution masking. *Psychological Science*, 14, 605–611.
- Wyart V., & Tallon-Baudry C. (2008). Neural dissociation between visual awareness and spatial attention. *Journal of Neuroscience*, 28, 2667–2679.

Iamshchinina Polina A., Vrije University Amsterdam

E-mail: p.iamshchinina@student.vu.nl

**Kuvaldina Maria B., Associate professor, Department of General Psychology,
Faculty of Psychology, Saint-Petersburg State University**

E-mail: m.kuvaldina@spbu.ru

Address: 7/9, Universitetskaya Naberezhnaya, Saint-Petersburg, Russia, 199034

Исследование условия слепоты по невниманию методом вызванных потенциалов

Ямщикина Полина Александровна
Свободный университет Амстердама
E-mail: p.iamshchinina@student.vu.nl

Кувалдина Мария Борисовна
Доцент кафедры общей психологии, факультета психологии СПбГУ,
кандидат психологических наук
E-mail: m.kuvaldina@spbu.ru

Резюме

На данный момент в сфере когнитивной психологии большое внимание уделяется вопросу о механизмах работы сознания, в частности, различиям в функциях внимания и зрительного осознания. В связи с этим особый интерес представляют иллюзии внимания, такие как мигание внимания, слепота по изменению, слепота по невниманию, которые, возможно, демонстрируют наличие одного из процессов в отсутствие другого.

Данная работа посвящена исследованию слепоты по невниманию и поиску психофизиологических коррелятов зрительного осознания (visual awareness negativity, VAN) и объектно-ориентированного внимания (selective negativity, SN) в нем. В эксперименте была использована модифицированная методика М. Коивисто (Koivisto, Kainulainen, & Revonsuo, 2009), позволяющая манипулировать факторами зрительного осознания и привлечения внимания. Задача испытуемых состояла в поиске целевого стимула среди дистракторов с подсказанной стороны, при этом стимулы могли быть маскированы или нет. В качестве условия слепоты по невниманию рассматривалось предъявление цели в поле невнимания. Было показано, что в условии слепоты по невниманию наблюдается компонент объектно-ориентированного внимания (SN), что говорит о способности испытуемых к различению цели и дистрактора. При этом не был получен поздний коррелят (P300), связываемый со зрительным осознанием цели в условии слепоты по невниманию. Можно заключить, что слепота по невниманию связана с различением стимулов на ранних этапах переработки зрительной информации и отсутствием вызванного потенциала на поздних этапах переработки.

Ключевые слова: слепота по невниманию, сознание, негативность зрительного осознания, компонент объектно-ориентированного внимания.

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:

<http://psy-journal.hse.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-59803 от 7 ноября 2014 г. зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).

Адрес издателя и распространителя
Фактический: 115230 Москва, Варшавское ш., д. 44а, оф. 405а,
Издательский дом НИУ ВШЭ

Почтовый: 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел. (499) 611-15-08, E-mail: id.hse@mail.ru

Формат 70x100/16. Тираж 350 экз. Печ. л. 11